

Евгений
Степанов

книга мемуаров

ЭТО

действительно

БЫЛО

Евгений СТЕПАНОВ

**ЭТО
действительно
БЫЛО**

книга мемуаров

Москва 2007
Издательство «Вест-Консалтинг»

Евгений Степанов

Это действительно было. — М.: Вест-Консалтинг, 2007.
— 196 с.

Евгений Степанов — известный московский журналист, писатель и специалист по связям с общественностью, основатель и генеральный директор фирмы «Вест-Консалтинг», которая провела десятки рекламных кампаний в России и за рубежом. Автор более 20 книг. В своих мемуарах «Это действительно было» автор рассказывает о встречах с выдающимися людьми, которые уже ушли из жизни, — Татьяной Бек, Артемом Боровицом, Сергеем Бондарчуком, Игорем Кио, Алексеем Хвостенко, Львом Яшиным и многими другими. В книге приведены эксклюзивные архивные материалы, интервью. Она рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

ISBN 978–5–903321–08–7

© Евгений Степанов, текст, 2007

© Оригинал-макет, Вест-Консалтинг, 2007

ПИСАТЕЛИ

Бек с препятствиями, или Записки соседа	6
Мой начальник Артем Боровик	43
Король пародии Александр Иванов	57
Николай Тюльпинов: «Храм — это спасение русских в Париже!»	68
Алексей Хвостенко: «Работать надо адски!»	78
Вячеслав Шугаев: «Как я был тимуровцем...»	92
Федот Сучков: «Почему я молчал?»	100
Юрий Болдырев	106
Семен Липкин	110
Эммануил Штейн — архивариус № 2	114
По довлатовским местам в Нью-Йорке	119
Стихи-автографы Геннадия Айги	126

АРТИСТЫ

Сергей Бондарчук: «Мне скрывать нечего!»	148
Пресс-секретарь Игоря Кио	171
Махмуд Эсамбаев: «Я танцевал под страхом быть убитым!..»	178

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДРУГИХ ПРОФЕССИЙ

Лев Яшин: «Предпочитаю простую удочку!»	184
Игорь Ольшанский	187
Виталий Савицкий: «Россия будет процветающей!..»	192

ОТ АВТОРА

Работа журналиста дарит множество встреч. И мне по роду службы приходилось встречаться с огромным количеством людей. Бывало по-разному. Иногда сделаешь интервью — и больше с человеком не общаешься. Иногда встречи перерастали в дружбу.

Мне посчастливилось дружить с выдающимися людьми — Артемом Боровиком, Татьяной Бек, Игорем Кио, Геннадием Айги и длительное время общаться со Львом Яшиным и Сергеем Бондарчуком, Семеном Липкиным и Александром Ивановым... Со всеми из них я делал интервью, записывал их голос на магнитофон, все интервью визировал. Так что в этой книге не будет ни одного вымышленного слова. Все это действительно было.

Эта книга о тех, кого уже нет на этой земле, но живы в моей памяти.

Евгений Степанов

писатели

БЕК С ПРЕПЯТСТВИЯМИ, ИЛИ ЗАПИСКИ СОСЕДА

Из окна моей «аэропортовской» квартиры виден дом Татьяны Александровны Бек. От моего дома до ее — 5 минут пешком.

* * *

Мы познакомились двадцать лет назад.

1986 год. Я зашел в редакцию журнала «Дружба народов» в гости к своему знакомому Алексею Парщикovu. Как выяснилось, Алексей Максимович уже уволился. В его комнате, в отделе поэзии, оказалась неизвестная мне женщина.

— А Вы что, стихи пишете? — спросила обаятельная улыбчивая брюнетка.

— Да, пишу, — сказал я.

— Покажите.

Я показал.

Она стала читать. И предложила их оставить.

Так я познакомился с Татьяной Александровной Бек.

А через неделю она опубликовала обо мне хорошие

слова на первой полосе в «Комсомольской правде». Мне было двадцать два года, после шестилетнего отсутствия я только что вернулся в Москву из милого районного городка Рассказова Тамбовской губернии.

* * *

И вот сейчас 2007 год. И позади двадцать лет. И Татьяны Александровны нет в живых. «А мы все вертим круговерть».

* * *

Светлой памяти Татьяны Бек

вода и камень деревья трава кусково
вода и камень дельфины русалки крым
вода и камень готический почерк прага
вода и камень бетон и стекло нью-йорк

и все утекает родное в лете́йские воды
и все утекает зачем-то в лете́йские воды
а я старикашка по-прежнему на берегу
я только печалюсь и плачу
понять ничего не могу

* * *

Тогда, двадцать лет назад, она (стыдно сейчас об этом мне, мужчине, говорить) взяла надо мной шефство. Печатала. Учила поэтическим и филологическим азам-премудростям. Сохранились ее очень точные, наблюдательные пометки на полях моих незрелых сочинений.

* * *

Мне вчера один литконсультат
Говорил: — Ты, Степанов, талант.
А сегодня тот литконсультант
Заявил мне, что я дилетант.

Пометка Т. Бек на полях: ***! он прав!***

* * *

Обабился. Хочу
Припасть к святым коленям
Любого человека,
Который б пожалел.

Поправка Т. Бек на полях: ***какой бы***

РАЙЦЕНТР

В райцентре нет особенного лоску,
Однако я в райцентре не пропал.
Я подбегал к заветному киоску
И местную газету покупал.

В ней красовались чрезвычайно мило
Мои рондо, верлибр или сонет.
И киоскерша мудро говорила,
Какой я замечательный поэт.

Поправка Т. Бек на полях: ***мои стихи: баллада и сонет.***

Потом я шел на службу, как на праздник,
Не чувствуя, не видя под собой

Бурлящей, буйной грязи непролазной,
И не желая в стольный град, домой.

Когда мы познакомились и подружились с поэтом Сергеем Арутюновым, он показал мне рукопись своих стихов с похожими пометками Татьяны Александровны. Как говорят в боксе, она умела ставить удар.

Сергей АРУТЮНОВ

Поздно все сообразили,
Что нам нес запретный фрукт.
Хочешь жить? Продай Россию.
Сразу русским назовут.

Пометка Т. Бек на полях: ***слишком декларативно.***

Убежден, что таких мини-рецензий на полях Татьяна Александровна, много лет проработавшая в редакциях и Литературном институте, оставила тысячи. Интересно было бы их собрать и издать отдельной книгой.

* * *

В 1989 году я стал стажером и консультантом отдела литературы журнала «Огонек», а вскоре Владимир Вигилянский устроил меня на работу редактором в популярный тогда еженедельник «Семья». Мы стали с Татьяной Александровной сотрудничать.

Я часто рекомендовал ей понравившихся мне поэтов, она присылала тексты авторов, которые были симпатичны ей.

Именно она (с помощью Натальи Борисовны Ивановой) напечатала в 1992 году рукопись талантливого рус-

ского американца, поэта-авангардиста Михаила Крепса в «Дружбе народов».

Но, конечно, всех напечатать не удавалось.
Вот ее письмо от 2.1.1990

Дорогой Женя!

Увы, от Синкевич (Валентина Алексеевна Синкевич. — русская филладельфийская поэтесса. — **Е.С.**) Н.Б.И. (Наталья Борисовна Иванова, в то время редактор отдела поэзии «Дружбы народов». — **Е.С.**) отказалась наотрез — возвращаю.

Я же тебе, в свою очередь, предлагаю другую «очаровательную женщионерку» — замечательную поэтессу (чувствую, увы, более в качестве переводчицы) Юлию Нейман. Это — мемуары об Арсении Тарковском, по-моему, очень даже «для вас»... Она сама живет затворницей и попросила меня связать ее с внешним редакционным миром.

Прочти — и отзовись.

Т. Бек

В газете «Семья» мы вместе с моим начальником и другом Михаилом Поздняевым вели множество рубрик, в частности, «Семейный круг», где печатали стихи, прозу, мемуары. Я предложил Татьяне Александровне опубликоваться. Она согласилась, и мы стали готовить к печати большую подборку ее стихов. Сохранилось такое письмо.

Дорогой Женя!

Принесла побольше, — чтобы был выбор.

Очень хотелось бы, если получится, напечатать у вас «Цыган-

щину» и «Не видеть из-за горечи...» — дело в том, что они вошли в мою подборку в № 1 «Апреля» в страшно изуродованном (по вине типографии) виде, «скрепленные» друг с другом, а строфы вперемешку. Ужас!

Твоя
Т.А. Бек
22.1.90

* * *

Подборка вышла большая и хорошая. Татьяна Александровна осталась довольна.

* * *

Однажды я предложил ей для публикации в «Дружбе народов» стихи Ефима Бершина, с которым мы тесно сотрудничали — он печатал поэтов в замечательной газете «Советский цирк». Татьяне Александровне стихи Ефима Львовича не приглянулись. Она прислала такое письмо.

Дорогой Женя!

Ефим Бершин, как я думаю, человек в о о б щ е культурно одаренный, — как говорится, духовный и т.д. Но на всех его стихах есть какая-то пленка не совсем чтобы банальностей, а все же именно общекультурной расхожести.

...Я с одним крылом.
И ты с одним.
И стая улетела.

Или:

...передо мной
в мучительной истоме,
как рана,
на лице зияет черный рот.

«Божественный обман», «глаза витрин», «над роялем крылья рук» — на мой частный вкус, т а к нельзя. Нет индивидуальной резкости черт, нет самоиронии или иного прорыва сквозь привычные образы.

Вот такие дела, мой дорогой друг.

Твоя Т.А. Бек
28.3.90

* * *

Каким она была человеком? Она была поэтом. То есть человеком непростым — порывистым, увлекающимся, резким.

Когда вышла толстенная книга мемуаров о ней, в которой я прочитал воспоминания самых различных людей, то немного удивился: практически с каждым из авторов сборника она в разное время находилась в конфликте.

Она крайне не любила наше аэропортовское «гетто» (вообще, писательскую среду), избегала ее, но беда заключалась в том, что другой среды у нее — от рождения! — не было.

* * *

Вспоминаю, с какой радостью она общалась с так на-

зываемыми простыми людьми. В конце девяностых я работал в пресс-центре Мосэнерго и приходил к ней в гости с моими товарищами-энергетиками Олегом Исаевым и Вадиком Федосеевым. Она не могла с ними наговориться, хотя эти люди стихов не писали и не читали в принципе. Радужно угощала шоколадными конфетами, «лимонными дольками», орехами. Кошка бегала по книжным полкам.

* * *

Писателей (как людей) она хвалила редко. Что совершенно удивительно, любила некоторых авангардистов — Геннадия Айги, Юрия Милораву. Зная, что я часто общаюсь с Геннадием Николаевичем, просила меня, чтобы я договорился с ним об интервью для «Вопросов литературы», где она долгое время работала.

* * *

Неизменные авторитеты (как люди и как авторы) — Борис Слуцкий, Николай Глазков, Ксения Некрасова, Владимир Соколов, Анатолий Рыбаков, Владимир Войнович, Иосиф Бродский, Юрий Коваль, Владимир Корнилов... Корнилов был ее ближайшим другом и авторитетом.

* * *

Очень часто говорили о Евгении Рейне. Я все удивлялся, что она так тепло относится к этому литератору.

— Он ведь не поэт! — однажды, выпив для храбрости рюмашку коньяку, сказал я.

Она непритворно удивилась:

— А кто же он тогда? Городской сумасшедший?
— Насчет сумасшествия не знаю. Но, конечно, то, что он делает, это плохая зарифмованная проза. Длинная и занудная.

— А Николай Алексеевич Некрасов?

— Тоже не поэт! — рубил я, войдя в раж, с плеча. — Он — прозаик, писавший в рифму. И Пушкин прозаик.

Она хохотала.

Потом я «напал» и на Владимира Корнилова. И тут она «взорвалась». И прямо послала меня на три буквы.

Через час прислала письмо с извинениями.

* * *

Корнилов действительно был ее кумиром и во многом учителем. Этому поэту она посвятила замечательное стихотворение.

Время «Эмок», и «Зисов», и «Зилов».

Время трезвости — время вина.

А Володя, который Корнилов,

Был единым на все времена.

Он, избравший судьбу однолюба,

Не умел оставаться в ряду,

Ибо совесть, как мощная лупа,

Укрупняет чужую беду.

И когда ничего не светило

И никто никого не спасал, —

Он отнюдь не утрачивал пыла,

А садился и письма писал.

Мы ловили «знамения века».

А Корнилов

под сенью знамен,

Был однажды в уборщики снега
Из писателей переведен.

Времена то ушли, то настали.
Но зато навсегда — человек.
Скажем, этот —
 единственный в стане
И опять убирающий снег.

...То я дурочкой, то богомолкой.
А Корнилов идет по шоссе
В этой кожанке, с этой кошелкой,
Абсолютно инакий, чем все.

Снова хочется жить, колобродя,
На тоску и на робость начхав, —
Потому что Корнилов Володя
Повстречался мне в рыжих очках.

1990

* * *

Ее ближайший круг — Виктория Шохина, Евгений Рейн, Максим Амелин, Сергей Арутюнов, Александр Шаталов, Евгений Лесин, Инга Кузнецова, Игорь Шайтанов, Лазарь Лазарев, Алексей Алехин, Олег Клинг. Об этих людях я слышал в каждой беседе столько и хорошего, и не очень, что воспроизводить не берусь. Но понимал одно: раз она о них так много говорит, то они и есть ее семья, ее самые близкие люди. А в семье всегда любовь соседствует с руганью. Чужие люди нам просто безразличны.

* * *

Недавно встретились с Сережей Арутюновым. Разговорились. Я спросил:

— А меня она, наверное, тоже любила «приложить»?..

Сережа сказал:

— Нет, тебя просто называла, любя, сумасшедшим...

* * *

Любые мемуары — это, конечно, рассказ о себе. Избежать этого, к сожалению, не получается. Но мне бы хотелось рассказать именно о Татьяне Бек, о ее человеческих и поэтических принципах.

* * *

Татьяна Бек в том направлении, в котором она работала, по праву считалась настоящим мастером. Она была в поэзии (и в жизни) предельно искренна, ее стихи исповедальны и завораживающи. Она не допускала неточных рифм. Например, рифма плетью/ долголетья была для нее неприемлема, только плетью/ долголетью. Она признавала абсолютно точные рифмы.

Топором/ пером, окаянны/ стаканы, препаршиво/ пошива и т.д.

Любые отклонения в сторону отвергала как автор и не пропускала как редактор.

— Хорошая рифма, — говорила она, — для меня основа стихотворения.

* * *

Она была увлекающимся человеком. И, зачастую, на мой взгляд, переоценивала своих друзей (в первую оче-

редь отношу это к себе). То есть она проявляла симпатию к человеку — и эта любовь переходила на его творчество. Она начинала этого человека всячески пропагандировать — публиковать, писать о нем рецензии, рассказывать по радио. И любовь не знала границ.

Однажды мы пили с ней чай у нее дома, и я сказал ей об этом.

Она посмотрела на меня мудрым ироничным взглядом...

* * *

Когда в 1997 году вышла моя тоненькая книжечка стихов «Прикосновение», я, конечно, первым делом принес ее Татьяне Александровне. Сидели у нее на кухне, пили чай. Она хвалила. Она хвалила, а я думал о том, что читателей у моей книжонки будет не более десяти человек. И это нормально. Все люди настолько индивидуальны, различны, разбиты на всевозможные виды, подвиды, группы, что десять читателей — это даже много. В огромном, девятимиллионном городе у меня пять-шесть человек, с которыми я общаюсь постоянно. Среди них была Татьяна Александровна, и мне этого вполне хватало.

* * *

Иногда она мне рассказывала о своей личной жизни. Фигурировали очень известные литературные имена. Писать об этом не имею права.

* * *

Мы неоднократно говорили с ней о природе творчества. Об импульсах к написанию стихов.

— Меня «заводят» хорошие книги, стихи, строки,

рифмы, — делилась Татьяна Александровна, — читаю Тарковского, Межирова, Блаженного — и мне хочется писать самой.

* * *

Она была уникально образована. Другого такого знатока поэзии я не знал. Когда нужно было что-то уточнить (дату рождения поэта, кто автор той или иной строки и т.д.) — я звонил ей. И она выдавала информацию лучше, чем энциклопедический словарь.

* * *

Работоспособность — феноменальная. Она сделала комментарии к книгам своего отца, писателя Александра Бека, составила Антологию акмеизма, издавала книги Соколова, Глазкова, Некрасовой, работала журналисткой, писала рецензии, делала интервью...

Вспоминаю, с какой пунктуальностью она работала над Антологией акмеизма. Обзванивала всех знакомых — ей приносили книги по этой теме. Штудировался каждый источник.

* * *

Мы любили рассказывать друг другу смешные истории, читать по телефону забавные силлабо-тонические стихи и палиндромы.

Однажды она позвонила ночью и сказала:

— Записывай замечательный палиндром. Давала попу — попала в ад. Это сын Рейна написал.

* * *

В 1987 году мы вместе ездили в Тарусу. Это была группа научных сотрудников музея Николая Островского, где я тогда работал. Я пригласил Татьяну Александровну и ее друга — грузинского поэта-переводчика Х. В Тарусе произошел смешной эпизод.

Устроили пикник на берегу Оки.

Х. сказал:

— Таня, угощайся, сегодня ты женщина.

Мы потом часто, смеясь, вспоминали эту фразу.

* * *

Мы разговаривали, конечно, не только о литературе. Обо всем. Взахлеб. Она говорила: «Мы трахаемся с тобой головами».

Общаясь по телефону, мы иногда позволяли употреблять в речи обценную лексику. В этом, по-моему, была какая-то извращенная интимность и особое доверие...

* * *

Когда речь заходила о взаимоотношениях полов, мы наперебой давали советы друг другу, как лучше устроить личную жизнь. Правда, ничего у нас на практике не получалось.

Она так видела брак поэта.

— Жить нужно либо с равновеликим человеком, либо с человеком, который на порядок в плане развития тебя ниже, совсем с простым. Когда к человеку не предъявляешь больших претензий — легче. Живешь и живешь.

* * *

Разговоры длились часами, в основном вечерами. Инициатором, как правило, была она. Переписка длилась рывками, фрагментарно. Были перерывы в несколько лет.

* * *

Когда в 2003 году вышла ее книга «До свидания, алфавит», я прочитал ее с огромным интересом. Это собрание эссе, литературных портретов, баек-миниатюр, мемуаров, интервью, стихов... Многожанровая книга. И в каждом жанре Татьяна Бек предстала сложившимся профессионалом, имеющим свою индивидуальность.

В эссе «Люди — кактусы — верблюды (Думая об Арсении Тарковском)» Татьяна Александровна вывела точную формулировку — «пассионарная неуместность». Как ни горько это признать, но во многом эта формулировка (а ее смысл мне видится в недостаточно сильном резонансе на произведения автора) оказалась характерна и для творческой судьбы Бек. Ее великолепные миниатюры не стали так популярны, как байки Сергея Довлатова, ее глубокие интервью не столь тиражированы, как, скажем, беседы Феликса Медведева. Впрочем, для художника это абсолютно не главное. Главное — дело сделано. И сделано очень квалифицированно.

Я сказал ей об этом. Она улыбнулась. И — ее как будто прорвало:

— Ты знаешь, я очень рада, что эта книга хорошо продается, причем в самых крупных магазинах. Я на нее возлагаю большие надежды и очень благодарна издателю Гантману (он теперь тоже в лучшем из миров. — *Е.С.*). Он буквально был послан мне свыше. Он пришел ко мне

на помощь, когда я опубликовала полосу своих заметок в «Экслибрисе». Позвонил и спросил: «Вы ждете издателя? Это я».

* * *

О «пассионарной неуместности» мы с ней говорили многократно. Она считала:

— Нам с тобой чего-то недосыпали, недодали... Поэтому мы неабсолютны. Мы не можем с тобой прибиться ни к одному национально-идеологическому берегу в силу запутанного происхождения.

Кстати, национальный вопрос ее всегда волновал.

Ей в самом деле приходилось непросто. Поскольку по отцу она была обрусевшей датчанкой, а по маме наполовину русской, наполовину еврейкой... Но, по сути, она была, конечно, настоящей русачкой. И никогда не собиралась эмигрировать, и любила здешние места.

Помню, она приехала в очередной раз из Америки. Позвонила мне:

— Какое все-таки счастье, что я дома! Даже наша неяркая природа мне ближе.

* * *

Она была самоиронична. Любила посмеяться над собой, нарисовать шаржированный автопортрет (один из них у меня сохранился).

Процитирую симпатичнейший фрагмент из книги «До свидания, алфавит», где фигурирует Фаина Раневская.

«Фаина Георгиевна Раневская, которая очень подружилась с моими родителями летом 1964 года на финском озере, в Комарове, называла меня приязненно «мад-

муазель Модильяни» — за мою худобу и вытянутость на грани шаржа. Позднее, уже в Москве, она мне даже, когда мы ходили к ней в гости, подарила итальянский альбом художника с соответствующей надписью...

Теперь я уже ближе к мадам Рубенс...»

* * *

В той же книге «До свидания, Алфавит», в эссе «Про Ленечку Шевченко» автор приводила слова этого молодого, к несчастью рано ушедшего от нас, поэта, о том, что ее стихи «отравлены смыслом». Интересна и — единственно правильна! — была реакция поэтессы: «Ученик оборотился в нельстивого и, наверное, справедливого учителя».

Про Леонида Шевченко она неоднократно вспоминала, очень его ценила и скорбела об утрате.

* * *

Разговор о смысле (прозе) в поэзии был у нас постоянный. Моя позиция заключалась (я и сейчас так думаю) в том, что поэзия — это то, что нельзя пересказать прозой. Но определений у поэзии много. И все они имеют право на существование. Важно — каких результатов автор добивается в избранной стилистике.

— Так, значит, и я не поэт? — однажды в сердцах воскликнула она.

— Конечно, поэт! — искренне отвечал я. — Вы — последовательница традиций Бориса Слуцкого (самого крупного русского поэта XX века, по словам Дмитрия Сухарева). В своей стилистике Вы — настоящий мастер, «прогоняющий через прозу каждый стих». И в этом смысле у Вас много общего с гениальным Буниным. В

Вашей прозе и журналистике — подлинная поэзия. Вот как Вы пишете в эссе о своей кошке. Она «была похожа на охапку вербы с желтыми глазками». Разве это не верлибр?!

Она успокаивалась.

* * *

Гордилась знакомством с Бродским, тесным общением с Чухонцевым, Мориц, Вознесенским... Чухонцев в свое время напечатал ее, шестнадцатилетнюю девочку, в «Юности».

Кстати, уже после смерти Татьяны Александровны я разговаривал о ней с Андреем Андреевичем Вознесенским. Он сказал:

— Таня была святая...

* * *

Однажды, в середине девяностых, она пришла ко мне домой. И я впервые в жизни попросил ее дать мне автограф. Она села за стол и тут же написала.

О, мой друг Степанов Женя,
На костре самосожженья
Наши души пусть горят
Много лет еще подряд!

* * *

В 1999 году я затеял журнал «Футурум АРТ». Татьяна Александровна предложила свою помощь, начала знакомить с разными молодыми поэтами. И в первом номере с ее предисловием появились стихи малоизвестных

тогда Сергея Арутюнова, Инги Кузнецовой, Олега Кочеткова. Их она опекала всю жизнь. Прежде всего, пожалуй, Сережу Арутюнова.

* * *

К журналу относилась с постоянным вниманием. Особенно ее тронул рассказ Наталии Кузьминой «Мягкая игрушка», про девочку, которую затравили одноклассницы.

Этот рассказ вышел в № 5 «Футурума» за 2004 год.

* * *

Когда я начинал создавать журнал, она говорила:
— Сделай хотя бы три номера. Это уже будет большой результат.

* * *

Ее важнейшая черта — безукоризненная моральная чистота, порядочность и щепетильность.

Помню, предложил ей напечататься в моем новом журнале «Дети Ра». Она согласилась, но предупредила:

— Я дам подборку, но эти стихи скоро выйдут в моей новой книге. Ты согласен на такие условия?

Я, конечно, согласился. Честно говоря, никто из поэтов за долгие годы моей редакторско-издательской деятельности о подобных вещах никогда не предупреждал.

* * *

Она жила небогато. Иногда денег не было совсем. Но никогда не просила.

* * *

Жадных не любила.

Помню, полчаса возмущалась, рассказывая, как в кафе ее спутник-мужчина не заплатил за нее.

— Я, конечно, сама заплатила за свой кофе. Это копейки! Но ведь он мужчина! Раз пригласил даму в кафе — обязан заплатить!

* * *

Помню ее пятидесятилетний юбилей. Она его торжественно не отмечала, пригласила друзей и знакомых (меня в том числе) на свой литературный вечер в музей Герцена, на Арбате. Перед этим мы долго разговаривали по телефону. Я поздравил ее. Она спросила:

— Ну и что ты еще мне скажешь?

— Хочу процитировать Пикассо. Нужно прожить много лет, чтобы, наконец, почувствовать себя молодым.

Она согласилась:

— Это точно. Я только сейчас почувствовала себя молодой. А у тебя, сорокалетнего мужика, и вовсе детство.

Потом добавила:

— Знаешь, какой самый странный вывод я сделала к этим годам? Не надо переоценивать чувство любви. Оно далеко не всегда продуктивно и светло. Есть гораздо более высокие понятия. Например, такие, как дружба, книги...

Я тогда с ней согласился. Хотя сейчас, когда уже сам приближаюсь к полтиннику, настроен еще более пессимистично. Я весьма скептически расцениваю и дружбу, и тем более книги.

Почему-то в последние годы я все чаще вспоминаю слова моей бывшей возлюбленной, прекрасной

Ирочки Ф.: «Мои товарищи прекрасны, только лучше с ними не встречаться в ущелье на узкой тропинке».

* * *

Общаться с ней было великой роскошью. Я всегда ждал ее звонка, сам старался лишний раз не беспокоить. Она говорила долго и охотно тогда, когда у нее возникала в этом потребность.

Говорили мы обо всем — о поэзии, о взаимоотношениях полов, разумеется, обсуждали общих знакомых.

* * *

К сожалению, в последние годы нервы у нее были на пределе. Конфликтные ситуации с близкими людьми постоянно повторялись. Она жаловалась — я успокаивал.

В последние 7 — 8 лет это был обычный для нас разговор.

* * *

Однажды мы решили с ней написать совместную книгу. Книгу-интервью. Где хотели зафиксировать все наши многочасовые беседы.

Я начал записывать эти разговоры. Получилась для начала беседа на литературные темы. Я прислал ее Татьяне Александровне. Она стала туда дописывать отдельные фрагменты.

* * *

15 августа 2004 года, поздно вечером, Татьяна Александровна прислала по электронной почте письмо.

БЕК С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Женечка!

Беседа интересная и весьма содержательная. Хотя, хоть убей, ты меня не убедил, что цитируемая строфа о Гоголе (я приводил в качестве примера хороших стихов четверостишие Сергея Бирюкова «Гоголь». — **Е.С.**) — серьезная поэзия. И что палиндромы можно рассматривать по большому счету как настоящую лирику. Все же я — заядлый смысловик... Не могу чувствовать иначе.

И еще собеседники (мы с ней. — **Е.С.**) совершенно обошли волнующий меня вопрос: почему порою тоталитарным режимам авангардствующие «звуковики» (ввожу такой термин!) гораздо угоднее, чем консервативные «смысловики», хотя формально, казалось бы, должно быть наоборот. Условно говоря, Семен Кирсанов был гораздо благополучнее, чем Владимир Корнилов. А Слуцкий оставил в столе и в самиздате, куда больше, чем Асеев² (Ср. с контекстом итальянского фашизма). Об остальном: а пошли они все (Кузьмин и компания) (литературного деятеля Дмитрия Кузьмина она не уважала. — **Е.С.**) туда-то. Главное, есть в стихах честный и завораживающий з в у к (он может быть и там, и там) или нет.

Еще, забыла. Я так и не поняла (теперь уже мы говорим спокойно и неэмоционально, с презумпцией взаимной любви и уважения), — как вышло, что ты — сугубый смысловик (за что я когда-то давно и полюбила в тебе творчески родственную душу, сразу, с первого прочтения) — не только накренился в сторону «звуковиков», а полностью перешел в их карас, ощутив себя не просто их родственником (это я тоже отчасти ощущаю, что видно по моим последних лет стихам), но и своеобразным л и д е р о м² Что за этим стоит психологически² Где ты собираешься публиковать присланную беседу²

Обнимаю
Татьяна Александровна

Через два часа — новое письмо.

Женя, глянь, что получилось. Я беседу чуть индивидуализировала, чтобы спокойно за нее отвечать.

Если ты ее «визируешь», то сразу же отзвони — и я ее моментально высылаю в «Экслибрис».

Жду отзвона.

ТАБ

* * *

Мы стали быстро обмениваться информацией по электронной почте.

* * *

Татьяна Александровна, только сейчас получил Ваш вариант. Он очень хороший. А я правку тоже важную внес. Как же быть? Жду указаний.

Женя

15.08.2004

22.30

Женечка, вдруг поняла что «вставку»-то я не выслала. Высылаю...

ТАБ

August 15, 2004 4:34 PM

И отправила еще одно письмо.

БЕК С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Женечка!

Ты меня убедил. Не надо выстраивать иерархию — кто лучше, а кто хуже. (Она спрашивала: кто лучше как поэт — Слуцкий или Айги. — Е.С.).

Побеждает поэзия. Впрочем, каждый творческий человек понимает ее индивидуально, что есть н о р м а.

Сервильные люди имеют место и там, и там. Страдалцы и противостояльцы власти — тоже: по обе стороны.

Кирсанова я в письме назвала лишь потому, что ты мне его в нашем сумбурном (по моей вине, прости) разговоре приводил в пример, если помнишь... А я еще сказала, что сейчас готовится его том в кушнеровской «Библиотеке поэта».

Беседу, если хочешь, могу попытаться протолкнуть в «Экслибрисе».

Я тебя очень люблю: ты как медведь на двух разъезжающихся льдинах — традиционалисты (как я) считают, что ты «лёг» под авангардистов, а те — наоборот. Что говорит о том, что ты небезразличен и тем, и другим. Как писал Франсуа Вийон (а он был кто?): «Я всеми принят — изгнан отовсюду». Такая наша планета. С Богом. (А меня Дмитрий Антоныч Сухарев на одном вечере знаешь, как назвал? «Бек с препятствиями!»).

Твоя неуместно

пассионарная

старшая

подруга

Татьяна БЕК

August 15, 2004 4:34 PM

Subject: stepanov

Дорогая и любимая Татьяна Александровна!

Мне кажется, в Эклибрис не возьмут. Я и так там, как ни странно, довольно частый гость. Рецензии, статья, потом Лесин про мою книжку писал... Хотя кто знает? А вот евреям (в тот журнал, куда Вы пишете) нельзя предложить? Был бы Вам признателен. Если нет — не проблема, где-нибудь все-таки пристрою, потому что текст получился под огнем Ваших серьезных вопросов для меня важный. Я стал лучше понимать свою собственную позицию. Смешно, но это так. Когда пишешь — думаешь лучше. Скоро привезут мою нью-йоркскую книжку, тогда сразу Вам все доставлю. Насчет медведя я согласен. Медведь и есть.

Обнимаю.

Женя

Медведю от Медведицы

Женечка!

Высылаю тебе текст твоей беседы с неизвестным мне Федором, который я чуток сократила. Беседа в «Эклибрисе» — не больше 10 тысяч знаков с пробелами. Так что если ты еще сократишь на тысячу знаков — будет лучше. Вообще, слегка о т о ж м и беседу.

Немедленно, пройдясь рукой мастера, пришли мне его обратно со справкой о себе. Образец: Е.С. (год рождения) — тот-то и тот-то. Автор таких-то книг. С такого-то времени — главный редактор таких-то журналов. Постоянный автор «Эклибриса».

Есть реальный шанс попасть туда или в самый ближайший, или в через-ближайший номер, поскольку я только оттуда, из редакции, приехала — и они, как я поняла, горят как раз с интервью, без которых выйти не могут. Если пришлешь все, как я сказала, быс-

тро, то я сразу же отправлю это в газету с моей горячей рекомендацией и с твоим телефоном. Готовь хорошее фото.

Жду.

Скирли-скирли (ТАБ)
August 15, 2004 8:42 PM
Subject: Медведь

Беседа вышла в итоге в газете «Экслибрис» (№ 31 от 19 августа 2004 года) под рубрикой «Андеграунд и номенклатура».

Приведу ее полностью.

**Евгений СТЕПАНОВ:
«ПОЭЗИЯ – ТО,
ЧТО НЕЛЬЗЯ ПЕРЕСКАЗАТЬ ПРОЗОЙ»**

– Евгений, и все-таки кто, на твой взгляд, выше как поэт – Айги или Слуцкий?

– Разве поэзия – это спорт, чтобы измерять, кто выше, кто ниже?! Они оба принадлежат литературе, только относятся к разным ее видам. Поэзия – это то, что нельзя пересказать прозой. Айги прозой не перескажешь.

– Тогда и Некрасов, и Георгий Иванов, и Владимир Корнилов – не поэты.

– Они гениальные прозаики (публицисты), писавшие в рифму.

– Но ведь ты сам тогда тоже прозаик, пишущий в рифму.

– Да. Но это не мешает мне любить других авторов, в том числе и так называемых авангардистов. Кстати, авангардистом может быть человек, пишущий и силлаботонические стихи. Например, тот же Слуцкий. И со-

вершенно точно авангардистом может не быть человек, пишущий верлибры. Те, кого принимают за авангардистов, зачастую ими не являются. Например, замечательный поэт советской эпохи Семен Кирсанов был незаурядным виртуозом формы. Он писал палиндромы, делал образцы визуальной поэзии и так далее. Он продолжал в отличие от большинства разные традиции, не только пушкинские. И я, конечно, его уважаю, но это вовсе не значит, что Кирсанов авангардист.

— ***А Андрей Вознесенский?***

— Он добился выдающихся результатов в своих видеомах. Это истинные образцы визуальной поэзии. И в этом смысле он авангардист. Что касается иного творчества Андрея Андреевича, то, конечно, те приемы, которые он применял (применяет, дай Бог ему здоровья!), многие авторы использовали, на мой взгляд, ярче. Например, усеченные строчки Андрея Белого, листовертни Дмитрия Авалиани (создателя жанра). На самом деле термин «авангардизм» постепенно изживает себя. Есть поэты и непоэты.

— ***Существует журнал, посвященный визуальной поэзии и так называемой смешанной технике — «Черновик» Александра Очеретянского. По-твоему, там печатаются авангардисты?***

— Еще раз повторю: обращение к тому или иному жанру (даже редкому) не гарантирует качества. Мне, например, странно видеть, как некоторые хорошие поэты пририсовывают к своим стихам картинки, лишь бы напечататься в «Черновике». Смешанной техники от этого не прибавляется. Она появляется там, где за дело берется мастер.

— ***Назови хотя бы одного.***

— Александр Федулов. Он прекрасный поэт и профессиональный художник. Вот у него и получается нас-

тоящая визуальная поэзия. Или Вилли Мельников. Он делает удивительные образцы люменоскриптов, драконографии. Это жанры, которые он изобрел сам. Мельников работает на стыке поэзии, фотографии, графики. Надо заметить, что Вилли не только одаренный поэт, уникальный лингвист, знаток множества языков, но и блестящий фотохудожник. Вот и у него смешанная техника получается отменно. Кстати говоря, этому жанру многие тысячелетия. Я недавно был в Каире, в этнографическом музее видел образцы древнеегипетской смешанной техники, выполненные на папирусе, которым четыре тысячи лет.

— ***В своей статье «Новый самиздат» («НГ-ЕЛ» от 29 июля) ты пишешь, что читатель дезинформирован, обкраден. Что имеется в виду?***

— Да, читатель не знает, что на самом деле происходит в современной поэзии. В той статье, кстати, я не упомянул питерский журнал «Акт. Литературный самиздат», который издают на свои средства настоящие подвижники Валерий Мишин и Тамара Буковская. Это очень хороший журнал. Его тираж 125 (!) экземпляров.

— ***А что, разве в «Новом мире», например, поэтов (авангардистов) не печатают?***

— Их позиция мне понятна. К новациям, авангардизму в поэзии этот журнал относится негативно. Ключевые фигуры русского авангарда (например, Велимир Хлебников, Алексей Крученых, Геннадий Айги) подвергаются в журнале остракизму. И, разумеется, публикаций поэтов авангардного направления практически нет. Со страниц журнала («Новый мир», 2004, № 6) Александр Кушнер в беседе с Вами, Татьяна Александровна, говорит, что Хлебников был психически болен, заявляет о его преданности новой идеологии, о его связи с ЧК...

— ***Ты выдергиваешь эти слова из контекста беседы.***

— Публикации стихов Алексея Крученых в «Футуруме» «Новый мир» называет слабенькими, творчество Геннадия Айги — апологией мнимого. И так далее.

— **Однако «Новый мир» замечает эти публикации. К тому же добавлю: стихи Дмитрия Авалиани открыл для широкого читателя именно этот журнал!**

— Вы абсолютно правы. И вообще я благодарен главному редактору Андрею Василевскому, к которому отношусь с уважением. На самом деле полемике между нами много десятилетий. Это диспут символистов и акмеистов (постакмеистов) и футуристов (футурумистов), который, к счастью, до сих пор не завершен.

Один из видных деятелей ОПОЯЗА Борис Эйхенбаум призывал в двадцатые годы к одному — признать, что существует язык поэтический и существует язык практический. Он писал (цитирую по памяти), что поэтический язык не есть только язык образов, и звуки в стихе вовсе не являются только элементами внешнего благозвучия и не играют только роль аккомпанемента смыслу, а имеют самостоятельное значение. Начался пересмотр общей теории Потебни, построенной на утверждении, что поэзия есть мышление образами.

Слово, звук самоценны. И в звуке (форме) своя логика, свой смысл. Не случайно изобретатель нового жанра в литературе — танкеток — современный поэт Алексей Верницкий за основу взял часть знаменитого стихотворения Алексея Крученых «Дыр, бул, щыл». Кстати, интересно отметить, что в жанре танкеток работает и главный редактор «Нового мира» Василевский. Так что в чем-то противоположности сходятся. Плохо только, что печатает он только свои танкетки! «Новый мир» — это общероссийский народный брэнд, и, конечно, быть такому журналу в арьергарде поэтических событий нелепо. Он, по идее, должен оставаться национальным достоянием.

А национальное достояние — это не только (и не столько!) Олег Чухонцев, Юрий Кублановский и другие представители литературной номенклатуры.

Попутно замечу, как удивительно наблюдать пере рождение андеграунда (к которому когда-то принадлежали и прогрессивные для определенной эпохи Чухонцев и Кублановский) в номенклатуру. Интересно, они сами это понимают, или нет?

— Они «номенклатурны» (термин тут весьма условный) не намного более чем, например, Дмитрий Александрович Пригов. Да? И это — нормальный ход, или, по Гончарову, «обыкновенная история», когда племянник постепенно превращается в дядю. А вообще давай, Женя, говорить о текстах, а не о внешних контекстах... Другой твой оппонент — журнал «Вавилон» и лично Дмитрий Кузьмин, так?

— «Вавилон», к сожалению, пал. Прок от него был. Он показывал, как писать не надо. Но Кузьмин — это трудолюбивый человек, который без работы не останется. Он всегда что-то делает. Линия, которую он и его сподвижник Данила Давыдов проводят в литературе, на мой взгляд, тупиковая. Она ориентирована на абсолютизацию прозы в поэзии. Кузьмин и Давыдов своими антологиями, безусловно, оказывают влияние на происходящее в литературном процессе. Этого отрицать нельзя. За последние годы Кузьмин составил антологию «Нестолличная литература» (М., 2001), Давыдов — антологии «Анатомия ангела» (М., 2002) и «XXI поэт /снимок события» (М., 2003)... Попробуем разобраться, что они пропагандируют. Все что угодно, но только не поэзию. У самых достойных авторов Кузьмин и Давыдов умудряются выбрать предельно приземленные тексты, в лучшем случае напоминающие образцы американской рэп-культуры, а в худшем — обычной порнографии.

— *Это звучит как-то голословно!*

— Да откройте эти антологии! Там все написано. Вот, пожалуйста. Светлана Кузьмичева: «Она блондинка Жуков в белом платье с блестками. Он вдовец Айзенштадт, сорока семи лет. Предпочитает мальчиков, а если девочек, то в возрасте до двадцати лет, с худенькой попкой». Сейчас вышла в «НЛО» еще одна антология — «Девять измерений». В ней Дмитрий Кузьмин, Илья Кукулин, Данила Давыдов, Максим Амелин, Бахыт Кенжеев и другие представляют на свой выбор лучших молодых авторов. Представляя своих подопечных, Кузьмин печатает сначала свои собственные шедевры, разумеется, гомоэротического характера... Неужели у него других тем нет?

А вообще авангард — это не отказ от традиций, а внимательнейшее их изучение. И достижение высоких результатов в рамках традиций. Вот, например, палиндром. Это старинный фольклорный жанр. (Помните, наверное, фразу, которая читается одинаково слева направо и справа налево: «на в лоб, болван»?). Но образцов истинной поэзии в этом жанре совсем немного, даже у легендарного Николая Ладыгина. Мне нравятся единичные перевертни. Например, Александра Бубнова. Так он не только блестящий автор, он и лучший в стране знаток палиндромии. Он первый в России защитил докторскую диссертацию по этой теме. То есть мало иметь творческую энергию, надо знать, что до тебя делали предшественники. Приведу только несколько примеров удачной палиндромии. «Я иду с мечем судия» (Гавриил Державин), «Я и ты балет тела бытия» (Елена Кацюба), «Дорого небо, да надобен огород» (Дмитрий Авалиани). Палиндром без метафоры, без образа ничего не значит. Только сумма приемов (или, проще, талант!) обеспечивает успех стихотворению. Увы, иные современные сти-

хотворцы никаких приемов знать не хотят. Самовыражение — явление, безусловно, интересное, но имеет ли оно отношение к литературе?

— *Тебя слушаешь — и складывается впечатление, что настоящая поэзия печатается только в твоих журналах «Футурум АРТ» и «Дети Ра».*

— Это, конечно, не так. Я уже упоминал про журнал «Акт», есть содержательное издание Константина Кедрова и Елены Кацюбы «Журнал Поэтов», вышли антологии Сергея Бирюкова «Зевгма» и «Року укор». Так что не все так безнадежно. Хотя и на самом деле драматично!

Беседовала Татьяна БЕК

Когда интервью вышло, она очень переживала. Не хотела никого обидеть.

Звонила мне и спрашивала:

— Интересно, а что скажет Вознесенский, а что скажет Василевский?..

Через день позвонила, счастливая:

— Виделась с Вознесенским. Почему-то перешли с ним на «ты». Он сказал, что мы с тобой все правильно написали. Василевский тоже вроде не обиделся.

* * *

За три дня до своей смерти она позвонила мне домой и сказала:

— Как, ты не знаешь что произошло?!

И начала рассказывать о письме ряда писателей в адрес Туркменбаши с предложением перевести на русский язык его стихи... О диких, грубых выкриках поэта Х. в ее адрес и в адрес Н.Б. Ивановой, о том, что при-

сутствующий при этом критик Ч. никак не одернул поэта, о постоянных звонках домой с оскорблениями и даже угрозами...

Она на секунду замолчала. И горько сказала:

— Ты знаешь, мне кажется, теперь я не смогу преподавать в Литературном институте. Морально не смогу.

В финале беседы она спросила:

— Скажи мне, я выживу?

* * *

В последнее время она всегда спрашивала меня: «Я выживу или нет? Что будет со мной?» Теперь я понимаю, что до конца не отдавал себе отчета в серьезности постановки вопроса.

* * *

В тот день (накануне ее трагической смерти) я, как мог, ее успокаивал. Внушал ей, что нельзя реагировать на озлобленных и полусумасшедших людей!

Договорились, что она будет брать трубку только через автоответчик.

* * *

На следующий день я уехал по делам в Чебоксары. Уехал все-таки спокойный. Мне показалось, что она вошла в норму. Она обещала мне, что будет брать телефонную трубку только через автоответчик и оградит себя от ненужных контактов.

* * *

В поезде у меня прихватило сердце. Такого не случилось давно. Подошел к проводнику за лекарствами — у него их не нашлось.

В это время, оказывается, она умирала. Но я этого не знал.

* * *

Иногда мне кажется: то, что я сейчас пишу, бессмысленно — она (самый лучший в мире читатель) не прочтет. Какое-то оцепенение.

* * *

Как истинный поэт она предвидела свою судьбу, свою скорую кончину. Она все сказала, что хотела сказать.

Невозможно без содрогания читать, например, такое стихотворение.

Я с руки накормлю котенка,
И цветы полью из ведра,
И услышу удары гонга...
До свидания. Мне пора.

Разучилась писать по-русски
И соленым словцом блистать:
Рыбы, водоросли, моллюски —
Собеседники мне под стать.

Нахлобучу верблюжий капор,
Опрокину хмельной стакан.
— До свидания, Божий табор.
Я была из твоих цыган.

И уже по дороге к Лете
Ветер северный обниму
(Слепоглухонемые дети
Т а к — играючи — любят тьму).

— Сколь нарядны твои отрешья,
Как светло фонари зажглись,
Как привольно текут деревья,
Наводняя собою высь!

Звуков мало, и знаков мало.
Стихотворная строчка спит.
Я истаяла. Я устала.
До свидания, алфавит.

1995

* * *

Она, конечно, очень сильно, смертельно устала, поскольку была поэтом, т.е. человеком без кожи. И Господь взял ее к себе. Она сейчас в надежных руках.

* * *

Татьяна Бек ушла. Мы еще задержались на время. Я постоянно о ней думаю, пишу стихи.

* * *

Светлой памяти Татьяны Бек

— без кожи — рана глубока
и — в сердце сигарету

и рейн — опасная река —
она втекает в лету

и — как же дальше — слез моря
с отчаяньем мешая —

прощай любимая моя
сестра моя меньшая

* * *

я еще не слишком старый
на отчаянье — табу
уезжаю в чебоксары
пью вино и баб ...

а москва москва отрава
я бы сдохнул там с тоски
если бы не милорава
танька грауз и айги

а в москве нет больше тайны
только за деньгами бег
а в москве нет больше тани
нет прекрасной тани бек

* * *

У меня сохранилась такая мистическая записка от Татьяны Александровны.

Женя!

Жди — я сейчас!

Т.Б.

28.3.90

* * *

Сейчас 2007 год. Я жду. До сих пор не верю, что она не вернется.

1986-2007

МОЙ НАЧАЛЬНИК

АРТЕМ **Б**ОРОВИК

До сих пор непостижимо больно и страшно, и странно писать об Артеме Генриховиче Боровике в прошедшем времени. Я не могу до конца поверить в то, что его нет на земле. Это был самый жизнерадостный, самый остроумный, самый элегантный человек, которых я встречал в жизни.

* * *

Артем был фантастическим парнем. Сын знаменитого отца, он шел своей дорогой в журналистике, статьями и книгами, смелыми поступками завоевывая себе имя.

Лез под пули в Афганистане, в саркофаг в Чернобыле, летал на реактивных самолетах, разоблачал различных негодяев, помогал друзьям. И, по-моему, никого и ничего не боялся.

* * *

Он был настоящим товарищем. Сильным, заботливым. После кончины Артема я узнал, что многие боль-

шие люди считали его своим другом: и Лужков, и Кобзон, и многие другие. При этом он никогда не выбирал друзей в зависимости от должности. Это я — бывший нищий практикант журнала «Огонек», где Тема был заведующим отдела международной жизни, и бывший его подчиненный по «Совсеку», куда он меня позвал работать в далеком 1990 году — могу засвидетельствовать.

Он опекал своих товарищей. И многие этим пользовались. Я в том числе.

Захотел издать книгу стихов — бегу к Теме. Он дает команду выдать мне бумагу. Захотел куда-нибудь в командировку — Тема выписывает командировочное удостоверение. С удостоверением «Совсека» я объездил множество городов и весей. Калининград, Иваново, Подмосковье и т.д.

* * *

Тогда, в начале девяностых, Артем создал нам, журналистам «Совсека», уникальные условия работы.

Нас бесплатно кормили в редакции. Доплачивали за знание иностранных языков. Мы не обязаны были ходить на работу — только по средам на редколлегию. В месяц от нас требовали по одной статье.

На редколлегиях Артем вел себя либерально. Спрашивал нас, над чем мы работаем. И когда сдадим материалы. Редколлегии проходили с юмором, очень тепло. Все друг над другом подшучивали.

Помню, художник газеты Михаил Шестопал возмутился по поводу какого-то материала:

— Ну не чувствую я эту статью, не чувствую...

Артем ответил:

— Миша, меняй печенку...

* * *

Артем собрал тогда сильную команду — обозреватели Дмитрий Лиханов, Евгений Додолев, Елена Светлова, заместитель главного редактора Александр Бененсон (он был замом по всем вопросам), ответсек Владимир Добин, главный художник Михаил Шестопал.

* * *

Я работал спецкором при секретариате, т.е. при Володе Добине. И еще писал в разные газеты статьи про Артема. В этом смысле работа с ним доставляла множество хлопот. У него даже собственных фотографий было немного, вечно приходилось его упрашивать, чтобы он принес. Интервью визировал долго и неохотно. К публикациям о себе был равнодушен, но понимал, что они нужны.

* * *

Забавное дело — Артем в начале уму непостижимых девяностых *з а с т а в л я л* нас, журналистов газеты «Совершенно секретно», делать сюжеты для одноименной телевизионной передачи, то есть давал нам реальный шанс стать и телевизионщиками.

Меня он еще раньше приглашал делать сюжеты для «Взгляда» — я отказывался. Странно об этом писать, но в начале девяностых он заезжал ко мне в редакцию газеты «Семья» и уговаривал поехать в командировку от «Взгляда» в Ленинград.

* * *

Не могу сказать, что я был его другом. Это прозвучало

бы нескромно. Он был моим товарищем. Единственным его другом, по-моему, был Дима Лиханов. Они практически не расставались. Долгое время он дружил с Александром Любимовым, Евгением Додолевым (но с Женей они поссорились, Артем его уволил из «Совсека»).

* * *

Он был очень великодушен. Как действительно красивый, сильный человек. Однажды мы поругались. Я, корреспондент его газеты, как сейчас понимаю, был неправ. И нагрубил ему, главе холдинга.

На следующий день Тема сам позвонил и предложил забыть конфликт. И я опять слышал его прекрасное слово: «Обнимаю».

После этого недоразумения мы встретились в ЦДЛ на презентации его книги про Афганистан. Мы стояли рядом с Димой Лихановым, Александром Любимовым и моей подругой Катей. Дима Лиханов рассказал тогда жуткую историю. Однажды, когда Артем находился в Афганистане, компания его друзей, среди которых был и Лиханов, выпивала за здоровье Артема у него дома. И вдруг упало зеркало. И разбилось. Это очень плохая примета. Но тогда все обошлось...

* * *

Долгое время ходили разговоры, что Юлиан Семенов создал холдинг «Совершенно секретно» на деньги спецслужб. Не знаю. Мы с Артемом эту тему никогда не обсуждали. Не исключаю, что такие контакты могли иметь место. Бывшие разведчики у нас в «Совершенно секретно» работали. Например, Михаил Петрович Любимов. Были и другие...

Я неоднократно готовил материалы к публикации в соавторстве с милейшим человеком Богданом Андреевичем Дубенским. Мы с ним даже как-то ездили вместе в командировку в город Иваново, где брали интервью у одной из героинь газеты...

Богдан Андреевич охотно делил меня своими беседами, рассказывал о своей дипломатической работе в Греции, Норвегии.

— Не раз афинские газеты, — вспоминал не без законной гордости Богдан Андреевич, — писали о том, что молодой дипломат Дубенский присутствовал на званном ужине (не помню уже каком. — **Е.С.**) с неподражаемо-красивой женой...

Когда же я спросил у коллеги-журналиста, где он учился дипломатическому искусству, — Богдан Андреевич, удивив меня, ответил, что окончил физкультурный институт.

При этом он как-то загадочно улыбнулся.

Когда Артем пригласил меня перейти в штат «Совершенно секретно», Богдан Андреевич уже работал там начальником отдела кадров. И трудовую книжку у меня принимал именно он.

...Спустя годы я прочитал книгу Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева». Там были указаны имена советских резидентов в различных странах. В частности, в этой книге оказались перечислены наши резиденты в Норвегии. Я не поверил своим глазам, когда прочитал: «Резиденты КГБ в Осло. Богдан Андреевич Дубенский 1957-1962».

* * *

Артем Боровик был, как ни странно, довольно рассеянным человеком (и даже ассоциировался у меня с Пьером Безуховым). Однажды приехал ко мне в редакцию «Семьи» и сказал, что забыл в такси записную книжку. Мы потом с моим коллегой Сережей Теодоровичем все таксомоторные парки обзванивали — искали. Не нашли.

* * *

Артем обожал интригу, приключения. Любил, чтобы рядом находились подобные люди. Иногда он мне давал довольно конфиденциальные и рискованные поручения, которые, честно говоря, выполнять не очень хотелось. Но отказать не мог.

* * *

Он всегда и во всем хотел «дойти до самой сути», докопаться до истины. И очень многое успел. Как, наверное, никто в нашем поколении.

* * *

Смерть Артема Боровика я воспринял как знак. Знак того, что по отечественной журналистике нанесен сокрушительный (если не смертельный) удар. Наступало тотальное торжество «PR». И наступило.

* * *

Иногда он мне снится. Недавно, например, предложил место главного редактора одной из своих газет.

Пять лет назад он во сне сказал мне, чтобы я зашел в книжный магазин. На следующий день я спустился в метро, почему-то прошелся по киоскам. И увидел книгу Генриха Аверьяновича Боровика «Артем». Купил. Там, в частности, оказалось мое старое интервью с Артемом.

Я хочу, чтобы вы его прочитали. Артем Боровик дал мне это интервью в далеком 1989 году, восемнадцать лет назад. Долго его правил, вносил в текст поправки и в итоге завизировал. Я опубликовал его впервые в газете «Собеседник».

Артем БОРОВИК: «ЧТО ЖЕ МЫ НАТВОРИЛИ?»

— Артем, афганская тематика занимает тебя еще с той поры, когда ты работал корреспондентом газеты «Советская Россия». Расскажи поподробнее!

— Впервые я оказался там в 86-м. Перед тем длительное время выбивал командировку — и, наконец, тогдашний главный редактор газеты Михаил Федорович Ненашев пошел навстречу. Затем ездил туда весной 87-го года и в январе-феврале 89-го года — собирал материал о выводе последних советских частей.

Я глубоко убежден, что наша страна, завершив войну в Афганистане, практически ничего о ней не знает. Когда я впервые попал в Афганистан, о боевых действиях пресса не сообщала, а если и делала это, то имелись в виду лишь афганские регулярные войска. О наших же ребятах, воевавших там, писали так, что неизбежно складывалось впечатление: советская 40-я армия занимается исключительно разведением цветов, благоустройством в местах расположения частей, иногда наши солдаты сопровождают и охраняют автомобильные колонны с удовольствием. Правду писать было нельзя, да, впрочем,

и сейчас на ее пути масса преград. Помню, как один из моих коллег, возвратившись домой, попытался сделать более или менее честный материал. И сделал. Отнес его в издательство. Там прочитали и сказали: «Все хорошо. Поздравляем, будем печатать. Только вот маленькая просьба: замените все русские, украинские и грузинские фамилии на афганские. Ладно?» Он заменил. Книга вышла. И, конечно, реальные участники описанных боевых действий — советские солдаты и офицеры — были до глубины души оскорблены. Такая вопиющая лживость приводила к тому, что нация начала видеть нечто псевдогероическое и фальшивое в блеске орденов и медалей, полученных в Афганистане. Среди мещан, никогда не высывывавшихся из своих теплых квартир, приобрела популярность пошлая фраза: «Вон они, «обшарпанные», (от слова «Шарп» — названия японского магнитофона) приехали...». Такое нередко приходилось слышать про себя «афганцам».

— ***Интересовала ли тебя тема войны прежде?***

— Я захлеб читал повести и романы Ремарка, Хемингуэя, Константина Симонова, Виктора Некрасова, Василя Быкова, Бориса Васильева, Григория Бакланова, Юрия Бондарева. Я воспитывался на этой литературе. Вообще, очень интересно проследить, какое влияние оказала мировая литература о войне на человеческое сознание. Война воспевалась и Гомером, и авторами средневековых рыцарских романов. Даже у Шекспира очень часто, если не на сцене, то где-то за кулисами люди воюют... Русские писатели девятнадцатого века одними из первых поставили вопрос о противоестественности и безнравственности войны вообще. Удар по героизации войны нанесли Ремарк и Хемингуэй. Великую роль, на мой взгляд, сыграли американские писатели и журналисты, работавшие в годы войны во Вьетнаме. Увы, эта

литература нашему читателю почти неизвестна. Своими очерками, повестями и романами, написанными в духе «жесточкого реализма», они вызвали у американской общности отвращение к войне, а на почве этого в Соединенных Штатах возникло мощное антивоенное движение, заставившее политическое руководство страны пойти на свертывание военных действий в Юго-Восточной Азии. Ведь половина вечерних теленовостей была посвящена кровавым событиям во Вьетнаме! Эпизод, описанный прекрасным журналистом Питером Арнеттом, буквально всколыхнул страну. Он спросил у офицера, стоявшего на пепелище только что сожженной американцами деревни: «Что же вы натворили?!» Офицер ответил без тени смущения: «Чтобы спасти эту деревню от коммунистов, мы вынуждены были ее уничтожить». Фраза стала символом абсурдности, кошмара той войны.

Но вернемся к Афганистану. Развязанная там кровавая драма — одно из тяжких преступлений двадцатого века, дискредитировавших социализм; это надругательство над целями и идеями Октября. Сегодня мы много спорим о том, кто послал или пригласил ОКСВ в Афганистан. Бабрак Кармаль, с которым я не так давно встречался, сообщил мне, что лично он не просил Советский Союз о вводе войск. Кто же тогда просил — Хафизулла Амин, который был объявлен агентом ЦРУ и убит в день ввода наших частей? Афганистан — это цепь кровавых тайн и дезинформации. Это чудовищная авантюра. И над людьми, затеявшими ее, я убежден, необходим открытый публичный судебный процесс. Они обвиняются в убийстве более пятнадцати тысяч советских людей и еще большего числа афганцев. Как-то один наш начальник в области пропаганды бросил мне: «Да что вы все копаетесь в истории войны?! Подумаешь, пятнадцать тысяч погибших! Да в СССР за один год на до-

рогах гибнет в несколько раз больше людей! А сколько погибло во время землетрясения в Армении?!» Кошунственное сравнение, после которого трудно было продолжать разговор.

— *Артем, ты одним из первых на страницах «Огонька» (номер 30 за 1988 год) — поставил вопрос о том, можно ли считать апрельские события 1978 года в Афганистане революцией. Ты писал, что за революцию приняли военный переворот.*

— Мы говорили об этом с доктором философских наук, начальником кафедры марксизма-ленинизма Военной академии имени М.В. Фрунзе генерал-майором Кимом Македоновичем Цаголовым, который долго работал в Афганистане в качестве нашего военного советника.

— *Тогда, в восемьдесят восьмом, твоя беседа с Цаголовым произвела эффект разорвавшейся бомбы. Хотя, если быть точным, в мае-июне того же года во всех партийных организациях обсуждали письмо ЦК КПСС, проливающее новый свет на положение дел в Афганистане и те девятилетней давности обстоятельства, в которых принималось решение о вводе войск.*

— В момент публикации интервью я находился на американской военной базе в форте Беннинг. Но даже там слышал о молниях, сверкавших над «Огоньком» и головой Цаголова после публикации беседы. Однако если говорить о реакции не начальства, а общественности, то были сотни и сотни писем, телефонных звонков, одобрявших выводы, содержащиеся в интервью. Но был и такой, например, звонок. Со мной говорил один большой начальник. «Да я, — крикнул он, — мог бы похлеще обо всем рассказать! Но зачем, зачем вообще об этом говорить, мутить воду?!». Да затем, чтобы впредь не повторить трагической, преступной ошибки, чтобы те, кто раз-

вязал эту войну, знали: за все придется отвечать! (Как это сейчас читается актуально, после событий в Чечне! — *Е.С.*) Что же касается письма ЦК КПСС, то в связи с этим хочу спросить его авторов: почему у нас в стране должны быть две «правды» — одна для членов партии, другая — для беспартийных?!

— *Раньше, в пятидесятые годы, говорили: не сыпать соль на раны, имея в виду правду о бесчисленных трагедиях Великой Отечественной войны, потом те же самые слова произносили в связи с жертвами сталинщины.*

— Я заметил, что практически все люди исповедуют законы добра и справедливости. Однако весь вопрос заключается в том, что у одних хватает мужества и смелости следовать изначальному гуманному принципу, а у других — нет. У Цаголова — хватило.

— *Как относились к военным репортерам, приехавшим в Афганистан, солдаты?*

— По-разному. Иной раз — с усмешкой: гастролер, мол, явился! Но потом, когда видели, что ты идешь вместе с ними, что у тебя тоже одна фляжка воды и такое же оружие, как и у них, эти люди становились более открытыми, их отношение менялось.

— *Ты ехал в Афганистан в 86-м году с одними мыслями, пересекал мост Дружбы между Хайратоном и Термезом 15 февраля 1989 года — с совершенно другими. Как менялось твое отношение к афганским событиям?*

— В их понимании я прошел несколько стадий. Первая: еще месяца два активных боевых действий — и вся вооруженная оппозиция будет уничтожена. Вторая стадия: что-то у нас тут не получается. Видимо, надо усилить армию, увеличить наше численное присутствие здесь. Третья стадия: нет, силой тут ничего не добьешь-

ся. Четвертая стадия: надо договариваться с оппозицией. И пятая: чем быстрее мы отсюда уйдем, тем будет лучше и для нас, и для афганцев.

— ***Ты сделал снимок последнего советского солдата, погибшего в Афганистане. Как это произошло?***

— Дело было так. Передав 43-ю заставу афганскому батальону, ребята оседлали свои БМП и приготовились к трудному, почти пятнадцатичасовому переходу через Саланг. Взрели движки, и потому, быть может, выстрела-то никто четко не расслышал. Просто один солдат, запрокинув голову, словно разглядывал что-то на вечернем небе, вдруг стал валиться на бок: пуля прошла через шею навывлет. Минут через сорок он скончался, так и не приходя в сознание.

Конечно, кто-то должен был стать последним советским солдатом, павшим в Афганистане 7 февраля 1989 года, за несколько дней до окончания войны. Младший сержант Игорь Ляхович взял это на себя. Его застывшее тело завернули в одеяло, положили на промерзшую броню БМП и так везли до самой границы... Многие, увидев этот снимок, говорили, что именно таким представляют памятник советским воинам, погибшим в Афганистане. Не мне решать. Скажу только, что памятник, на мой взгляд, должен стоять у Красной площади, а не вдали от глаз. Ведь те, кто эту войну развязал, теперь лежат у Кремлевской стены.

— ***Как ты преодолевал страх перед смертью?***

— Помогала усталость: если ты устал, уже нет сил ни о чем другом думать.

— ***Изменил ли тебя Афганистан?***

— Конечно. Оттуда приходишь совершенно другим человеком, приходишь с аллергией на всю эту суету, на все наши «мелкокалиберные» разговоры и интересы.

— ***Ты неоднократно обращался к проблеме нынеш-***

них и бывших советских военнопленных. Многие из этих ребят находятся на Западе. Известно, что ты встречался с ними...

— Это мучительно сложная проблема. Дело в том, что далеко не все ребята, оказавшиеся после плена на Западе, хотят возвращаться домой. По двум причинам. Они, конечно, знают про амнистию, но все равно боятся тюрьмы. Опасаются, что все может вернуться в нашей стране на прежние рельсы и тогда расплаты не миновать. Кроме того, считают, что встретят на родине злобу к себе, презрение и непонимание. Должен добавить, что иные из них воевали на стороне душманов. Наша пресса обожает бросаться из крайности в крайность. В сороковые годы мы всех военнопленных считали предателями, сегодня всех возводим в ранг мучеников. Моя точка зрения: в каждом случае нужно разбираться отдельно. У каждого из бывших военнопленных — своя судьба. Например, Игорь Ковальчук перебежал к афганцам, потому что не хотел возвращаться в СССР. Он сделал сознательный политический выбор. Тарас Деревлянный, на пресс-конференции которого я присутствовал в США, громогласно поливал грязью СССР, отказывался от советского гражданства и с таким подобоострастием говорил об Америке, что было противно. Встречался я в США и с нашими ребятами, которые пытаются вести себя честно, не поддаются уговорам участвовать в антисоветской пропаганде. Один из таких людей — Алексей Переслени. Когда-то, еще до Афганистана, он хотел пойти на работу в КГБ, мечтал стать личным телохранителем Ю.В. Андропова, которого уважал и любил. А теперь Алексей работает в итальянском ресторанчике в Сан-Франциско. Я был у него. Мы пошли в магазин, купили бутылку водки и банку соленых огурцов. Алексей долго выбирал огурцы, а когда выбрал, сказал: «Эти больше всего похожи на на-

ши». Но тут же осекся: «На ваши, советские...» В его русской речи уже появился легкий акцент. Недавно звонил домой матери. Она его не узнала, подумала, что над ней кто-то глупо, зло пошутил. Алексей плакал, когда рассказывал мне о своей жизни. Дома у него — коллекция кассет с песнями Пугачевой и Розенбаума. Он живет ностальгией по Родине.

— ***Какое влияние, по-твоему, оказал Афганистан на дальнейший ход российской истории?***

— Важнейший вопрос. На мой взгляд, все войны, которые вела Россия, неизбежно оказывали мощное влияние на внутренние процессы в стране. Война с Наполеоном стала одной из причин зарождения декабризма. Если бы не было первой мировой войны, то, конечно же, не было бы и Октябрьской революции. По крайней мере, в том виде, в каком она произошла. Думаю, что и хрущевская демократизация конца пятидесятых годов была в определенной мере вызвана нежеланием страны-победительницы, испытавшей невероятные тяготы и трагедии войны 41-45-го годов, и дальше терпеть все то гнусное и бесчеловечное, что продолжал нести в себе сталинизм. Победив Гитлера, страна должна была победить Сталина. Интересно, что Перестройка в нашей стране началась в самой середине афганской войны. Быть может, это произошло потому, что Афганистан помог нам со всей силой осознать то кричащее противоречие, в котором находятся наши идеалы и то, что мы творили в Афганистане.

1989-2007

КОРОЛЬ ПАРОДИИ

Александр **И**ВАНОВ

Люди среднего возраста и постарше помнят, конечно, популярнейшую передачу семидесятых-восемидесятых годов — «Вокруг смеха». Ее придумали знаменитый поэт-пародист Александр Иванов и писатель Александр Веселовский.

В конце каждого выпуска этой передачи Иванов читал свои беспощадные к рифмоплетам пародии. Стихотворцы пародиста ненавидели, а народ обожал, хохоча над едкими сочинениями.

Когда я смотрел эту передачу, думал: какой все-таки этот Иванов злой, не дай Бог ему попасться на перо — не пощадит.

Кроме того, и слава про Александра Александровича шла недобрая, некоторые мои знакомые почему-то называли его русофобом, коллеги-литераторы величали — волком поэтического цеха и т.д.

* * *

В 1989 году мы познакомились. Сразу скажу — Сан Саныч оказался одним из самых ранимых и добрых людей, встреченных на моем пути.

Я тогда работал на двух (основных) работах — в журнале «Мы» и в газете «Семья». И придумал для «Мы» новую рубрику «Телега жизни», где хотел печатать всякую всячину — стихи, рассказы, полезные советы, юморески и т.д. Попросил Сан Саныча написать предисловие. Он заехал ко мне на работу (мы сидели на Пушкинской площади, в издательстве «Известия») сел за стол и тут же написал.

* * *

«Телега жизни»? А почему бы и нет. Ведь жизнь — это движение. Правда, кое-где жизнь движется на «Мерседесах» и «Вольво», а мы — на телеге. Каждому — свое. Обидно, конечно. Великая, богатейшая страна, талантливейший народ. Но доверчивый. Ведь поди ж ты — попался на совсем голый крючок. И до сих пор бьется. Ну, ничего! Наш будущий фермер сначала будет пахать сохой. Тов. Полозков и Агропром ему это обеспечат, будьте уверены. Но соха-то будет своя! Собственная! Вот в чем главное-то! Так что, на телеге, с сошкой внизу, к победе ком... тьфу! кап... Но самое главное не «к чему», а «от чего». Это, кажется, уже ясно всем.

Приветствую.

* * *

Текст этот в «Мы» не опубликовали. Рубрику «Телега жизни», равно как «Поэтический ринг», большой знаток и любитель поэзии, редактор «Мы» Геннадий Васильевич Будников благополучно «зарубил».

* * *

Тогда же я попросил Сан Саныча написать несколько слов о стихах моего друга Саши Вулыха, которого тоже хотел опубликовать в «Мы» и «Семье».

Сан Саныч опять-таки сел за стол. И сочинил.

О СТИХАХ А. ВУЛЫХА И ВООБЩЕ

Не знаю как кто, а я люблю художественную литературу.

Я с нее живу. Так что чем больше, тем лучше.

Одобряю.

И рубрика — пусть живет.

Александр Иванов

* * *

Потом, спустя какое-то время, мы с ним сделали интервью. О политике, о Ленине, коммунизме, капитализме (он тогда всюду увлекался этими темами, что, кстати, видно и из его предисловия к «Телеге жизни»). Интервью я опубликовал в газете «Советский патриот», а позднее оно вошло в мою книжку «Точки над I».

* * *

Мы стали общаться все чаще и чаще. Нередко вечерами он звонил мне, и мы разговаривали на всевозможные темы. Он показался мне очень одиноким человеком. Детей у него, кстати, не было. Жили они вдвоем с женой.

Я как-то спросил его, кого он считает своим другом? Он долго думал и ответил:

— Пожалуй, Андрея Караулова, хотя он и на много лет меня моложе.

Кстати говоря, Караулов тогда не был так известен, как сейчас, по телевизору он еще не выступал, работал в «Независимой газете» заведующим отдела культуры.

* * *

В девяносто втором году редакция журнала «Столица» (я тогда уже там работал корреспондентом) справляла в круизе по Москве-реке свой юбилей. Пригласили много гостей, среди них оказались Сан Саныч, певица Анастасия, тележурналист Владимир Молчанов, пародист Михаил Грушевский.

«Звезды» участвовали в концерте. Когда пришел черед выступить на сцене Иванову, корреспондент «Столицы» Леша Беляков почему-то стал нервно смеяться. Иванов послушал смех корреспондента и попросил его удалиться.

Беляков замолчал. И не сдвинулся с места. Но Сан Саныч проявил настойчивость. И достойно сказал:

— Если он не уйдет, уйду я.

Пришлось будущему автору книги про Аллу Пугачеву пристыженно удалиться.

Чувство собственного достоинства Сан Саныч не терял никогда. И уже за одно это я всегда его уважал.

* * *

Тогда же в девяносто втором году я надумал вступить в Союз писателей Москвы и обратился на свой страх и риск к Сан Санычу за рекомендацией. Подарил ему свои стихотворные книжки.

Видимо, по дружбе он написал очень хорошие слова.

Привожу их сейчас не только из тщеславия (хотя, чего греха таить, они мне приятны), но также из соображения, что любое свидетельство выдающегося человека имеет ценность.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Евгения Степанова знал как активного журналиста, умеющего брать интервью (редкое, надо сказать, особое умение). Но вот познакомился и с художественным творчеством автора.

Книга стихотворений «Упала пила» («Московский рабочий», 1991 г.) удивила даже меня (а это сложно!). Необычные стихи, интересные, ни на что не похожие.

А кроме того Евгений Степанов — поэт-переводчик. И что уж совсем в диковинку — знает языки, с которых переводит — французский и немецкий, после Маршака и Пастернака что-то я о таком не слышал.

Ему 26 лет. Молод, хотя и не мальчик. Демократических убеждений человек. Социалистический выбор отрицает, над коммунистической перспективой смеется. Живет литературным трудом. Что еще надо для вступления в Союз писателей Москвы?

10 февраля 1992 г.

Александр ИВАНОВ

* * *

В Союз меня тогда не приняли — приняли только спустя десять лет. Татьяна Александровна Бек сделала предположение, что не взяли меня именно из-за того, что рекомендацию дал Иванов. Переживал я не сильно — рекомендация Иванова дороже.

* * *

Как я уже писал, в 1990 году мы сделали с Ивановым интервью на политические темы.

Над этим материалом мы работали вместе, Сан Саныч весьма активно редактировал подготовленный мною текст. По-моему, рассуждения Иванова и сейчас, семнадцать лет спустя, заслуживают пристального внимания.

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВ:
«ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ИНТЕРЕСУЮСЬ
ПОЛИТИКОЙ!»**

— Сейчас заниматься ничем иным не могу. — Начал одну из наших бесед Сан Саныч. — Читаю газеты, журналы, слушаю радио, смотрю телевизор. И пытаюсь понять, что же со всеми нами происходит?

Мне кажется, несмотря на то, что Перестройка идет по всей стране, партия — инициатор реформ! — отстала от жизни. Я человек беспартийный, не мне решать судьбу КПСС. Но я думаю, что об авангардной роли сейчас говорить не приходится. К тому же в КПСС сейчас как бы уже несколько партий. И, по-моему, это нормально, что у разных людей разные взгляды, которыми они не могут поступиться. Так почему же они должны быть вместе? Мне всегда представлялось, что основа демократии, политического плюрализма — в многопартийности.

— ***На это часто приходится слышать следующее возражение: «Оттого, что у нас будет несколько партий, колбасы в стране не прибавится».***

— Я с Вами частично соглашусь. И даже скажу больше: наше общество не приучено к демократии (Господи, это сказано семнадцать лет назад! — *Е.С., 2007*) и это огромный риск — вступить на стезю многопартийности. Но

все дело в том, что партии-то у нас уже есть — что-то около двадцати на сегодняшний день.

— *Александр Александрович, ни для кого не секрет, что наше общество в тупике. В чем же мы, по Вашему, ошиблись?*

— Мы ошиблись уже в самом начале. Идея создания нового человека, «новой социалистической общности» оказалась красивой утопией. Природу человека изменить нельзя. Ему всегда своя рубашка будет ближе к телу. На дядю он с энтузиазмом работать не станет, только — на себя. Это естественно и нормально. Зачем же идти против природы человека, тем более насильственным путем? Знаете, меня поражают иногда разговоры наших консерваторов (среди которых, замечу, есть и трезвые головы): «У России совершенно иной, свой собственный путь». Я в таких случаях думаю: «Ну как же так? Что мы из другого теста сделаны? Не марсиане же мы в самом деле?!».

— *Действительно, у нас все особенное. Даже термины. Как Вы, например, относитесь к выражению «социалистический рынок»?*

— Нелепее словосочетания не слыхал. Рынок или есть, или его нет. Причем тут социалистический, капиталистический...

— *А готовы ли мы сейчас перейти к рыночной экономике?*

— Однозначно ответить не берусь. Ясно одно, к ней нужно готовиться. (Ведь предупреждал! — *Е.С.*) Но поспешать надо, согласно латинской поговорке, медленно. Представьте себе: завтра у ребенка день рождения, ему исполняется пять лет. Но вдруг выходит указ, согласно которому ребенку исполнится не пять, а двадцать пять лет. Разве такой указ осуществится?! Перепрыгивать через ступеньки еще никому не удавалось. Кстати, и Вла-

димир Ильич Ленин не был стопроцентно уверен, что социалистическая революция впервые свершится именно в России, он предполагал, что это произойдет в более развитой стране. И если верить Солженицыну, то когда к Ильичу, находившемуся за границей, пришли партийные гонцы и сообщили весть о февральской революции, он посчитал это за провокацию и выгнал их вон.

— *Давайте все же вернемся к разговору о рыночной экономике. Понятно, что достоинств у нее более чем предостаточно. Но ведь при ней неизбежно банкротство слабых предприятий, частичная безработица.*

— Правильно. Но я уверен: те, кто хотят заработать, всегда заработают. Общество обязано заботиться о детях, инвалидах, пенсионерах, кормящих матерях. Но не о здоровых гражданах, не желающих трудиться.

— *А Вы не боитесь, что огромные суммы будут сосредоточены в руках частного капитала?*

— Нет, не боюсь. Потому что в конечном итоге, как показывает опыт Запада, богатства «толстосумов» становятся, как это ни странно, общенародным достоянием. Скажите, может ли семья Рокфеллеров купить себе кучу бриллиантов? Наверное, может. Но делает ли она это? Конечно, нет. Не сумасшедшие. Рокфеллеры строят университеты, культурные центры. Миллионеры вкладывают деньги, как правило, в социальные, культурные, экономические программы, и в конечном итоге все это идет людям.

— *Александр Александрович, если честно, Вы за радикальные меры переустройства страны?*

— За радикальные, но не за криминальные (а вот они-то, увы, и осуществились! — *Е.С., 2007*). Я состою в членах клуба «Московская трибуна». Однажды к нам на заседание пришли лидеры ДС и стали призывать к демонстрации на Пушкинской площади, во время которой они

собирались сжигать государственные символы, портреты Ленина... Ни один из нас не поддержал эту акцию. Символы государства есть символы государства, даже если они лично вам не по душе.

— ***А как Вы вообще расцениваете позицию ДС?***

— К сожалению, я мало знаком с их платформой. Но то, что читал, мне частично понравилось. Например, то, что они проповедуют ненасильственные меры переустройства общества. А я против любого насилия.

— ***Как Вы относитесь к Ленину?***

— Ленин, разумеется, крупнейшая фигура двадцатого века. Никто не станет этого отрицать. Но, по-моему, он допустил немало ошибок. Во-первых, Владимир Ильич был уверен, что революция вот-вот свершится во всем мире. Этого не произошло. Россия, слава Богу, не стала примером для подражания. Во-вторых, отказ от частной собственности — это, конечно, тоже не очень мудрое дело. Помните, как несколько лет назад в Англии пришли к власти лейбористы и частично национализировали производство. Экономика стала разваливаться на глазах. Что сделала в первую очередь Маргарет Тэтчер, победив на выборах? Провела полную денационализацию экономики. Все опять заработало, как надо.

— ***Что это мы с Вами все о политике да о политике? Расскажите что-нибудь о себе, о своей семье...***

— Семья у нас маленькая — я и моя жена Ольга Леонидовна Заботкина, в прошлом балерина Кировского театра. Сейчас супруга на пенсии, танцует, как я говорю, на кухне. Она немного, но заметно снималась в кино: в главной роли в старых «Двух капитанах», в картинах «Москва — Черемушки», «Дон Сезар де Базан». Детей у нас нет, зато есть кот Аларек и собака Авва.

— ***А Вы, Александр Александрович, если не ошибаюсь, питерский?***

— Нет, я — коренной москвич, но в связи с некоторыми коллизиями в личной жизни четыре года жил в Ленинграде. Причем, оставаясь прописанным в Москве.

— *Сейчас иногда стреляют в бойких журналистов, разоблачающих мафию. Но я уверен, что мафиози — малые дети по сравнению с непризнанными или обиженными, раскритикованными, высмеянными писателями... Не стреляют ли в Вас?*

— Пока вроде нет. И знаете, почему? Все дело в том, что пародия — это, как ни странно, очень хорошая реклама для стихотворца. И некоторые авторы, которых я не обхожу стороной, бесконечно радуются моему творчеству.

— *Мы Вас видим на протяжении многих лет в качестве ведущего популярной передачи «Вокруг смеха». Вы не меняетесь. И складывается впечатление, что в нашей стране продуктов не хватало всегда...*

— Если Вы имеете в виду мою худобу, то я Вам скажу следующее: я родился в декабре 1936 года и конституция у меня... сталинская. Я не отказываю себе ни в чем — ни в сладком, ни в мучном, но вот не толстею почему-то.

— *Однажды в «Литгазете» Вы признались в том, что Ваш любимый поэт — Давид Самойлов. Не изменились ли с тех пор пристрастия?*

— Нет, не изменились. Поэты «новой волны» — не мои поэты. Хоть я отношусь к их творчеству с интересом.

— *А кто же Ваши?*

— Игорь Северянин — это самая большая любовь. Гумилев, Ахматова, Мандельштам. Более сдержанно отношусь к Пастернаку и Цветаевой, хотя, разумеется, не отрицаю, что это великие поэты. Из советских предпочитаю Окуджаву, Соколова.

— *Пишите ли Вы пародии на классиков?*

— Обязательно. С этого, кстати, я и начал свою карьеру пародиста. В далеком 1962 году я написал ироничес-

кое подражание Игорю Северянину. Оказалось, что это пародия. Так и пошло-поехало. К нынешнему дню в моем багаже около тысячи семисот эпиграмм и пародий. Опубликовано из этого почти две трети.

— *А почему не все?*

— Значительная часть моей продукции не нравится мне самому.

1990

P.S. Ну что сказать относительно этого интервью? По-моему, Сан Саныч имел очевидный дар заглядывать в будущее. Все говорил разумно. Увы, сильные мира сего не очень любят читать газеты и слушать умных людей.

2007

ПАРИЖСКИЕ ВСТРЕЧИ...

Николай **Т**ЮЛЬПИНОВ

В 1991 году мой друг, французский писатель Морис Маскино прислал мне приглашение во Францию. Я тут же стал паковать чемоданы. Морис договорился, что я поживу у его подруги и соседки, тележурналистки Софи Лефевр.

Когда я уже с большим трудом оформил все документы, достал билет на поезд (это тоже было непросто), закупил в дорогу продуктов и должен был выезжать в Париж, позвонил Морис и сказал:

— Евгени, извини. Софи уехала в Испанию на отдых, и, следовательно, твоя поездка откладывается.

Я решил, что все равно поеду. Даже если придется ночевать на скамейке. Париж увидеть очень хотелось. Все-таки я пять лет в институте изучал французский язык, был пропитан заочной любовью к городу на Сене. Я, точно загипнотизированный, хотел приехать в Париж, лечь на его дорожные (реальные, нереальные?) камни и — не поверите! — поцеловать их. Увидеть нефантомный город. И доказать самому себе, что Париж существует, что там тоже живут люди, а не вымышленные литературные персонажи.

Морис заволновался, услышав о моем решении. Сказал, что свяжется со мной завтра. Утром следующего дня он перезвонил и сообщил, что обо всем договорился со своим приятелем, алжирцем по происхождению Азузом.

— Ты сможешь пожить у него две недели. Голоден не останешься. Азуз — владелец ресторана.

Затем Морис продиктовал мне телефон и адрес Азуза.

* * *

Я прибыл на Северный вокзал. Меня встретил Морис. Мы сели в такси и поехали к Азузу.

* * *

Мои первые впечатления от города оказались не восторженными, скорее — я чувствовал некое бабелевское удивление, что Париж так неопрятен, неряшлив. И вместе с тем, город почему-то сразу показался родным.

У алжирца Азуза был маленький ресторанчик «Дюдюль». Буквально на несколько человек. Он размещался возле станции метро «Сталинград». На первом этаже находилось заведение, на втором — двухкомнатная квартира Азуза, где он жил вместе с женой Лучаной и своим помощником Юсефом. Жены дома не оказалось — она уехала в отпуск на родину, в Италию.

Мне предоставили отдельную комнату.

Я стал жить на набережной Луары. Район этот, на мой взгляд, хороший. Правда, живут здесь в основном чернокожие и арабы. Но живут неплохо. Играют на роскошной мощенной набережной в футбол и настольный теннис. В общем, все обычно. Собаки тоже обыкновенные. Невоспитанные. Сидел я как-то на скамеечке, ел свою пайку. Подбежала такса. И написала на мою сумку.

Я гулял по городу, встречался с русскими эмигрантами, писал стихи и дневник, ел на скамейке. Морис мне купил на месяц проездной и дал двести франков. Это примерно двадцать долларов.

Я уходил из дома в семь утра, а приходил в двенадцать ночи. Исходил Париж вдоль и поперек.

Потом меня приютил у себя заместитель главного редактора журнала «Фосфор» Жан-Жак Фреско. Я стал жить у него.

* * *

Я встречался во Франции со многими известными людьми — Александром Гинзбургом и Дмитрием Савицким, Андреем Синявским и Марией Розановой, Юрием Мамлеевым и Ренэ Герра...

За те долгие месяцы, что я провел в Париже, я сменил множество квартир и отелей, был стажером в журнале для подростков «Фософор», работал гидом, привозил фотографии из Москвы для газеты «Русская мысль», т.е. жил и зарабатывал, как мог.

Большое участие в моей судьбе принял писатель и сотрудник русского православного Храма Святого Александра Невского на улице Дарю Николай Александрович Тюльпинов. Он всеми силами пытался мне помочь в моей непростой жизни в Париже. Знакомил с людьми, ободрял духовно (на чужбине это немаловажно), подыскивал работу... И не только потому, что мы — коллеги (Тюльпинов многие годы проработал в советской печати), а просто потому, что помогал этот человек, по-моему, всем, кому только мог. «А душа, уж это точно, ежели обожжена, справедливей, милосерднее и праведней она». Это — и о Николае Александровиче. О его душе. И жизни.

В 1991 году мы сделали с ним большое интервью.

Николай ТЮЛЬПИНОВ:
«ХРАМ — ЭТО СПАСЕНИЕ РУССКИХ В ПАРИЖЕ!»

— Николай Александрович, Вы учились в Суворовском училище. Потом много лет работали в советской прессе, то есть были — извините! — отчасти человеком системы. И вдруг — самоизгнание, Париж. Как так получилось?

— Да, я должен был стать офицером. Но за год до окончания Суворовского училища в Свердловске я сбежал оттуда. Просто не вернулся с каникул. Завершал среднее образование в школе рабочей молодежи. Не буду рассказывать, почему я не вернулся в училище. Как это ни странно — не из-за того, что мне там не нравилось. Не было в училище угнетающей, казарменной обстановки. Мы все, кто там учился, бесконечно благодарны нашим воспитателям-офицерам, которые в большинстве своем отличались истинной интеллигентностью. Образование мы получили получше, чем многие на гражданке. Например, английский я с тех пор не учил. И общаюсь на этом языке. Меня все понимают. Я всех понимаю. А ведь тридцать с лишним лет прошло с тех пор, как я учил английский. И вот что еще очень важно — в училище нас не только обучали всему хорошо, но и воспитывали, развивали в нас чувство товарищества, свободомыслие. Я не скажу, конечно, что мы там только и делали, что духовно развивались и самосовершенствовались, нет, мы и на парады всевозможные ходили и шаг печатать учились. Все — как положено. Но говорить правду и только правду, быть до конца честным — это нам просто вдолбили в голову. С детства. И если есть во мне положительные черты, так это заложено в училище. Во всяком случае, свободомыслие — это оттуда.

В шестьдесят шестом я поступил в Литературный институт имени Горького, на отделение прозы, в семинар Юрия Яковлевича Барабаша. Тоже, надо сказать, фигура неоднозначная. Да, он был номенклатурным человеком, заместителем главного редактора «Литературной газеты». Но — подлым не был. При всем том, что наши позиции решительно не совпадали, он этого никогда не ставил в вину мне, другим студентам. Как-то мы беседовали. У него на дому. Я в то время больше других любил двух поэтов — Мандельштама и Лорку, изучал их творчество, находил у них много общего, делился этим с Юрием Яковлевичем. Он однажды мне сказал: «У них все-таки разные судьбы. Лорку-то убили фашисты». Я удивился: «Какая разница? А Мандельштама — коммунисты...» Это был разговор с человеком номенклатуры, который публично выступал против Солженицына... Но тем не менее н и к о г д а Юрий Яковлевич мне мои маленькие крамолы не припоминал.

Со времен Литературного института я подружился с вдовой Андрея Платонова — Марией Александровной. Она — удивительный человек. Она прожила посмертную жизнь Платонова. И открыт он читателю именно благодаря ей. Я вдохновился примером Марии Александровны. Тоже стал служить Платонову. В меру своих сил. Когда Марии Александровны не стало, я отнес «Ювенильное море» в журнал «Знамя». Напечатали. Наташа Иванова помогла. Затем я предложил рукопись «Котлована» Сергею Павловичу Залыгину. Наиболее тяжкая судьба оказалась у «Чевенгура». Я предлагал роман в различные издательства. Везде — отказ. В конце концов, рукопись также оказалась в руках у Наташи Ивановой. Тогда она уже работала в «Дружбе народов». Уже после моего отъезда роман вышел. Я сам после нескольких лет в «Литературке» почти десять лет проработал в журнале

«Советская литература на иностранных языках». Вышибали меня оттуда уже по мотивам политическим. Много «прегрешений» всяких накопилось. За меня стояла только моя начальница Инна Ивановна Ростовцева. Она — прекрасный, твердый человек. Но отстоять меня, конечно, не удалось. Дангулов подключил ЦК, КГБ. Я ушел. Потом еще четыре года проработал в издательстве «Современник».

— ***Вы печатались в то время?***

— Довольно много. В последние два года (до отъезда) мне удалось сделать два больших дела — опубликовать неизданные вещи Платонова (о чем я Вам уже говорил) и две беседы с академиком Лихачевым в «Литературке».

— ***Значит, все-таки Вас печатали. Это уже много! И — политическое убежище... Почему?***

— Я совершенно не приемлю ни коммунизм, ни коммунистов. И если встать на точку зрения Дангулова, то, в общем, он правильно делал, что изгонял меня. Я был не из их стада. Это ясно. Я устал бороться, устал сталкиваться с системой лбами, доказывать, что белое — это белое, а черное — черное. Друзья меня предупреждали, что за мной по пятам ходит КГБ. Может быть, поэтому я и решился...

Уже на Западе со мной произошел такой случай: в Мюнхене я ехал на трамвае на работу (мне очень быстро предложили сотрудничать с радиостанцией «Свобода»), вдруг перед трамваем оказался велосипедист. А трамвай гонит, мчится что есть силы, скорость набрал, остановиться не может, свернуть ему некуда. И велосипедисту тоже деваться некуда. Безысходность. Но на счастье рядом оказался какой-то узенький переулочек. Вот в него-то велосипедист и свернул благополучно.

Я сравнил бы себя с таким велосипедистом. Знаете, надоело постоянно чувствовать за собой грохочущий трамвай. Трамвай Системы. Я знал, что рано или поздно он меня настигнет. Однажды я проснулся в Женеве и

сказал себе: «Еду в Париж просить политического убежища». И мне очень скоро его предоставили.

— ***Это было сложно?***

— Мне повезло. Я получил политическое убежище довольно быстро. А вот сейчас эта процедура усложнилась крайне, слишком много беженцев.

— ***Вы, наверное, с ними встречаетесь и в Храме?***

— Да, сюда очень часто приходят люди за помощью. Как правило, у них ни гроша в кармане, языка они не знают, жилья нет. Кошмар. Как можем — помогаем. Направляем в Толстовский фонд, в другие благотворительные организации. Но всем все равно не поможешь. Посему никому не советую оставаться здесь. Лучше жить дома.

— ***Но Вы-то остались...***

— Я считаю, что это была воля Судьбы. Я не хочу идти против нее. Роскошь, которую мы здесь с Вами видим вокруг каждый день, меня не волнует совершенно, этого для меня просто не существует. Я могу сидеть на картошке, обходиться самым малым. Могу работать сторожем и дворником. И в общем-то ничего не боюсь. И дома не боялся. Но против Судьбы я не пойду. Я считаю, что мое самоизгнание было предопределено заранее.

— ***Как складывается Ваша жизнь здесь?***

— Все идет достаточно удачно. Есть работа. Жилье за меня оплачивает французское правительство. В ближайшем будущем обещают даже предоставить собственную квартиру. От Парижской мэрии. Это потому что я политический эмигрант. Первое время платили пособие. Что касается французского языка, то с ним у меня дела довольно-таки плохи, но учу потихоньку. Словом, все нормально. А больше всего меня радует, что здесь со мной дочка и внук.

— ***Как Вам это удалось? Дочка попросила политического убежища вместе с Вами?***

— Когда я решил остаться, она находилась дома. Потом я вызвал ее в Париж. По своему приглашению. Когда она приехала во Францию во второй раз, она тоже решила не возвращаться.

— ***Она тоже политическая беженка?***

— Ей пока не дали документов. Но ей удалось получить право на временное пребывание во Франции. Я надеюсь, скоро она получит и статус. Я обращался с ходатайством к мэру Парижа. Мне ответили, что господин Ширак лично написал письмо в организацию, которая занимается политическими беженцами, чтобы повнимательнее рассмотрели просьбу моей дочери. Поэтому мы надеемся на успех.

— ***Николай Александрович, с одной стороны, Вы — противник эмиграции, а с другой — пытаетесь помочь тем, кто решил остаться в Париже...***

— Это отчасти связано с моей работой. В церковь действительно приходит очень много народу. Судьбы — самые разные. Недавно пришел молодой человек из Самарканда. Удрал из дому, как-то добрался до Парижа, жил на улице. Весь ободранный, голодный. В кармане ни гроша. Было у меня в тот момент с собой пятьдесят франков, я их ему отдал. Затем мы его направили в ночлежку. В Париже они еще существуют. Ночевать в них (ночлежки функционируют только зимой. — ***Е.С.***) можно бесплатно. Принимают там на ночлег всех, кто попал в беду. Дают постельное белье. Кормят бесплатно. Пристроился как-то парень. А на прошлой неделе в церковь зашел совсем мальчишка. Лет восемнадцати-девятнадцати, не больше. Сбежал из туристической группы, странствует по миру уже чуть ли не год. Измученный, оборванный, исхудалый, денег — ни копейки. Я направил его в Сестричество (оно занимается помощью несчастным). Сестра милосердия дала ему двести франков. Затем направила в Толстовский фонд к Марии

Дмитриевне Ивановой, великой гуманистке, которая сейчас руководит Фондом в Париже.

— *Расскажите, пожалуйста, о Храме Святого Александра Невского.*

— Это кафедральный собор. Подчиняемся мы Константинопольской патриархии. Служит у нас владыка, архиепископ Георгий. Но Храм — это не только духовный Центр, это и место общения эмигрантов всех «волн». Все, как правило, друг друга знают. Русский Париж — город маленький.

Я Вам подарю книгу, составленную по материалам ключаря Собора протоиерея Александра Чекана.

(Открываю книгу. — *Е.С.*) и читаю: «...император Петр Великий, после посещения в 1715 г. Франции, установил постоянное представительство, при котором, правда, не всегда бывали Церкви и священнослужители. По окончании Отечественной войны 1812 года, 12 февраля 1816 года; последовал Указ имп. Александра 1 об учреждении вновь Церкви грекороссийского исповедания при миссии в Париже.

...План Храма был составлен и разработан проф. СПб. Академии Художеств Р. Кузьминым, а строителем и наблюдателем за работами был архитектор академик И.В. Штром.

...Закладка Храма состоялась 3 марта (19 февраля ст. ст.) 1859 года, а к августу 1861 г. этот величественный Храм был закончен».

— Храм, — продолжает Николай Александрович, — это, конечно, спасение русских в Париже. Эмиграция — это свобода. А свобода — это вакуум. Делайте, что хотите. Это испытание ваших душ. И вот интересно — что вы захотите делать? Кто вы на самом деле? И, слава Богу, человек — нередко! — оказывается и в эмиграции челове-

ком, начинает понимать смысл бытия. А смысл — в вечной жизни, в свободе. А свободы без Бога не существует.

— *Вернемся, однако, Николай Александрович, к Вашей судьбе. Если честно, ностальгия не мучает?*

— Абсолютно нет.

— *Не страшно?*

— Понимаете, Евгений Викторович, у меня есть свой внутренний мир, в котором я живу. Я его сохраняю и оберегаю в себе. И потом я здесь очень много работаю. Времени для особенной грусти просто нет. Я делаю то, что люблю делать. Я много напечатал очерков, статей. И в журнале «Континент», и в «Русской мысли». Подготовил примерно сорок программ для радио «Свобода», закончил повесть «Мавзолей» (из хроники потусторонней жизни). Это о том, как однажды Ленин проснулся. И что он увидел...

1991

P.S. В следующий раз я приехал в Париж только в 1996 году. Привез группу российских туристов (я работал в турфирме сопровождающим групп). В свободное время зашел в Храм Святого Александра Невского, хотел проведать Николая Александровича. Спросил о нем пожилую даму, находившуюся там.

— Ах, а Вы не знаете? — ответила женщина. — А Николай Александрович умер. Рак у него был. Он тяжело болел. Но книгу свою все-таки дописал...

Пусть земля Вам будет пухом, дорогой Николай Александрович. Ваши добрые дела не забудутся.

1991-2007

ПАРИЖСКИЕ ВСТРЕЧИ...

Алексей **Х**ВОСТЕНКО

* * *

Узнав, что я пишу во Франции книгу «Как русскому выжить в Париже?», моя добрая знакомая, поэтесса и журналистка Кира Сапгир воскликнула:

— А с Алешей Хвостенко Вы пообщались?

— Нет.

— Ну, тогда и книга у Вас получится куцей. Я Вам дам телефон «Сквата», мастерской, где живет сразу несколько художников из разных стран мира. Позвоните туда, но представьтесь сначала по-французски, иначе Вас могут не понять.

Звоню. Долго объясняю, кто я и откуда, чего хочу. Прошу позвать мосье Хвостенко. Наконец, отвечают — тоже по-французски:

— Это Хвостенко. Слушаю Вас.

* * *

И вот я в огромной — просто бесконечной! — мастерской. За столом сидят человек восемь. Кто-то говорит

по-русски, кто-то по-французски. Едят. Выпивают. Жареное мясо, баночное пиво, красное вино.

Я представляюсь.

— А, это ты, — говорит высокий, худощавый мужчина (как выясняется, тот самый Хвостенко). — Ну, посмотри пока мастерскую.

Я смотрю на непонятное мне искусство, обхожу бескрайнюю территорию «Сквата» (у каждого художника здесь свой уголок).

Потом меня приглашают за стол. Разговоры обычные. Русские. Кто-то с кем-то подрался, кто-то бездарь, кто-то гений.

Боже мой, во всем мире русские говорят об одном и том же.

Наконец, мы начинаем с Хвостом (так его все называют, так он даже подписывает свои картины) беседу.

Алексей ХВОСТЕНКО: «РАБОТАТЬ НАДО АДСКИ!»

— Алексей, в России ты известен, наверное, прежде всего как автор супер-хита «Под небом голубым», который талантливо исполнил Борис Гребенщиков. Кто-то знает тебя как поэта, как драматурга...

— А я изначально художник. Все остальное — потом.

— *Расскажи о себе поподробнее!*

— Родился на Урале в сороковом году. Жил в Питере, последние десять лет (до отъезда) в Москве. В эмиграции уже пятнадцать лет. В Союзе жилось некомфортно. Почему? О застойной эпохе сейчас много написано. Ты сам все помнишь. Сядешь писать картину — тут же стук в дверь: «Ты почему не на заводе?»

По дурдомам таскали, по судам. Осточертело. Уехал,

потому что не уехать не мог. Мне было почти сорок лет. Публикаций никаких. Выставок никаких. Одни конфликты с обществом. Что оставалось делать? Это молодой человек может жить на пафосе непризнания — мол, непризнанный талант. А в сорок лет это уже ни к чему, подпольная слава не нужна. Хочется работать, чтобы никто не мешал. И чтобы тебя за это хотя бы не проклинали. Недавно мне прислали питерскую газету «Смена». Интересная газета стала. А я помню, в шестьдесят третьем (шестьдесят четвертом?) году в этом же издании писали, что мои стишки и картинки никому не нужны, что «сначала нужно взять Хвостенко в ежовые рукавицы, а потом отправить на завод».

— *Прямо как с Бродским.*

— Так нас и судили в одно время. Мы ровесники. В хороших отношениях. Меня судили раньше, чем его. Помню, на моем первом суде он пытался за меня заступиться, кричал что-то. А потом и его «замели». Буквально через месяц. Словом, все это было жутковато. Вот и пришлось уехать.

— *Каким образом?*

— По эмигрантской визе. Я добивался ее довольно долго. Друзья из Израиля прислали вызов.

— *По израильской визе уезжали, как я понимаю, люди всех национальностей. И армяне, и русские.*

— Да, кто по визе, кого просто выгоняли. Как моего друга, покойного Вадика Делоне. Его просто вывезли. Вопрос стоял так: либо в тюрьму, либо на Запад. Он-то сам уезжать совершенно не хотел. Он и погиб здесь, потому что совершенно был не приспособлен к этой жизни. Пил с горя. Даже не с горя, скорее — от какой-то безысходности... Тосковал по России, умирал без нее. Хотя у него-то как раз и фамилия, и корни — французские. Однако он считал себя абсолютно русским человеком.

— **Как у тебя здесь начала складываться жизнь? Самый первый год...**

— Довольно трудно все это вспомнить. Прошло все-таки много лет. Но попробую. Первое ощущение — свобода, полный кайф. Никто тебе не оттаптывает ноги, не наступают на хвост. Никуда не вызывают. Делай, что хочешь!

— **Ты оказался сразу в Париже?**

— Сначала я приехал в Вену. Собирался затем в Штаты. Но друзья отговорили. К парижской жизни привыкал года два-три. Наверное, это был самый непростой период в моей эмигрантской жизни.

— **С какими трудностями ты тогда столкнулся?**

— Их было масса. И есть. Однако нужно сказать, что художникам-эмигрантам все-таки легче, чем многим другим. Они, как правило, попадают в свою среду. К своим коллегам.

— **Кто тебя здесь встретил?**

— Здесь к тому времени жило довольно много русских художников. Миша Шемякин, Эрик Зеленин, Саша Леонов, Володя Куприн... Это все мои ленинградские друзья, с которыми я знаком, можно сказать, с детства. Встретили и писатели. Например, Володя Марамзин, мой друг, который мне тут же предложил вдвоем издавать журнал «Эхо». В течение восьми лет мы его издавали. С семьдесят восьмого по восемьдесят шестой. Жизнь завертелась. Интересная, хотя и трудная. Денег нет, квартиры нет. Но — жизнь все-таки есть! Свобода есть! Это главное. Первое время мне помогал Толстовский фонд, месяца три платил небольшую стипендию. Тоже неплохо. Потом — ничего. Пришла пора зарабатывать самому. Картин моих еще никто не покупал, коллекционеры меня не знали. Чем я только ни занимался в то время, чтобы выжить! Даже квартиры ремонтировал. Но ничего, выдюжил, все сделал для того, чтобы жить нормально.

— **Что это для тебя значит — «жить нормально»?**

— Иметь возможность работать. И возможность реализовать свою продукцию. Если это есть, значит, у тебя есть душевное равновесие, а также квартира, краски, холсты, материалы, даже мастерская. Но работать нужно адски! Цены поднимаются все время. Жить нормально — это когда тебя начинают узнавать, понимать, что ты индивидуальность, что у тебя есть будущее. Но главное — это, конечно, РАБОТАТЬ! ЧТО-ТО ПОСТОЯННО ПРОИЗВОДИТЬ! Если ты делаешь одну картину в год, то ни один галерист, ни один продавец возиться с тобой не станет.

— **Получается, работать — чтобы только заработать?**

— Нет. Хотя и для этого тоже. Но, прежде всего, чтобы самореализоваться, добиться своего.

— **Ты сейчас живешь нормально?**

— Да.

— **У тебя много покупателей?**

— Не много. Но достаточно для того, чтобы существовать нормально. Более или менее. Во всяком случае, в настоящее время я живу только на картины. Журналом больше не занимаюсь. Впрочем, он никогда и не приносил дохода. Его смысл заключался в том, чтобы печатать тех людей, которые не могли печататься на Родине. Сейчас такой проблемы нет. Нет потребности и в журнале.

— **Расскажи о замечательном месте, где мы сейчас находимся. Как вам удалось получить такую огромную территорию в Париже? И вообще, что такое — «Скват»?**

— «Скват» — это слово английско-американского происхождения. Оно означает — захваченное помещение. Люди, которым негде жить, социально не обеспеченные граждане (таковые, увы, встречаются и на Западе) захва-

тывают жилище. Одни просто для того, чтобы иметь там ночлег, другие, как мы, художники, для того, чтобы работать. В Париже иметь мастерскую, какую имеем мы (2500 квадратных метров) — нереально. Даже мастерская в сорок квадратных метров стоит безумные деньги. Не менее десяти тысяч франков в месяц. Это не по карману даже многим довольно обеспеченным людям. Поэтому с мастерами — напряг. Нет, можно, конечно, встать в очередь. Просить у города или у Дома художников. Может быть, даже и получишь. Но в лучшем случае — пятидесятиметровую площадь. А я, например, работаю с материалом, делаю большие скульптуры. Мне нужно стучать молотком, шуметь, пилить, заниматься сваркой, железяки ворочать, делать черт знает что. Ни дома, ни в маленькой мастерской этим заниматься невозможно.

На Западе существует специальный закон о «скватовстве». Если помещение (частный дом или фабрика — как в нашем случае) в течение полугода пустует, то люди имеют право его занять. Но что значит занять? Все не так просто. Во-первых, нельзя войти в помещение, взломав замок. Нужно войти каким-то хитрым способом, например, через крышу, через окно... Замок можно открыть только изнутри. Таковы правила. Видимо, это связано с какими-то древними предрассудками, но, тем не менее, это так. Во-вторых, в течение какого-то времени нужно в этом помещении продержаться. Если ты прожил неделю, две, тебя уже не может выгнать полиция. Ты объявляешь — «Скват». И вот тогда настоящий владелец помещения уже должен писать заявление в полицию. И выселить в таком случае можно только через суд. Суд рассматривает, почему это место пустует, чем занимаются «скватеры», наркоманы ли они, хулиганы ли, проститутки ли? Или люди, которым негде жить, художники? Если так — то выселить не просто. Когда мы захватили эту брошенную фабрику,

мы тоже писали заявление в полицию. С самого начала. Все официально (не смейся).

— ***А владелец помещения на вас в суд подавал?***

— Подавал. И суд постановил: выселить нас. Но мы не выселились. Ведь для того, чтобы нас выбросить отсюда, необходимо конкретное, реальное основание. Если, скажем, кто-то это помещение купил бы и захотел бы на этом месте что-то фундаментальное построить, нас бы моментально выкинули. Вызвали бы полицию, вышвырнули бы нас вместе со всеми нашими скульптурами и картинами. Но пока этого не происходит. Вот мы и сидим здесь. Продолжаем работать.

— ***Как долго вы здесь?***

— В этом помещении больше года. Но это уже не первый наш «Скват».

— ***Расскажи о людях, которые здесь работают.***

— Нас четырнадцать художников. Половина здесь и живет. Здесь существуют и жилые помещения. Места хватает. Но у меня, например, есть квартира, я здесь не живу, прихожу только работать.

— ***Из каких стран здесь художники?***

— У нас и немцы, и итальянцы, и французы, всех полно, публика меняется. Русских семеро. Все они эмигранты. Вообще, выходцев из Союза довольно много, каждый день к нам приходят как бы на экскурсию. У нас тут своеобразный культурный центр.

— ***Сейчас многие художники хотят уехать на Запад. Что ждет сегодняшних потенциальных эмигрантов?***

— Смотря, о каких художниках идет речь. Можно говорить о людях, которые хотят чему-то на Западе научиться. А можно говорить о людях, которые хотят Запад чему-то научить, преуспеть здесь. Научиться можно. Преуспеть сложнее. Вообще, лучше ехать учиться. Как

ездили до революции — стремясь освоить художественное ремесло. Студенты из царской России приезжали во Францию, Италию, чтобы приобщиться к европейской культуре. По-моему, так. Сейчас же многие хотят только паразитить. А это — повторю — очень тяжело.

Да, Запад смотрит на русских художников немного заинтриговано. Здесь живуч миф о загадочной славянской душе. Но это совершенно не значит, что каждый русский художник, приехавший на Запад, добьется успеха. Будь он авангардист или традиционалист. Потому что понятие «качество» на Западе выше, чем в России. Это безусловно. И если качества работы нет, то никто и никогда твои работы здесь не купит. Если же говорить о концептуальном искусстве или о чистом поставангарде, то удивить кого бы то ни было тоже трудно. Все уже на белом свете есть. В Париже особенно. Так что художник испытывает, конечно, немало проблем. Трудно обрести необходимые контакты, пробиться, найти себя, свое место... Запад, как и Восток, — дело тонкое. Нужно четко отдавать себе отчет в том, что приехать сюда и продать с кондачка две-три свои работы практически невозможно. Даже если ты прекрасный художник, никто этого сразу не оценит. Надо потратить годы, чтобы тебя признали.

— Но, может, все-таки появились в последнее время какие-то счастливики?

— Не знаю. Не слышал, не видел, не встречал. Как-то я прочитал в советских газетах, что некий юный музыкант заделался художником, прославился в Париже. В каком Париже? Может быть, я живу в Париже-2? Чтобы сделать настоящую карьеру, многое должно совпасть. Должно и повезти, и трудности многие нужно уметь преодолеть.

— Может быть, есть (в противовес) какие-то особенно трагические судьбы? Когда художник не состоялся, стился, погиб?

— Художник, который продолжает здесь день за днем, ежечасно, на износ заниматься своим делом, как правило, худо ли, бедно ли, но существует. Выживает. Особенно если он эмигрант или политический беженец. В таком случае — легче. Кто-то ему в таком случае все-таки помогает. Толстовский фонд, французское правительство. А вот если ты невозвращенец, то выжить и состояться безумно тяжело. Не поможет никто. Разве только друзья. Если они есть. У невозвращенцев трагические судьбы — не редкость.

— Как художники, которые здесь живут, заводят контакты с галеристами? Они сюда приходят, вы к ним приходите? Есть ли у русских парижских художников менеджеры?

— Как правило, у художников никаких менеджеров нет. Как заводим контакты с галеристами? Обычно — по рекомендациям. Коллег, поклонников... Или сам знакомишься, ходишь по галереям, смотришь, кто чем занимается, любопытствуешь. Если видишь, чувствуешь: твои работы могут заинтересовать — предлагаешь свое досье. И так далее. Могут — чаще всего так и происходит — дать от ворот поворот. Но могут и купить картину, предложить ее на комиссию, устроить выставку... Могут предложить контракт. Долгосрочный или кратковременный.

— Что это значит?

— Допустим, на год (два-три) галерист покупает у тебя исключительное право на все, что ты делаешь.

— Часто так бывает?

— Не очень. С одной стороны, галеристам всегда приятно открыть новое имя, а, с другой стороны, все они — предприниматели, бизнесмены. Им не только служить искусству нужно, но и деньги делать. И рисковать они не любят.

— Ты, естественно, сотрудищаешь не только с русскими галереями.

— Никаких русских галерей в Париже на самом деле нет. Это очередной миф.

— ***А вот у вас в «Сквате» афиша — галерея «Болдырев».***

— Ну и что? Хозяин русский. Но занимается-то он разным искусством.

— ***А Жорж Лавров?***

— Он тоже русский, но с русскими художниками работает меньше всего.

— ***Гарик Басмаджан?***

— Он такой же русский, как я китаец. Он — армянин, родившийся в Иерусалиме. Да, симпатизирует русским художникам, работает с ними, но это не значит, что у него русская галерея. Так что, Евгений, все не так просто.

...В это время нас пригласили к столу, на шашлыки. Мы встали и пошли есть. Шашлыки получились хорошие.

Это интервью вышло в московской газете «Феникс» в 1991 году.

* * *

...Мы не виделись с Хвостенко пятнадцать лет.

* * *

А потом он приехал в Москву, Путин вернул ему российское гражданство. Мы несколько раз встречались, он передал в мой журнал «Дети Ра» свою пьесу «Пир». Внес в нее собственной рукой правки.

* * *

Мы стали довольно часто видеться и общаться. Он

пришел на презентацию другого моего журнала — «Футурум АРТ» в «Зверев-центр», который любил (у него были и деловые, и личные контакты с директором центра Алексеем Сосной, продававшим его картины). Принял рюмашку. Пospал на плече у своей гражданской жены Лены Зарецкой. Когда началась неформальная часть, проснулся. Принял еще рюмашку. И стал петь свои замечательные песни.

Я тогда подумал: все-таки Хвост — настоящий поэт. Ни одного лишнего движения.

* * *

14 ноября 2005 года мы отмечали день его рождения в Москве, в «Зверев-центре». Выпили по бокалу вина. За столом были Андрей Сокульский, Лешина дочка — Вера и я. Прямо за столом — во время дня рождения! — он вносил правки в пьесу «Пир».

А в декабре Алексей Хвостенко умер.

* * *

Хвост был уникальным художником. Настоящим. И что удивительно — хорошим человеком. Я ни от кого не слышал о нем дурного слова.

Масштаб дарования — фантастический. Поэт, бард, режиссер (в последний приезд в Москву он договорился, что будет ставить в трех столичных театрах свои пьесы), художник, скульптор.

* * *

Я видел, как он работает. В «Сквате» я был счастлив помочь ему в качестве простой физической силы — что-

то поддержать, за чем-то сходить. Ни к кому другому в подмастерье я бы не пошел.

Хвост работал с крупными формами, работал само-забвенно и отрешенно. Он был невероятно трудоспособен. Он был молчалив. Абсолютно добродушен.

С теплотой отзывался о своих старых питерских друзьях — Иосифе Бродском, Косте Кузьминском... Ни о ком не говорил плохо.

Толерантность была у него в крови. А кровь, кстати, была, как это часто бывает у гениев, смешанная. Отец — полукраинец, полуеврей. Мама — полутатарка, полурусская.

У Хвоста осталось четверо детей. Двое — младших — от иностранок.

Хвоста любили все.

Умирать он не собирался. За несколько часов до смерти он написал письмо своей гражданской жене Елене Зарецкой с просьбой приходить к нему побыстрее и принести — если можно — лекарства. Он собирался выписываться. Хотя болел очень серьезно — сердце, онкология правого легкого, пневмония.

Врачи у него спросили: «Вам удобно?» «Да, мне удобно. Большое спасибо». Это были последние слова Алексея Хвостенко. Через несколько часов он умер во сне.

Кирга № _____

Ф.И.О. больного _____

Дата

ДНЕВНИК

Алекска, мне сказали, что
 ты принесла мне токарничку
 и еще что-то, но я и пока
 не получила. Почему ты сама
 не пришла? К соседке соседки
 пускают. Может быть и тебе
 пустят? Спроси врачей. Хвостенко

Записка Алексея Хвостенко, написанная в реанимационном отделении Московской городской клинической больницы № 61 за сутки до смерти.

Менюшка, я хотел бы
забегать в выходные.
Приходи пораньше.
Приходи мне же
годая, если сможешь
Фенерозил и Карва-
лол.
Хвост.

Последняя записка Алексея Хвостенко (за 3 часа до смерти). Печатается с согласия Елены Зарецкой.

1991-2007

Вячеслав **Ш**УГАЕВ:

«КАК Я БЫЛ ТИМУРОВЦЕМ...»

С прозаиком Вячеславом Шугаевым я виделся один раз в жизни. Мы делали с ним интервью для газеты «Семья». Потом я прочитал его книги. «Любовь в середине лета», «Паром через Киренгу».

Долгое время он вел передачу на московском канале. Теперь писателя нет. Но мысли его остались. И светлая память о нем осталась.

Печатаю наше интервью без купюр.

Говорили мы тогда о детстве, из которого родом, конечно, не только замечательный француз Антуан де Сент-Экзюпери, но и все мы, жители маленькой планеты.

* * *

— Действительно, когда я думаю о своих детских годах, — рассказывал мне Вячеслав Максимович, — а я жил, учился в начальной школе до четвертого класса в небольшом городке Мензелинске в Татарии, то понимаю, что именно детские годы предопределили всю мою дальнейшую жизнь. Это особый воздух, особая атмосфера, краски, запахи и особые нравы. Беда всех сплотила,

сделала одной большой семьей. И несмотря на то, что шла тяжелейшая война, атмосфера в нашем махоньком провинциальном городке царила очень дружественная, радушная. Мы были душевно открыты светлым идеалам. Вбитые в нас с детства понятия о морали, нравственности, добре и зле стали моей нитью Ариадны, которой я стараюсь следовать всю свою жизнь. Отец мой умер рано, в сорок первом году, мама все время работала (она была бухгалтером). Воспитывала нас со старшим братом бабушка Татьяна Алексеевна. Очень ироничная, мудрая женщина. Никогда не забуду, как она кормила нас с братом. Она наливала нам немного молока, разбавляла его водой и давала по ломтю горчащего хлеба, замешанного вместе с мякиной, соломой. И приговаривала:

— Горького-то побольше кусайте! А сладкого-то поменьше глотайте!

Так мы и питались: больше горьким, меньше сладким. И ничего, выдюжили. Видимо, потому что не хлебом единым жили. Поедим, бывало, и тут же к бабушке приставать:

— Бабушка, почитай книжку, почитай!

Она всегда подолгу отмахивалась от нас, отнекивалась, но потом доставала свои старомодные очки с заушинами. И читала. Помню, как мы с упоением слушали в ее исполнении рассказ Льва Толстого про Жилина и Костылина. Порой она так увлекалась этой замечательной книгой, что начинала читать про себя, забывая про нас. Тогда мы ее нетерпеливо хватали за подол, за руки:

— Бабушка, ну, бабушка, читай же и нам!

Она опять читала вслух. Так мы и жили, не мысля себе ни дня без книги, ни дня без воплощения в жизнь прочитанного.

Воспитывала нас также и улица. Она диктовала свои жизненные законы (весьма суровые, но все-таки роман-

тичные, высокие), не следовать которым было нельзя. Если ты выходил гулять и держал в руках хлеб, то тебе немедленно говорили загадочную татарскую фразу: «Отколь мандры!» Это означало — отломи от своей краюхи. И если ты не откликнулся на этот призыв, то улица начинала тебя презирать, ты становился персоной нон грата. Так волей-неволей в нас воспитывался — не лозунгами, не школой — дух коллективизма.

— **Вячеслав Максимович, Вы провели свои детские годы в тяжелое, голодное военное время. Радостным, благополучным его никак не назовешь. Но, говорят, что именно в тяжелые, голодные годы особенно активно растет духовность. Интересно узнать, что Вы читали, помимо «Кавказского пленника» Льва Толстого, в детстве, как у Вас вообще складывались отношения с Книгой?**

— Научился я читать только в первом классе. Когда научился — читал сутки напролет. Любимая книга детства — «Волшебник изумрудного города». Однажды я раздобыл «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Книга меня потрясла. Я начал стремиться во всем подражать Маресьеву... Мы тогда снимали квартиру (вообще, все детство мое прошло на квартирах) у славного, очень острого на язык человека — Ивана Михайловича Красильникова. И вот однажды, сидя на полатях и слушая разговоры Ивана Михайловича со своими родственниками, которые на Пасху и другие религиозные праздники собирались у него дома со всех окрестных деревень, я принял участие в беседе (меня выслушали до конца, тогда вообще умели слушать), рассказал прочитанную мной историю про мужественного летчика Алексея Маресьева. Только после того, как я закончил свою «тираду», Иван Михайлович предложил мне пари:

— Если доползешь по-маресьевски до школы (это где-то четыреста метров. — **В.Ш.**) и обратно, тогда я поверю, что ты не заливаешь, и буду целую неделю давать тебе деньги на кино.

Надо ли говорить, что я тут же согласился, ибо сходиться в кинотеатр «Победа», который все у нас в городке по-дореволюционному называли «Фурор», было высшим мальчишеским счастьем.

Я натянул старые штаны, телогрейку. И пополз. Конечно, я очень старался. Но сил, увы, хватило только на то, чтобы доползти до школы. Назад я уже не смог. Силенки истощились, штаны я трагическим образом продырявил на коленках. Я чуть не плакал от досады. А Иван Михайлович торжествовал и философски изрекал:

— Пока сам не поползаешь, сам не испытаешь — ни одна книжка на пользу не пойдет!

После этого случая я стал соотносить слово и реальность. Осознал, какая мощь таится за каждой конкретной фразой. Я поражался собственному открытию. Как поражался потом, прочитав «Детство Багрова-внука» Сергея Аксакова. Там я встретил описание нашей родной речки Ик. Когда я увидел на одной из страниц слово Ик, я был просто ошарашен и тут же примчался к Ивану Михайловичу и, запыхавшись, выпучив глаза, затараторил:

— Я... я... я... нашел книгу, где написано про Ик.

— Не может быть, — спокойно парировал вечно рассудительный Иван Михайлович. — Это н а ш а речка, кто еще может что-то про нее знать, тем более про нее написать?

Я подсунул ему книгу. Он читал долго, внимательно, я бы даже сказал — настороженно. Теперь уже торжествовал я.

— Хорошая литература, хорошие книги, как правило, побуждают к действию (увы, не всегда к достойному). Я вспоминаю, как мы с моим приятелем, ныне известным футболистом, прочитав в возрасте одиннадцати лет Льва Шейнина, в частности, рассказ про Леньку Пантелеева, тут же вышли на улицу и попытались отнять деньги у одного пацана из соседнего двора. За что потом угодили в детскую комнату милиции. Интересно, как влияли книги на Вас, к чему побуждали?

— Знаете, может быть, это очень странно, но мы, голодные дети войны, обладали неким загадочным романтизмом в душе, и книги нас побуждали к соответствующим поступкам. Например, прочитали мы с неописуемым восторгом повесть «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара. Фильм посмотрели. И всех нас, я помню, больше всего потрясла сцена, когда ночью тимуровцы шли ловить Мишку Квакина, включив свои карманные фонарики. Вскоре и у меня, и у многих ребят с нашей улицы появились такие фонарики, мы их выменяли на последние продукты. И Юрка Елхов, наш верховода и отчаянный сорвиголова, не пропускающий ни одной драки, предложил:

— Давайте мы тоже ночью при свете фонариков что-нибудь сделаем хорошее. Ну, например, вскопаем какой-нибудь одинокой бабке огород.

Решение было принято единогласно. И мы пошли на «дело». Тьма стояла кромешная. И, конечно, нам пригодились наши фонарики... Мы чувствовали себя тимуровцами. Огород мы вскопали в лучшем виде. От гордости нас просто распирало. Мы так хотели, чтобы наш труд заметили, чтобы нас похвалили. Поэтому мы — не сговариваясь! — все вместе собрались утром за плетнем, дабы посмотреть на реакцию «нашей» бабульки. Собрались и

стали ждать ее появления. Наконец она вышла. И аж присела от изумления. И запричитала:

— Да что ж это такое творится? Кто же эти добрые люди? Кто же, кто же?

Кто-то из нас не выдержал и закричал:

— Да это мы, мы сделали. Мы тут, рядом!

Бабка порядки знала туго. Скоренько скрылась в доме. И через мгновение появилась:

— Сейчас, ребятки, я вас буду угощать!

И достала узелок со сладостями. Мы долго и упорно отказывались от угощения, отдавая себе отчет в том, что если мы его примем, то наше благородство от этого станет неполноценным, ущербным. Мы стоически боролись с бабушкиными уговорами и с самими собой. Боролись, боролись, но, конечно, не устояли. Сладости мы тогда ели очень редко.

— ***А самое вкусное лакомство военной поры?***

— Конечно, мороженое. Оно у нас в Мензелинске было совершенно особенное, незабываемое. Лед перемешивался с медом — вкуснота! Честно говоря, ничего вкуснее я больше в своей жизни не ел!

— ***Вячеслав Максимович, а в детский сад Вы ходили?***

— Ходил, но только два дня. Сбежал. Очень мне там не понравилось. И не потому, что люди там плохие работали, вовсе нет. Просто когда знаешь, что кто-то в это время строит плот, кто-то рыбачит, кто-то роет пещеры (вот что я в детстве просто обожал делать), строит подводную лодку (а мы потом действительно построили подлодку, как и герои книги Николая Носова «Архимед Вовки Грушина»), а ты бездарно и бесцельно сидишь в детском саду, то становится не по себе.

— ***Вот я слушаю Вас, слушаю — удивляюсь, уж больно Вы и Ваши друзья положительные были в детстве. Помогали старшим, читали хорошие книжки. Знаете, что в таких случаях говорил Станиславский?***

— Знаю, конечно. Но я рассказываю о том, что происходило на самом деле. Хотя это не исключает того, что мы позволяли себе разного рода шалости. Дрались, как я уже говорил, по чужим садам, случалось, лазили. Кстати говоря, расскажу Вам, как однажды мы с другим моим закадычным дружкой Володькой Сумзиным полезли в соседский огород и попались. Володькина же мать нас и поймала. Тут же надавала сыну подзатыльников, а я убежал. Как же мне было стыдно! Я не знал, что делать. Как жить дальше, как возвращаться домой? Что же скажет мама? Как я посмотрю ей в глаза? Я бродил по лесу до темноты, грустил, жалел самого себя, представлял, как дома меня потеряли, волнуются. Потом все же вернулся, тихонько, незаметно пробрался в комнату, чтобы мать не видела, и прилег на сундук — отдохнуть немного. Думаю: «Полежу чуть-чуть, а потом пойду прощения просить». И уснул. А утром мама мне ни слова в упрек не сказала, и Вовкина мать тоже не ругала. Они, видимо, решили, что я раскаялся и уже сильно наказан тем, что слонялся по лесу до самой ночи. Я очень хорошо помню благородство взрослых, до сих пор им очень благодарен за это. Я действительно тогда очень сильно раскаялся...

— *Мензелинск сороковых... Тыл. Война там не проходила. Но, конечно, было много эвакуированных, госпитальных... Видимо, они отличались от вас, местных жителей?*

— Да нет, эвакуированные ребята учились вместе с нами в школе. Они были такими же детьми, участвовали во всех наших делах, проказах, приключениях... Кстати говоря, вместе с моим старшим братом училась ныне знаменитая актриса Алла Ларионова. А однажды у нас на квартире, которую мы снимали, остановился один замечательный молодой лейтенант. Он так меня поразил своей бравостью, своей выправкой, что я бегал за ним по

пятам, как хвостик. Просил рассказать о фронте, о войне... У лейтенанта было и еще одно неоспоримое достоинство — боевое оружие. Настоящий пистолет, который я мечтал подержать в руках. И все время приставал к лейтенанту по этому поводу. И однажды он не выдержал моего агрессивного мальчишеского натиска.

Он сказал:

— Хорошо. Коли ты так гредишь солдатской жизнью, то я тебе дам подержать пистолет. Но... Я сейчас посплю часочка два, а ты бдительно охраняй мой сон. Стой по стойке смирно. Если выдержишь — дам оружие подержать.

Я стоял как вкопанный. Не шелохнулся. И дождался своего звездного часа.

Лейтенант слово сдержал.

Вообще, про детство я могу говорить часами. Именно детство дает мне темы, сюжеты для многих книг. Впрочем, какой смысл говорить о книгах — их надо писать! И читать!

1990-2007

Федот Сучков: «ПОЧЕМУ Я МОЛЧАЛ?..»

Федот Федотович Сучков был одним из весьма примечательных московских людей. Прозаик, поэт, драматург, эссеист, а также автор памятника В. Шаламову на Троекуровском кладбище, мемориальной доски А. Платонова на Тверском бульваре и портретов других выдающихся мастеров слова — Н. Некрасова, И. Тургенева, И. Бунина, Ю. Домбровского, А. Солженицына, Ю. Казакова, В. Иванова, П. Васильева.

На его долю выпало — оттрубить в отдаленных местах полных тринадцать лет.

Мы часто встречались с Федотом Федотовичем. Он очень по-доброму ко мне относился, считал, что я похож на его земляков — уроженцев Красноярского края.

Видимо, все не случайно. И мы общаемся и дружим с теми людьми, кого помним генами пра-памяти... Моя ма-тушка детские и юношеские годы провела именно в Красноярском крае...

* * *

Тогда, в конце восьмидесятых, когда мы тесно обща-

лись, Федот Федотович работал почти круглосуточно, на износ — писал, рисовал, делал скульптуры. Как и подобает истинным мастерам. Никогда не забуду уникальной мастерской Федота Федотовича в полуподвале дома по 1-му Колобовскому переулку. Здесь можно было отдохнуть и встретить самых различных людей: и пожилых, прошедших огни и воды приятелей ваятеля, и молодых поклонников его талантливых работ.

Над этим интервью мы работали вместе. Федот Федотович долго правил его, можно даже сказать — просто переписал все мои слова.

Мы опубликовали его в 1989 году в милой газете «Авто».

— Федот Федотович, Вы — коренной сибиряк, родились в Красноярском крае, в деревне Дорохово. Ваши родители тоже сибиряки. Как Вы оказались в Москве, в четырех тысячах километров от места рождения?

— Я приехал в Москву учиться и попробовать себя в словесности. Но продержался в Литературном институте имени Горького (куда поступил в 1937 году) только до третьего курса. 5 сентября 1942 года ночью меня увезли на Лубянку, где продержали, если не ошибаюсь, трое суток (дни исчислялись по несъеденным птюхам — ломтикам хлеба). На четвертые сутки из Лубянской цитадели меня перебросили в Лефортовскую тюрьму. Последующие «университеты» таковы: Бутырки (камера девятнадцать), Котласские лагерные пункты и затем 1-е лаготделение Интинского угольного бассейна в Минлаге... Как видите, «учеба» в «Академии им. Ежова-Берии» несколько подзатянулась. Так что в Москву я вернулся, пройдя еще и через ссылку, три пятилетки спустя. И что меня удивило больше всего по возвраще-

нии в Литинститут, так это слова архивариуса о том, что я, Сучков Федот Федотович, числюсь, оказывается, студентом третьего курса и меня из института не исключали...

— Говорят, Анна Андреевна Ахматова, когда ее спросили о том, за что посадили известного ей человека, всплыла и резко проговорила: «Да неужели Вы до сих пор не понимаете, что сажают н и з а ч т о!» И все же, что инкриминировали в вину Вам?

— Я числился в течение всего срока «осужденным» по 10-му и 11-му пунктам 58-й статьи, то есть за антисоветскую агитацию в компании своих сокурсников — Ульева и Фролова. Извинительные бумаги из прокуратуры СССР о свершившейся когда-то судебной «ошибке» пришли к нам в 1955 году. Увы, моих друзей уже не было в живых. За тринадцать лет, проведенных в райских кущах Ежова-Берии, мне выплатили после реабилитации двухмесячную студенческую стипендию — триста рублей дореформенными деньгами.

— Я слышал, что не оставляли Вас в покое и долгое время после реабилитации, хоть государство и милостиво стало платить Вам «роскошную» пенсию в размере девяносто девяти рублей...

— Меня обыскивали вновь в 80-м году при генсеке Брежнев. Обыск на этот раз осуществлялся под началом старшего следователя московской городской прокуратуры. Ему я благодарен за то, что он согласился не забирать у меня все подчистую, а брал по одному экземпляру той или иной «подозрительной» рукописи. Так сохранилось в сущности все, что я успел написать за последние двадцать лет, занимаясь литературой вперемежку с появившейся у меня страстью к скульптуре. Впрочем, добавлю, этот же следователь оказался на «высоте» служебного долга при перетряске архива проживавшего у меня в то

время писателя Попова. Он забрал в Серый мешок все до бумажки и конфисковал пишущую машинку.

— ***О каком Попове Вы говорите, Федот Федотович? Не о том ли ныне знаменитом писателе Евгении Анатольевиче Попове, который в свое время принимал активное участие в составлении некогда опального альманаха «Метрополь» и напечатал в нем несколько рассказов?***

— О нем самом. О Евгении Анатольевиче Попове, обнаружившем недавно в «Волге» повесть «Душа патриота» (о друге Фервичкине, старавшемся со своим спутником Приговым пробраться к месту погребения бранных останков автора «Малой земли»).

— ***Вы смеетесь, Федот Федотович. Что Вас развеселило?***

— Вспомнилась годная для кино давняя сцена, как Евгений Попов едва не оказался в ловушке, чуть не «сгорел» с «Колымскими рассказами» Варлама Шаламова, которые чудом не оказались вещественными доказательствами в уголовном деле. Однажды в скорбный декабрьский вечер в моей мастерской шел очередной интенсивный обыск (прощупывание швов в складках одежды, заглядывание во все отверстия... и т.д.), вдруг в прихожей звякнул дешевенький колокольчик. Я успел опередить понятого, приоткрыл дверь на улицу и увидел перед собой Попова. Он понял по моему виду, что надо как можно быстрее уходить. И тут же сунул «преступные» повествования Варлама Шаламова, которые были у него с собой, под вросшую в землю скамейку.

Так спаслась написанная кровью и выпущенная в свет в чужом отечестве хорошо известная сейчас книга. Вдумайтесь по-настоящему, какая воистину шестеренчатая, свойственная государственному, а не частному насилию, штукавина вычитывается из эпизода с томиком, ко-

торый чуть не угодил в Серый мешок. Проследите для уяснения сути причудливую линию событий. В холодную Колыму Шаламова доставили с придуманной в следственных кабинетах нелепой статьёй, записанной в формуляре. Отбухавший свой долгий срок в невыносимых условиях, Варлам Тихонович возвращается на «большую землю» без права проживать там, откуда его «взяли». Короткие новеллы-воспоминания вынашивались им в течение долгих лет. И как только они обнаружались в виде тома, то немедленно превратились в материал для кафкианской машины, способной четвертовать автора и втянуть в свои зловещие шестеренки поклонников честной прозы.

Однако жизнь продолжалась. В ту пору, в восьмидесятом году, несмотря на визиты непрошенных «гостей» (не только, кстати, в мою мастерскую), молодые литераторы (а именно В. Кормер, Е. Харитонов, Ф. Бирман, Д. Пригов, Е. Козловский, Е. Попов и Н. Климантович) решили организовать при столичном профкоме пишущей братии ЭКБ — Экспериментальный Клуб Беллетристов, в котором бы проводились по разу в декаду творческие семинары лабораторного характера. Молодые писатели горели желанием вырваться из привычной реальности и в предельно короткий срок изменить соотношение между формой и содержанием, в тысячный раз со времени возникновения словесности перелопатить сложившиеся в ней порядки.

— *Что же случилось с учредителями ЭКБ и самой этой организацией?*

— Клуб распался, так как его появление в столице не соответствовало взглядам застойщиков того не мифического периода. Учредители же кончили каждый по начерченной не своей рукой программе. Один из семерых эвакуировался в Америку; другой отпочковался от ком-

пании в силу политической необходимости; у третьего вышло из строя сердце, он упал на горячий асфальт одной из центральных московских улиц; с четвертым расправился рак, не давший ему дописать интереснейший, говорят, роман. Остальные, полные творческих сил, делают свое дело, дай им Господь, здоровья.

— Почему, занимаясь литературой более тридцати лет, Вы ничего не печатали и сидели вроде бы как в норе, хотя и работали в массовых периодических изданиях?

— За шесть лет работы в «Сельской молодежи» я настроил, вытащил из себя только одну статейку, затрагивающую мораль. Пытался усостыжить бросившего семью мужчину. Такой же приблизительно ценности была и моя статейка «Слово не воробей», которую я написал, будучи ответственным секретарем журнала «Советское радио и телевидение». Все это было давно, и я бы не вспомнил об этом, если бы не вопрос — почему я молчал. Дело в том, что я не журналист по характеру. Я считал и считаю себя прирожденным прозаиком. А выходящие из-под моих не гусиных перьев небольшие прозаические вещицы никак не стыковались с публикуемыми в литературно-художественных журналах солидными «кирпичиками». Это вызывало раздражение, если не сказать поглубже. Поэтому и по ряду других причин где-то в моих глубинах зрело решение не принимать никакого участия в оскорбительном для искусства деле...

1989-2007

Юрий Болдырев

Настоящие подвижники, как правило, незаметны, скромны. Это известно. Порою об их трудах и не знают в широких кругах. Но, между тем, когда такие люди уходят, в культурном пространстве образуются незаполненные пустоты. Связующие нити между гигантами культуры и читателями обрываются. А это всегда опасно.

Юрий Леонардович Болдырев — замечательный литературовед! — был как раз из племени настоящих подвижников.

Многие годы своей жизни он отдал работе над творческим наследием выдающегося русского поэта Бориса Слуцкого.

Болдырев собрал и опубликовал тысячи стихотворений Слуцкого, составил его собрание сочинений, подготовил комментарии к его стихам. Словом, совершил тихий, незаметный подвиг — будем называть вещи своими именами!

* * *

Внешне Юрий Леонардович выглядел совсем не пафосно — невысокого роста, с вечным портфелем в руке. Многие (даже те, кто младше его) называли его на ты. Это происходило порою даже комично.

Например, обратился как-то к нему в моем присутствии один молодой редактор.

— Юра, ты (подчеркнуто мной. — *Е.С.*) когда нам в газету принесешь новые стихи Слуцкого?

Болдырев иронично и достойно ответил, ненавязчиво, вскользь намекая редактору на его бестактность:

— Постараюсь Вас порадовать в ближайшее время, Михаил Иванович...

«Вас» — Болдырев произнес нарочито отчетливо.

И, вообще, я не слышал, чтобы Болдырев к кому-то обращался на ты.

* * *

Мы с Юрием Леонардовичем дружили. Точнее — он дарил меня своей дружбой. Как старший — младшего. Разговаривали мы не только (и не столько!) о литературе, сколько о жизни вообще. Я всегда прислушивался к его советам. Он, скажем, считал, что я могу реализовать свой творческий потенциал на стыке путешествий и журналистики. Все время расспрашивал меня о моих новых поездках и приключениях. И я сначала все рассказывал ему, а потом уже писал в те издания, в которых работал.

* * *

В девяностом году, заведую отделом поэзии журнала для подростков «Мы», я задумал по совету пермского талантливой поэта Юрия Беликова ввести в журнале новую рубрику «Поэтический ринг», в которой стихи молодых поэтов разбирали бы умудренные мэтры. Я подготовил несколько публикаций. К сожалению, они не увидели свет. Но зато у меня сохранился неопубликованный текст Юрия Болдырева, который разбирал стихи тогда

юных Александра Грабаря (внука художника Игоря Грабаря и писателя Льва Копелева) и Павла Рожина. Так что данное предисловие Юрия Болдырева сейчас печатается впервые. Текст этот, по-моему, глубокий и самодостаточный. И вполне имеет право на существование даже в отрыве от стихов разбираемых авторов. В небольшом эссе — прояснено понимание Болдыревым существа поэзии, выявлены важные критерии поэтического дара.

* * *

Александр Грабарь и Павел Рожин — очень (очаровательно? возмутительно?) молоды. Об этом кричит каждая строчка. Взять хоть общий для них пессимизм: он напоен такой жаждой жизни, что сразу ясно — пессимизм этот юношеский. Но это, пожалуй, единственное, что их объединяет. Дальше начинаются различия.

Александр очень важно что-то СКАЗАТЬ, что-то ЗАЯВИТЬ и ОКАЗАТЬСЯ УСЛЫШАННЫМ, ЗАМЕЧЕННЫМ. Пусть это что-то будет из начитанного (или даже из нахватанного). Пусть это окажется полным пустяком: датами под сочиненным (смешными в таком возрасте) или еще более смешной (на мой взгляд, человека немолодого и видевшего многое) пометкой — февраль 1990. Кёльн. И не беспокоит, что сказать пока что нечего (или не получается?), он-то знает, что внутри назрело и жаждет вырваться. И вдруг вырывается:

«Поэтыдохнут не так, как простые люди. Два раза: гораздо раньше и много позже». И над ним и надо мной можно посмеяться: не видишь, что ли, это тоже вычитано, откуда мальчишке знать про это?

Но, во-первых, внимать нужно не мыслям — новых давно нет — все все уже прочувствовали, продумали и сказали, а словам, их сочетаниям: правда о человеке именно

тут. А во-вторых, мальчишки-поэты порой легко проговариваются о том, о чем узнают на собственной шкуре и напишут тяжелыми словами лет через тридцать-сорок.

** * **

Павлу важнее сказать ЧТО-ТО и не просто сказать, а сказать ОБРАЗНО. Поэтому он не торопится (а Александр торопится и для него прямая речь предпочтительнее), старательно ищет и, наконец, находит впечатляющий образ мира — громадной серой мыши, обращающейся в волка.

** * **

Кто из них на более верном пути? Кто из них ближе к тому, чтобы стать поэтом и сказать людям нечто потрясающее, донельзя нужное? И сколько в них заложено — хватит ли до следующего жизненного поворота? «Когда б вы знали...».

Юрий Болдырев,
член СП СССР

1989-1999

Семен Липкин

Он родился 19 сентября 1911 года. Скончался в 2003 году. Прожил долгую, достойную жизнь. Его стихи высоко ценили Анна Ахматова и Андрей Белый. Он был в хороших отношениях с Осипом Мандельштамом и Исааком Бабелем, знал Марину Цветаеву, дружил с Андреем Платоновым и Василием Гроссманом... В 1930 году его стихи напечатали в «Известиях» по рекомендации Максима Горького.

Долгое время он был одним из самых известных и активных советских поэтических переводчиков, переводивших национальную классику. А потом на многие годы наступила для Семена Липкина пора безмолвия и отлучения от литературного процесса.

Почему? Об этом 20 лет назад я спросил самого поэта, когда готовил в газете «Московский комсомолец» к публикации одну из первых (если не первую) после длительного и вынужденного забвения его стихотворных подборок (ее помогла «пробить» замечательная сотрудница «МК» Наталья Александровна Дардыкина).

— Дело в том, — ответил поэт, — что мы, несколько советских литераторов, участвовали в рукописном альманахе «Метрополь». За это самых молодых из нас, самых незащитных — Евгения Попова и Виктора Ерофеева —

исключили из членов СП. Я, Инна Лиснянская и еще несколько литераторов написали письмо в Союз писателей. Мы заявили, что если наших товарищей не восстановят в Союзе, то мы выйдем из него. Товарищей тогда не восстановили. И мы свое слово сдержали.

— *А другие?*

— ...Я никого не хочу винить. Это уважаемые люди. В конце концов, каждый поступает так, как ему велит его совесть.

— *Сейчас Вы восстановлены в членах Союза. Расскажите, пожалуйста, о том, как Вы начинали свой путь в литературе? Вы литератор по образованию?*

— Я учился в Одессе (это моя родина) в 5-й императорской гимназии, где, кстати сказать, раньше учился Валентин Катаев. С нами занимался замечательный преподаватель, ценитель и знаток поэзии Петр Иванович Подлипский. Он заметил мои стихи... А по образованию я инженер. Так что постигал все сам, главным моим филологическим наставником была и есть КНИГА.

— *Как Вы считаете, помогла ли Вам как автору оригинальных стихов многолетняя переводческая работа?*

— Это палка о двух концах. За те восемь-десять лет, что я был отключен от переводческой работы, я написал больше, чем за всю свою жизнь. А с другой стороны, переводя, я изучал культуры других народов, философии мусульманства, индуизма, буддизма, освоил персидский язык. Конечно, приходилось переводить и муру, так уж складывалась жизнь. Но основные свои работы я делал с душой, любовью и, я бы сказал, с почтительностью к подлиннику.

* * *

Во время подготовки публикации стихов Липкина в «МК» и после (когда мы уже готовили к печати его подборку в «Огоньке») мы нередко общались с Семеном Израилевичем. Поэт оказался поразительно галантным и несовременно внимательным человеком.

Порой доходило до курьезов. Помню, уезжал от него из Дома творчества в Переделкино — Семен Израилевич подал мне пальто... Я даже растерялся.

Однажды он позвонил мне днем, а я, грешным делом, спал. Разговаривала с поэтом моя матушка. Она спросила: «Может быть, его разбудить?» Липкин — выдающийся поэт и скромный, достойный человек — ответил: «Ну что Вы, что Вы, пусть отдыхает — я вечером перезвоню...» И действительно перезвонил.

Когда мы начали общаться, мне было 23 года. Возраст молодой, нахальный... И как-то раз я осмелился показать Семену Израилевичу свои незрелые вирши. Он как истинный интеллигент их прямо при мне внимательно и сочувственно прочитал. Что-то даже из вежливости похвалил. Отметил, помню, такие строчки: «Течет поток коньячных рек по капиллярам...»

Подсказал, как усилить стихотворение.

Улыбался, когда читал мое шуточное стихотворение «Твардовский»:

Еще один журнал московский
Мои поэты отклонил.
Вот если б здоровствовал Твардовский,
То он меня бы оценил.
И напечатал бы в журнале,
И книжку бы помог издать,

И тем, кто дар мой зажимали,
Он бы сказал: «Так вашу мать!»

Когда он прочитал этот иронический опус, сказал:
— Стихотворение забавное. Но думаю, что вряд ли бы Вам помог Твардовский. В «Новом мире» никогда не было сильного отдела поэзии. Проза? Да! Публицистика? Да! Но не поэзия...

Семен Липкин — один из ярчайших поэтов России. И хотя в его стихах, безусловно, сильны иудейские мотивы (он был крещеным евреем, иудаистом), он выдающийся русский поэт. Поэт, отразивший трагичность нашей истории, безумие кровавого двадцатого столетия. Позволю себе напомнить только одно его стихотворение. На мой взгляд, лучшее.

ЗОЛА

Я был остывшею золой
Без мысли, облика и речи,
Но вышел я на путь земной
Из чрева матери — из печи.
Еще и жизни не поняв
И прежней смерти не оплавав,
Я шел среди баварских трав
И обезлюдевших барачков.
Неспешно в сумерках текли
«Фольксвагены» и «Мерседесы».
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

1987-2007

Эммануил Штейн — **АРХИВАРИУС № 2**

Первый раз в Америку я прилетел много лет назад, в 1992 году. Сначала я жил в Филадельфии, а потом в Нью-Йорке. Однажды я отправился в гости к Эммануилу Штейну, в штат Коннектикут, в город Оранж. С Эммануилом я познакомился в Москве. И он давно приглашал меня к себе.

Штейн вместе со своей супругой Ольгой жил в большом роскошном доме. Его огромная библиотека меня потрясла, уникальные книги русской эмиграции были у него в несметном количестве и в идеальном порядке.

Вообще Эммануил Штейн — личность феноменальная. И биография у него незаурядная. Он учился в России, был польским диссидентом (за что сидел, по его словам, вместе с Каролом Войтылой, будущим Папой Римским), эмигрировал в США не по доброй воле, преподавал в Йельском университете, работал пресс-секретарем шахматиста Виктора Корчного.

Из разгромных статей в советской прессе о Штейне можно было бы составить обширную библиотеку. А на деле этот человек был выдающимся подвижником русской культуры, собирателем, издателем отечес-

твенной книги. Он имел вторую в мире (после француза Ренэ Герра) частную коллекцию поэзии русского рассеяния.

Мы провели вместе полтора дня, ездили купаться на озеро, смотрели и читали книги, наговорили несколько пленок интервью.

Разговаривали мы на разные темы. Вот фрагмент одной из наших многочисленных бесед.

— Вы, наверное, спросите, как живется в Америке русскому литератору? — начал, точно одессит, нашу беседу Эммануил. — Так я Вам отвечу. Вот пример. Одному очень известному в эмиграции русскому литератору недавно исполнилось семьдесят лет. Как он живет? Мизерная пенсия — где-то пятьсот долларов — уходит на оплату квартиры. На пропитание надо зарабатывать. Он обязан (по контракту) еженедельно выдавать десять страниц на машинке для «Нового русского слова». Конвейер. Он должен писать, о чем попало.

— ***А сколько зарабатываете Вы, американский русский литератор?***

— Пером где-то тысячу долларов в год. Это вообще гроши. Живу я на уроки. У меня два ученика, один — шахматный, с другим я занимаюсь русским языком. В лучшие месяцы я могу на них заработать долларов шестьсот. Еще я переводчик в суде с русского и польского. Такой вид заработка встречается только в нашем штате. Но перевожу я довольно редко. Клиентов мало. Считается, что у меня все в порядке, у меня собственное издательство, расходятся мои книги. Дела действительно шли совсем неплохо... года три назад. Я мог заработать только на продаже книг тысячи полторы в месяц. Но сейчас интересные книги выходят и в России, библиотекам американских университетов выгоднее покупать их у вас, россиян, ведь вы продаете гораздо дешевле. Для

нас, русских американских издателей, это катастрофа. Я в год в общей сложности зарабатываю где-то тысяч пятнадцать, но только за дом я должен заплатить шесть. А страховка на машину! А все остальное! Если, не дай Бог, останусь один — то содержание дома уже просто не потяну. Это притом, что мы с женой не платим налогов за образование, не учим детей, бытовая техника у нас давно куплена.

Так что дела у русского литератора в Америке не так уж прекрасны.

— ***На зато Вы свободный художник. Это же приятное ощущение...***

— Ощущение-то приятное. Но за свободу надо платить. Недавно господин Ефимов, главный редактор издательства «Эрмитаж», предложил мне купить выпущенные им книги по цене десять центов за штуку. Да ему бумага стоила дороже! Вы понимаете, это кошмар. Эмигранты не читают книг. Они купили четыре тома Гумилева, четыре тома Мандельштама, Заболоцкого. Все! Русскому писателю в Америке делать нечего. Кстати говоря, не от хорошей жизни в свое время из Штатов удрал Набоков. Сейчас Войнович вернулся в Россию. Если бы я получал пенсию, я бы махнул в Москву и ловил бы там кайф. Так что все непросто.

— ***Но ведь Вы в состоянии заработать больше, если захотите. Есть простой и проверенный способ: чаще печататься.***

— Но я же не машина, не робот. Я работаю медленно, основательно. Для меня писание — это муки. Халтурить я не умею.

— ***Сколько Вам платят за Ваши «муки»?***

— Газета «Панорама» платит пятьдесят долларов за статью любого размера. Считается, что это очень хорошо.

«Новое русское слово» — столяр. Но только за очень большой материал.

— **Расскажите о Вашем издательстве!**

— Оно называется «Антиквариат». За восемь лет его существования я издал почти сорок книг.

— **Есть ли сотрудники в издательстве?**

— Только я и моя жена. Мы занимаемся ВСЕМ.

— **Вы издали книгу Юрия Дружникова «Узник России». Эта книга о том, как Пушкин хотел ударить за границу. И не смог. Кто дал деньги на издание?**

— Дружников нашел средства через университет, где преподает. Но знаете, вот что интересно: книга регулярно рекламируется через «Новое русское слово», однако ни одного заказа через газету я пока не получил.

У меня готов второй том собрания стихов Арсения Несмелова. Уникальных стихов, неизвестных никому. Но я не могу приступить к изданию — нет средств. Сейчас я буду готовить только макеты книг и ждать лучших времен, когда они понадобятся.

— **Что бы Вы пожелали нашим читателям?**

— Ребята, любите Россию. Живите дома!

Вот такое было интервью. А потом в Москву приехала поэтесса Ирина Седловская, ученица Штейна, и сообщила мне, что Эммануил умер. Очень-очень жалко.

P.S. Когда эти мемуары я разместил у себя на сайте, мне пришло письмо из Америки, в котором автор сообщил, что Эдуард Штейн не мог говорить мне, что сидел в тюрьме вместе с Каролом Войтылой.

Меня всегда удивляет такая категоричность: откуда люди могут знать, кто что мог говорить, а что не мог.

Я рассказываю о том, что видел и слышал. И все мои интервью записаны на диктофон. Так что у меня ошибки быть не может.

1992-2007

Коннектикут — Нью-Йорк — Москва

По ДОВЛАТОВСКИМ МЕСТАМ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Творчество Сергея Довлатова я (как и многие другие) полюбил давно и сразу. Помню, жил тогда в далеком замечательном городе Рассказово в Тамбовской губернии. Учил, как мог, детишек уму-разуму в сельской школе. А вечерами — знали бы мои бедные ученики! — слушал вражеское радио «Свобода». Довлатова слушал. Он читал свои потрясающе смешные этюды из цикла «Ремесло».

Когда писателя не стало — как-то стало тяжелее жить. Все его книги уже прочитаны. А новых никто за него не напишет. Мне кажется, все русские писатели ставили и ставят перед собой одну неправильную, странную задачу — напугать читателя, показать, какой страшный мир его окружает. А Довлатов — наоборот. Довлатов, да еще — не смейтесь! — Александр Сергеевич. Во всяком случае, именно эти два литератора меня спасают, вселяют в меня заряд оптимизма!

В начале девяностых я неоднократно бывал в Нью-Йорке, жил там довольно долго.

Русский Нью-Йорк пропитан прозой Сергея Донатовича.

Мне повезло. Я встретил массу людей, которые знали Довлатова, дружили с ним.

В 1992 году по довлатовским местам я гулял в сопровождении Григория Поляка (он не так давно тоже, увы, скончался). Несколько слов о нем. Григорий был человек бесконечно добрый и симпатичный. Подвижник культуры. За двадцать лет эмиграции издал в своем издательстве «Серебряный век» книги Ремизова и Вагинова, Булгакова и Аксенова, Платонова и Олейникова, Венедикта Ерофеева и Хармса и, конечно, Довлатова, своего друга... То, что меня сопровождал Григорий, было вдвойне приятно, ибо Поляк — прототип многих героев писателя.

Район, где жил Сергей, называется Квинс, местечко — Форест Хилз. Дома — по нью-йоркским масштабам — небольшие. Вокруг много русских, бывших советских евреев. Русская речь слышна повсюду. Много синагог. Изумительны русские магазины. В один из них (который посещал в свое время и Довлатов) мы зашли. Все говорили по-русски. Но с колоритным одесским акцентом. Григория все знали.

Тут же подскочил продавец:

— Гриша, что возьмешь?

Поляк набрал всякой всячины. И колбасы, и сыров, и русского черного хлеба.

Даже русской пищи в Америке с избытком. Как говорится, «Вы хотите курочек? Их есть у меня!»

— В этот магазин, — рассказывал Григорий. — мы с Сережей заходили очень часто. Он у него неоднократно описан. Правда, однажды мы решили похудеть и стали ходить только в американские супермаркеты, потому что в наших магазинах пища очень жирная, типично русская, основательная.

— *Давно Вы познакомились с Довлатовым?*

— Мы познакомились с Сережей на пятый день его приезда в Нью-Йорк. И с тех пор практически не расста-

вались. Виделись ежедневно, общались постоянно. Мы ведь не только жили по соседству. Мы целый период в жизни работали под одной крышей. Сережа в газете «Новый американец», я — в издательстве «Серебряный век».

Мы подошли к невысокому блочному дому, открыли дверь. Гриша показал мне список жильцов. Я прочитал надпись: Довлатова. Раньше здесь значилось: Довлатов.

Мы продолжили прогулку. Григорий рассказал, каким человеком был Сергей.

— Сережа отличался многими замечательными качествами. Очень редкими по нашим временам. Например, я уверен: в мире не найдется ни одного человека, который бы сказал, что Довлатов остался ему должен. Долги отдавал всегда. Ему, знаю, не отдавали. О его широте ходят легенды. Но он был даже шире... Я знаю массу людей из России, одаренных Сережей. Он им дарил МЕШКИ с вещами, устраивал вечера, словом, помогал как мог.

— В этом, по-моему, вообще отличительная черта русских писателей — больших писателей! — подержал я тему. — Например, Федор Михайлович Достоевский, не взяв с собой червонца — того, золотого, — не выходил на улицу. Он всем всегда хотел что-то подарить, как-то облегчить жизнь тех, кого встречал на пути. И Довлатов — такой. А ведь сам жил, насколько мне известно, вовсе не богато.

— Да. Хотя в последнее время его материальное положение улучшилось, он вел много передач на радио, издавались его книги на английском, он получал большие авансы, выходили его многочисленные публикации в крупнейшем литературном журнале Америки «Нью-Йоркер».

— Григорий, Вы один из персонажей книг Довлатова. Как так получилось?

— Весь наш район состоит из таких персонажей. Вон

неподалеку стоит дядя Миша (Григорий показал мне невысокого, худощавого человека. — **Е.С.**). Он столяр и тоже герой Довлатова. Дядя Миша до сих пор не может осознать, что его бывший сосед — известный писатель. Привык, что Сережа — просто свой в доску парень.

— ***Вы часто гуляли вместе?***

— Каждый вечер. Если не были в разъездах. Он на мне «обкатывал» многие свои произведения. Он всегда мне что-то в своей шутливой манере рассказывал. Как потом выяснялось, это были куски его новых рассказов.

— ***Я слышал, что Довлатов очень любил собак. Правда?***

— Да, правда. Сначала у него был фокстерьер Глаша, потом такса Яшка. Яшка жив и сейчас, ему много лет. Пес забавный. С ним всегда приключались какие-то неожиданные случаи. Расскажу об одном. К Сереже постоянно навещалась разная писательская публика из Москвы и Ленинграда, пятнадцать-двадцать человек размещалось в его отнюдь не роскошной кухне. Хлебо-сольный хозяин всех угощал. А Яшка ко всем ласкался. И незаметно грыз штаны гостей. Так один маститый литературный критик, ныне главный редактор популярного московского журнала, однажды присел в джинсах, а вышел в шортах. Очень обижался.

— ***Расскажите о семье Довлатова.***

— У Довлатова остались мама Нора Сергеевна (она умерла в 1999 году. — **Е.С.**), вдова Лена, дочь Катя, сын Коля. Он родился уже в Америке. Мы постоянно перезваниваемся с Норой Сергеевной. По несколько раз на дню. С собакой гуляет Лена. Иногда мы это делаем вместе. У меня есть ощущение, что Сергей по-прежнему присутствует в моей жизни. Просто уехал в далекую командировку...

* * *

В 1993 году я познакомился с Норой Сергеевной Довлатовой и Леной, вдовой писателя. У нас установились хорошие, добрые отношения. Лена даже подарила мне компьютер Сергея Донатовича, какие-то другие вещи.

Однажды на кухне Довлатовых (очень хлебосольной, очень русской) мы разговорились с Леной. Я рискнул спросить ее:

— ***Вы не жалеете о том, что уехали?***

Лена ответила, что нет, не жалеет. По ее словам, в Америке ее семья начала вторую жизнь, приобрела большой новый опыт.

На мой субъективный взгляд, этот опыт оказался весьма нелегким.

Постоянной работы у Лены тогда, по-моему, не было. Она зарабатывала на жизнь тем, что набирала тексты на своем компьютере «Макинтош» для русского издательства «Ардис».

* * *

Лена мне много рассказывала про Сергея Донатовича. В том числе немало забавного.

Я очень смеялся, узнав, что Довлатов свою таксу Яшку любовно называл Яковом Моисеевичем.

Настоящий Яков Моисеевич (главный редактор «Нового русского слова» Андрей Седых) об этом знал, но ничуть не обижался. Однако рекламу газеты «Новый американец» (которую редактировал Довлатов) печатать в своей газете отказывался категорически.

* * *

А сейчас я вынужден сказать о том, о чем говорить не очень принято.

Когда писатель умирает — его, как правило, начинают идеализировать, наводить на него хрестоматийный лоск.

Талантливейший Довлатов был земным человеком — любителем жизни во всех ее проявлениях. И меры — по словам многих его друзей — ни в чем не знал. Работал — так работал на износ, пил — так пил основательно. По-русски. Хотя русской крови, любопытно заметить, в нем не было ни грамма. Отец у него еврей, а мама — армянка.

* * *

В 1993 году на Брайтоне мой тогдашний приятель, поэт и издатель Константин Кузьминский показал мне дом, где встретил свои последние часы Сергей Довлатов. В этом доме, якобы, жила подруга Сергея Донатовича.

Легенда такова: Довлатов находился в очередном запое. Потом у него случился сердечный приступ. Скорую помощь он вызвать не захотел. Во-первых, он не имел элементарной медицинской страховки, а во-вторых, он не хотел предстать перед врачами в непрезентабельном виде. Он был аристократом до мозга костей.

* * *

В 1994 году я собирался возвращаться в Москву. Позвонила Нора Сергеевна:

— Женя, Вы уезжаете в Россию, возьмите польские тортики для Кати (Катя, дочь Сергея и Лены Довлато-

вых, тогда жила в Москве. — **Е.С.**). Она их так любит!

Я взмолился:

— Нора Сергеевна, ну, какие тортики! Что их в Москве, что ли, нет? Да и чемоданы уже все набиты.

Так и не взял я тортики для Кати. И... до сих пор стыдно.

1992-2007

Нью-Йорк — Москва

СТИХИ-АВТОГРАФЫ

ГЕННАДИЯ АЙГИ

Геннадий Айги — легендарный поэт, кавалер ордена искусств и литературы Франции, лауреат многих престижных литературных премий. Его стихи переведены более чем на 20 языков и опубликованы в Германии, Франции, Англии, Швеции, США и во многих других странах...

О нем я впервые услышал, когда жил в Тамбове в начале восьмидесятых. Мне о нем рассказывал мой друг, поэт Сергей Бирюков.

* * *

В 1999 году мы вместе с Бирюковым поехали к Геннадию Николаевичу в гости. Там и познакомились. Он жил вместе с женой Галиной Борисовной Куборской-Айги на подмосковной станции «Рабочий поселок» в скромной двухкомнатной квартире на первом этаже. Вся квартира была заставлена книгами. На стенах висели картины Игоря Вулоха, Анатолия Зверева...

* * *

Разговаривали в ту первую встречу на разные темы. В частности, обсуждали мой журнал «Футурум АРТ», к которому Айги отнесся с огромным вниманием и все время повторял — «футурум», «футурум». Геннадий Николаевич подарил мне уйму всевозможных книг (по тематике журнала), обещал всяческое содействие.

* * *

Речь зашла о поэзии. Я спросил у Айги, кого он считает лучшими современными поэтами.

Он ответил, что во время советской власти не появилось ни одного.

— Но все-таки, наверное, Слуцкий, Глазков? — предположил Бирюков.

— Да, да, конечно, — неожиданно быстро согласился Айги. — Володя Соколов еще, Ксения Некрасова, Твардовский. А вообще, мои поэты — это Хлебников, Маяковский, Елена Гуро, Василиск Гнедов, Божидар...

Заговорили о PR в литературе. Геннадий Николаевич вспомнил книгу Эммы Герштейн, в которой показан неприглядный моральный облик Мандельштама.

— Ясно, что Мандельштам — не очень хороший человек, — заметил Айги, — но поэт первоклассный, против этого не попрешь. Ахматова поэтесса слабая, но она была блестящим имиджмейкером, которая умело внедряла в сознание мысль о двух гениях в русской поэзии — о Мандельштаме и ей самой.

Когда мы прощались, Геннадий Николаевич обнимал меня и Бирюкова и приговаривал: «Футурум, футурум».

* * *

Мы стали встречаться довольно часто. Много общались. Айги был как ходячая энциклопедия. Мы разговаривали о Кьеркегоре (его любимом философе), Мандельштаме, Ахматовой, Крученых, Пастернаке, Бурлюке, Харджиеве, Холине, Сапгире, Всеволоде Некрасове, Твардовском, Губайдулиной, которая, кстати, писала песни на стихи Айги, Чувашии, политике.

* * *

Нередко дома у Айги мы говорили о Евтушенко. Галина Борисовна меня журила:

— Зря ты, Женя, Евтушенко и Асадова в своей статье в «НГ» поставил в один ряд. Все-таки это поэты разного уровня.

Я возражал:

— Правильно... Асадов (царство ему небесное!) лучше. Я даже однажды у него просил стихи для публикации, приезжал к нему домой. Он в своей наивной простоте и назидательности хотя бы чист и непосредствен. Он первороден, как грех. Но, по сути, они с Евтушенко похожи. Они оба назидательные повествователи.

Галина Борисовна не сдавалась:

— Я к Евтушенко не равнодушна, он нам помогал, когда мы совсем бедствовали. Просто приходил и давал деньги.

— Как человек и литературный деятель Евтушенко, конечно, замечательный. Он и мне помогал. Однажды, лет двадцать назад, заплатил за меня в ресторане ЦДЛ.

Айги в этой дискуссии принял мою сторону:

— Женя прав. И он сейчас говорит не о человеческих качествах, а о поэзии. А это разные вещи.

* * *

Айги очень любил Францию. Дружил и переписывался с выдающимися деятелями французской культуры — Антуаном Витезом, Ивом Бонфуа, Пьером Эманюэлем, Рене Шаром, Леоном Робелем и многими другими. С литинститутских времен изучал французский, но говорить на этом языке стеснялся, во всяком случае в нашем с Юрой Милоровой присутствии — знал, что мы — франкофоны, выпускники иныза.

Иногда я записывал его речь на диктофон, пленки сохранились, много его фотографировал. В основном слушал. Его рассуждения были всегда неожиданны. Литературные кумиры у него менялись. Помню, возвращались с его семидесятилетнего юбилея из Чувашии. Красавица-журналистка из «Франс-Пресс» Мариэль Еде спросила у Геннадия Николаевича, кто из русских поэтов у него самые любимые.

Ответ меня удивил:

— Лермонтов и Анненский.

Ни про Хлебникова, ни про Гуро он тогда даже не вспомнил.

* * *

Круг общения Айги в последние годы был, на мой взгляд, достаточно узкий. Москвичи Саша Макаров-Кротков и Стела Моротская, Татьяна Грауз, Евгений Денин, петербуржец Арсен Мирзаев, чебоксарцы Атнер Хузангай и Игорь Улангин. Очень любил Сергея Бирюкова. Ближайшим его товарищем был поэт Юрий Милорава. Ему Геннадий Николаевич звонил почти ежедневно, они разговаривали о стихах и о бытовых проблемах. Юра всегда помогал Айги.

* * *

С поэтами своего возраста Айги общался редко. Хотя он по возрасту — «шестидесятник». Учился вместе с Ахмадулиной в Литературном институте, она, кстати, переводила его стихи. И даже печатала их в советское время в «Новом мире».

Толстые журналы Айги в последнее время не читал.

— У меня к ним пропал интерес, — говорил Геннадий Николаевич.

Это усугубилось после того, как в одном из «толстяков» начали «подправлять» стихи поэта.

А вот мои неказистые, тоненькие журнальчики — «Футурум АРТ», «Дети Ра» и «Зинзивер» — Айги любил.

О «Футуруме» он так написал на маленькой бумажке, которая у меня сохранилась: «Футурум АРТ» — это новая простота в искусстве, исходящая из всей полноты и сложности современности».

* * *

У меня сохранилось несколько его автографов на книгах. Это, безусловно, тоже стихи. Стихи Айги.

* * *

12 декабря 1999

— и: милому Женечке —

памяти — всех — нас:

сегодня же — будущих! —

Сердечно — Айги

(На книге «Памяти музыки —
К 200-летию со дня рождения Франца Шуберта
Руссика — Лик Чувашии,
Шубашкар-1998)

* * *

нашему дорогому Жене — Степанову

от имени чувашских бельманистов

14 декабря 2003 Айги

(Надпись на альбоме «Бельман в чувашском застолье»
ко Дню Бельмана в Чебоксарах 5 апреля 2002 года,
Чебоксары, 2002)

* * *

Вот последний — непонятный мне! — автограф, который он мне дал на своем литературном вечере в салоне «Классики 21 века».

***Поклон — хозяину
многих сфер (Жене)
(даже песенных)***

07 — 12 — 2004

(На книге Геннадий Айги. Страницы дружбы: 7 стихотворений. Шубашкар/ Чебоксары, 2006»)

Много автографов поэта сохранил Юрий Милорава. И сейчас с его любезного согласия мы часть из них воспроизведем.

(Даты и др. — приводятся в авторской транскрипции. — прим. Юрия Милоравы).

* * *

Юре

...некоторые волны-голоса-очертания

немного — того же

Говора-Распева...

Сердечно

Айги

26 03 2001

(надпись на альбоме-каталоге «Мир этих глаз-2»,
Чебоксары 1997)

* * *

28 2000

У

Юре —

Милорава —

любя

его т о н к и й труд... —

сердечно —

Айги

(надпись на книге «Поклон пению-2»,
Париж, Николай Дронников, 2000)

* * *

8 сентября 2001

в мир — Юры

— Милоравы

с братским объятием

Г А

(надпись на книге «Мир Сильвии»,
издательство «А и Б», 2001)

* * *

21 2002

08

и

Юре —

с любовью! —

(таванла = луганла) —

Айги

(надпись на книге «Поклон пению-3»,
Париж, Николай Дронников, 2000)

*** * ***

(Кое-что из российского

бельманизма)

Второе издание (первое было в 1997 году)

(надпись на книге «Ветер по травам»,
Чибосары, «Free poetry», И. Улангин, 2004)

*** * ***

Юра дорогой пусть будет у тебя

и это

...такие (скажем) снега...

багодарно

Айги

30 мая 2001

(вспоминается Б.Л. ...)

(надпись на книге «Снег в старом квартале Москвы»,
Париж, Николай Дронников, 2000)

* * *

я
л
а
р
в
е
ф 9
9
8 9
1 1

Юре — с любовью, —

спасибо

за чудесную,

неотменимую

книгу! —

обнимаю! — Айги

(надпись на книге «Памяти музыки»,
Чебоксары, Руссика-Лик Чувашии, 1998)

* * *

2 Y1 97

о, а! — о, Юра нашелся!

обнимаю!

Ай.

(надпись на книге «Тетрадь Вероники»,
Москва, «Гилея», 1997)

* * *

25 марта 2004

Юре другу на концерте Алеши

С любовью

Айги

(фиксация)

(надпись на книге «Все дальше в снега»,
М., Музей В. Сидура, 2004)

* * *

дорогой Юра

с тобой

всегда

так хорошо разговаривать! —

будь — являйся — появляйся!

сердечно:

Айги

17 июня

1993 (перед Финляндией)

(надпись на книге «Здесь»,
М, «Современник», 1991)

* * *

10 мая 2003

Юра, вот тебе

и сон, и свет.

Твой, с любовью, Айги.

(надпись на книге «Сон-свет»,
Париж, Николай Дронников, 2000)

* * *

а Юре такой двойной самиздат

с любовью

Айги

17 февраля 2001

(надпись на книге «Айги»,
Париж, Николай Дронников, 1998)

* * *

9 2001

11

Юре

Много много

в о р о н

сердечно

Айги

(надпись на книге «Слово-ворона»,
Париж, Николай Дронников, 1996).

В этих автографах — естественный поэтический стиль поэта. Эллипсы, своя пунктуация, свое отношение к миру и человеку.

* * *

Айги был плоть от плоти своего народа — чувашского. Этот народ очень трудолюбив, талантлив, он волею судеб оказался между двумя культурами — православной русской и мусульманской татарской. Так и Айги был *между*, на стыке культур.

* * *

При всей своей внешней надмирности Айги был достаточно хватким человеком, блестящим организатором. Он сразу определял кто сможет помочь делу, а кто нет. То, что он успел сделать, поражает. Он подготовил антологии французских, венгерских, чувашских поэтов... Он (при всей его гонимости) умудрялся договариваться и с Западом, и с Россией. Антология французских поэтов на чувашском языке вышла в Чебоксарах, когда Айги было 35 лет. У него уже было мировое имя.

* * *

Помню семидесятилетний юбилей поэта в Чувашии. Торжества были очень серьезные. Много литераторов, чиновников, много речей...

На одном из банкетов я сказал тост на чувашском языке. Следующая остановка — Улица Айги.

Все зааплодировали.

Я не знаю чувашского языка, но поскольку несколько лет учился в Чебоксарах, в университете, одну фразу запомнил, ее в республике все время повторяют в троллейбусах. Следующая остановка... Заменить одно слово на другое не сложно.

* * *

Интересное дело: в Батырево (в родных местах поэта) выходит районная (бывшая партийная) газета под названием «Авангард».

* * *

Айги не любил, когда его называли авангардистом. Он себя таковым не считал. Кстати, профессор Юрий Орлицкий в одной своей статье доказал, что в основе просодии Айги лежит силлабо-тоника.

* * *

Терпеть не мог, когда его сравнивали с Целаном. Влияние этого поэта на свое творчество отрицал, хотя оно, конечно, есть.

* * *

Обожал путешествовать. В последние годы он объездил полмира, много раз бывал в Германии, Франции, Америке, Швеции...

* * *

Когда вспоминал о Берлине, говорил:

— Мы с Галей там жили целый год как в раю. Прекрасные условия, общение с друзьями.

В Берлине у него был замечательный товарищ, поэт-переводчик Вальтер Тюмлер.

По рекомендации Айги я в своем издательстве издал книгу стихов этого поэта в переводе Галины Куборской-

Айги. Тюмлер меня потом сердечно благодарил за эту книжечку.

* * *

Самое большое впечатление из всех стран на него произвела Япония, где он был два раза. Айги говорил:

— Есть этот свет, есть тот, а есть Токио.

* * *

В доме у Геннадия Николаевича всегда было много веселья, радости. Галина Борисовна прекрасно угощала гостей (мы всегда приезжали с Юрой Милоровой). Мы рассказывали друг другу разные байки. Однажды Галина Борисовна вспомнила:

— Поэт Иван Жданов приехал в Данию. Видит: в самых разных местах — вывески Кьеркегор. «Надо же, — подумал поэт, — какая культурная нация. Все чтут Кьеркегора». Жданов не знал, что Кьеркегор — это по-датски кладбище. Если делать кальку, Серен Кьеркегор — это Серен Кладбищенский.

* * *

Помню, Геннадий Николаевич пригласил меня на концерт своего сына Алексея.

Алеша поразил. Он обращается с душой слушателя, как великий Зидан с футбольным мячом. Делает что хочет. Алеша — настоящий шаман от музыки. После концерта я сказал Айги:

— Геннадий Николаевич, теперь я точно знаю, что Вы великий человек...

Он заулыбался.

* * *

Мне Айги звонил довольно редко. Только по делу. Например, у него возникли проблемы с версткой книги в издательстве «Прогресс-плеяда». Позвонил, спросил, сколько будет стоить.

* * *

Айги консультировал меня по всем литературным проектам. Когда я задумал делать 10-томную антологию современной русской поэзии, он очень вдохновился. Надарил новых книг. Дал почитать 3-томную антологию русского лиризма, которую составил Вячеслав Васин. Очень ее хвалил, хотя там собраны отнюдь не авангардные стихи.

* * *

Творческим удачам других поэтов очень радовался.

Помню, подарил ему книгу поэтессы из Саратова Эланы «Суфлеры из небесной будки». Ему понравился дизайн сборника и два стихотворения — «Когда жалеешь кого-то, выражаешь недоверие БОГУ» и «Мне приснилась очередь к смерти: все с узлами, а я с книгой».

Он то и дело повторял: «Замечательно, замечательно!»

* * *

Из моей книжки «Разные жанры жары» тоже отметил два стихотворения. Они не очень длинные.

Эпоха

И зло тягается со злом

* * *

молодая седая прекрасная

* * *

Любил кино. Восхищался фильмом «Время жатвы» Марины Разбежкиной. Это первый игровой фильм Марины, но он действительно безукоризнен. Разбежкина — наследница по прямой Тарковского и Параджанова. Фильм высокий и трагический. О чувашской деревне 50-х годов прошлого века. Особенно потрясает финал — когда из дома выносят вещи старых хозяев (личные фотографии, переходящее красное знамя, полученное за каторжный труд на полях, большой советский телевизор, на который копили, откладывая по копейке...). Все, что было для них дорого, бесцеремонно вышвыривается на улицу.

Разбежкина ранее сняла документальный фильм об Айги. Он его очень ценил.

* * *

Геннадий Николаевич очень переживал из-за резких статей в свой адрес. Конечно, расстроился из-за грубого пасквиля в «Литературной газете» Вячеслава Куприянова (накануне юбилея), переживал из-за нападок в «Новом мире». В «Новом мире» (№ 8, 2004) назвали статью Юрия Милоравы «Эпос Айги», опубликованную в «Футуруме», апологией мнимого. Юра Милорава сообщил

об этом по телефону Геннадию Николаевичу — он тогда находился в Денисовой горке, в деревне.

Геннадий Николаевич ответил:

— А мы сейчас в деревне живем, собираем малину, чернику... Иногда стихи сочиняем — занимаемся созданием немнимого...

Отшутился. Хотя, конечно, переживал.

* * *

Никогда не забуду последний литературный вечер Айги. Он прошел в Москве, в салоне Елены Пахомовой «Классики 21 века». Айги читал превосходно. Зал был полон. Люди все понимали. Пришли проститься.

* * *

Геннадий Айги скончался 21 февраля 2006 года в Москве на 72 году жизни.

Накануне, в четверг, мы были с друзьями (Юрой Милоравой и Таней Грауз) у него в больнице. Галина Борисовна разрешила нам поговорить пять-десять минут.

Айги обрадовался нам. Мы обняли его и поцеловали.

Мы рассказали нашему старшему великому другу о работе над сборником статей, посвященных его творчеству. Сообщили ему, что он награжден премией журнала «Дети Ра». Успели. Больной Айги улыбнулся, похлопал в ладоши. Обрадовался, как ребенок.

Я рассказал ему, что вышел сборник сочинений лауреатов премии Андрея Белого, в котором напечатана замечательная подборка стихов Айги, составленная его другом Арсеном Мирзаевым.

Он улыбнулся. И сказал, что этот сборник у него есть.

Галина Борисовна прочитала в высшей степени прек-

расное и поэтическое письмо Акимицу Танаки, которое он прислал Геннадию Николаевичу. Айги разрешил его напечатать.

Потом сказал, что в готовящемся сборнике о нем есть хорошие материалы. Попросил Галину Борисовну принести на следующий день 10 листочков хорошей бумаги. Он хотел писать стихи. И диктовать письма друзьям.

* * *

...Я написал много стихов, посвященных Айги и его памяти.

* * *

поэзия — как — молчание

молчание — как — поэзия

* * *

шепот травинки-айги
услышанный почвой

ПАМЯТИ ВЕРЛЕНА И АЙГИ

зрелость: violons de l'automne
старость: снега

* * *

дерево кропивницкий

падают плоды
дерево бродский
падают плоды
дерево айги
падают плоды
и плодов пруд пруди
а новых деревьев нет
увы

* * *

целан файнерман и айги встретились
и не могут наговориться

1999-2007

АРТИСТЫ

Сергей Бондарчук: **«МНЕ СКРЫВАТЬ НЕЧЕГО!»**

С детских лет в моей памяти светлый, высокий образ Андрея Соколова из фильма «Судьба человека», блистательно сыгранный актером и режиссером Сергеем Бондарчуком. Как это ни нахально прозвучит, мы с Сергеем Федоровичем общались довольно долго. Мы с ним работали над огромным интервью, в котором он отвечал на все болезненные вопросы. В чем только не обвиняли Бондарчука. И в том, что он чуть ли не погубил Шукшина, «прокатил» фильм Тарковского на Каннском кинофестивале, создал специфический семейный синдикат...

Я в 1990 году служил одновременно в двух газетах — «Семье» и «Совершенно секретно». Я позвонил Сергею Федоровичу и спросил у него:

— Готовы ли Вы ответить на самые острые, нелюбимые вопросы, которые я Вам задам.

Бондарчук сказал:

— На любые. Мне скрывать нечего. Приезжайте.

Через пятнадцать минут я находился на улице Горького, в квартире знаменитого актера и режиссера. И начал задавать вопросы в лоб. Мой наглый интервьюерский «обстрел» не смутил Сергея Федоровича. Он отве-

чал на все вопросы в течение нескольких часов. А потом утвердил текст, только вписав от себя несколько ключевых фраз. В полном объеме это интервью, проливающее свет на ряд щекотливых, интереснейших тем, публикуется впервые. Раннее фрагменты нашей беседы были опубликованы в газетах «Семья» и «Совершенно секретно», а также в моей давней книжке «Личная жизнь звезд».

Публикую этот текст ради исторической правды. В том виде, в каком он был написан в 1990 году, прочитан и утвержден С.Ф. Бондарчуком.

— ***Сергей Федорович, Вы антисемит?***

— Такого понятия для меня вообще не существует. Для меня существуют плохие и хорошие люди. Я воевал вместе с евреями на фронте, мой близкий друг Миша Замерфельд, кстати, Ваш коллега, пишет заметки в «Советскую культуру», у меня много товарищей среди писателей, кинематографистов-евреев. Однако должен сказать, что для меня существуют такие понятия, как сионизм, масонские ложи. К сожалению, сейчас об этом практически ничего не говорится, но не стоит забывать, что Свердлов отдал приказ об уничтожении одного миллиона казаков, приложил руку к этому варварскому истреблению и Троцкий. Я считаю, что сионисты погубили и Шолохова, который, конечно, вызывал у них ненависть, ведь он писал о бедствиях, несчастьях казаков. Я уверен, что официальная телеграмма, которую я получил от бывшего заместителя председателя Гостелерадио о том, что тринадцатисерийный фильм «Тихий Дон», работу над которым я завершил, нецелесообразен, — это тоже происки сионистов, боящихся правды об уничтожении казачества.

— ***Как Вы относитесь к Сталину?***

— Если раньше я полушутил, полусерьезно говорил,

что я — сталинист, то теперь, когда Гласность открывает нам новые — жуткие! — страницы истории, ни в шутку, ни всерьез сталинистом я себя назвать не могу. Если положить на чашу весов доброе и зло в Сталине, его поступки, черты характера, о которых писал Ленин, то злое перевесит. Поэтому я не сталинист. Но вместе с тем я считаю, и отрицать это было бы, по крайней мере, легкомысленно, что Сталин — огромная фигура нашей истории, сложнейшая, трагедийная личность.

— **Я слышал, Вы снимались в фильме Юрия Озерова «Сталинградская битва» в роли отца народов.**

— Не снимался, но сделал кинопробы. Поначалу я согласился сниматься, потом отказался. Не потому что не та конъюнктура или я испугался. А просто считаю, что нет пока такого сценария, который бы показал характер этого человека. Объемно, выпукло, объективно. Такую роль нельзя играть мимоходом, вскользь. Сценарий «Сталинградской битвы» не стал, увы, в этом смысле для меня откровением. Я больше мог бы сказать.

— **Вы знали лично Иосифа Виссарионовича?**

— Лично я его не знал, но он, как ни странно это прозвучит, знал меня. По творчеству. Многие фильмы, в которых я участвовал, Сталин смотрел до выхода их в широкий прокат. Делал к ним замечания, поправки. Так было с моими ролями и в «Молодой гвардии», и в «Кавалере Красной Звезды», и в «Тарасе Шевченко». Но это, я полагаю, тема отдельной обширной беседы. Поговорим об этом в другой раз.

— **Давайте разберемся до конца в печальной истории с Андреем Тарковским. Правда ли, что Вы сделали все для того, чтобы фильм великого режиссера не получил на Каннском фестивале в 1983 году главного приза?**

— Я был на том фестивале членом жюри, не председа-

телем. Одним из нескольких. Даже если бы я проголосовал против (а согласитесь, на это я имел полное право!), то все равно бы не решил исхода дела. Но самое смешное в том, что я-то проголосовал «за»!

Я всегда ценил и ценю творчество Тарковского. Именно в объединении, которым я руководил более двадцати лет, Андрей сделал свою первую картину «Иваново детство». У нас установились с тех пор дружеские отношения. Я защищал в самых высоких инстанциях его ленты «Солярис», «Страсти по Андрею» («Андрей Рублев»), я призывал его в некоторых случаях к разумному — спасительному! — компромиссу. Например, когда «Рублева» не хотели выпускать в прокат, я стал уговаривать художника:

— Андрей, смилостивься! Пойди на небольшие уступки, убери ты этого горящего теленка, писающую в храме женщину, но сделай так, чтобы картину увидели зрители! Такие же советы ему давали и Герасимов, и Чухрай, и многие другие режиссеры. И в результате картина вышла, правда, сначала за границей, а потом уже у нас.

— *Значит, отношения у Вас были самые душевные, безоблачные?*

— Так я сказать не могу. У нас имелись некоторые творческие разногласия. Я всегда говорил, что искусство — это хлеб насущный, а не пирожное, что есть фильмы, в том числе, я думаю, и фильмы Андрея, рассчитанные на узкий круг рафинированных зрителей, на элиту. Я же всегда стремился к тому, чтобы мои фильмы посмотрело как можно больше зрителей.

— *Видимо, это удавалось не всегда?*

— К сожалению, да. Например, «Степь». Она вышла в летний сезон. И собрала только три миллиона зрителей. Это меня, конечно, очень огорчило. Но почему-то никто не помнит, что, скажем, мой фильм «Война и мир» купи-

ли сто десять стран и его несколько раз показывали по ЦТ, покупают до сих пор (я сделал второй вариант). А в Мексике эту картину показывали на протяжении восьми часов без рекламы, без перерывов. Таким образом, если подсчитать сколько я заработал валюты, то у меня нет сомнений, что картина «Война и мир» займет первое место среди советских лент. Но почему-то об этом никто не пишет, пишут только о том, сколько было сделано пушек, снарядов... для фильма, о том, сколько он стоил. Почему-то никто не пишет и о том, что «Судьбу человека» посмотрели триста миллионов человек. А это рекорд СССР. Но, кажется, мы отвлеклись от темы нашего разговора.

— *Согласен. Напомню, что мы говорили о Ваших взаимоотношениях с Андреем Тарковским. Неужели между вами никогда не пробежала черная кошка. И разногласия были только творческого характера?*

— Бывали, конечно, неприятные эпизоды. Помню, в Доме кино шла премьера картины «Они сражались за Родину». Я вышел из зала — очень нервничал. Пошел в ресторан. Увидел: сидит Тарковский с группой других режиссеров. Я сказал: «Андрей, мне было бы очень интересно узнать твое мнение о работе, посмотри ее, пожалуйста».

Он что-то ответил, не помню что, но так и не посмотрел. Это меня очень обидело.

— *А в Италии вы встречались?*

— Встречались. Но до принятия им окончательного решения остаться на Западе. Мы встречались, когда он снимал «Ностальгию». Андрей приглашал меня на день рождения, на встречу с иностранными продюсерами.

— *Если не ошибаюсь, Вы — первый советский актер, снимавшийся за границей, у легендарного Росселини, в частности. Вы — первый советский режис-*

сер, удостоившийся высшей премии Американской академии «Оскар» за лучший фильм года — за «Войну и мир».

— Да, и, кстати, почти все деньги, заработанные за границей, передал советскому государству, в отличие от многих...

— *От кого?*

— Когда между «Мосфильмом» и итальянской стороной началась денежная тяжба насчет «Ностальгии», директор «Мосфильма» Николай Сизов, который поручился за Тарковского перед его отъездом в Италию, ездил и уговаривал Андрея положенную часть денег отдать советскому государству, но, кажется, так и не уговорил.

— *Вам часто ставят в вину, что Вы, а не Тарковский поставили «Бориса Годунова».*

— Я подал заявку на «Годунова» лет пятнадцать тому назад. Все знали, что это моя давнишняя заветная мечта. Андрей в ту пору, по-моему, и режиссурой-то еще всерьез не занимался. Кстати, он поставил «Годунова». Оперу. В Англии. Еще до своего окончательного отъезда. Должен сказать, что на Западе Тарковский вообще сделал ряд необъективных заявлений, в частности, о том, что ему не давали работать. Это не так. Он ставил, что хотел. Хочешь Достоевского — ставь!

— *А Вам, Сергей Федорович, давали?*

— Мне тоже давали, но какой ценой! Все картины выходили с кровью. Например. Приближалось тридцатилетие победы над фашизмом. Меня вызвали в высокую инстанцию и предложили поставить фильм по только что вышедшей книге писателя Брежнева Леонида Ильича «Малая земля». Я решил, что фильм буду делать не о Брежневе и Суслове, а о действительно великом человеке, о котором снял бы картину и сейчас, — о Цезаре Куникове. Его, считай, послали на верную смерть, а он зак-

репился со своими десантниками на Малой земле. И так, я дал согласие. «Мосфильмовцы» отбили сладкоголосую телеграмму Леониду Ильичу. Мол, снимем, как надо, не беспокойтесь.

Ждали ответа долго. Но ответа так и не последовало. А без разрешения автора — как же снимать?! Говорят, Суслов посоветовал Брежневу повременить... Так до сих пор, наверное, и лежит та наша телеграмма под сукном. Впрочем, и слава Богу.

В то же время вызвал меня маршал, министр обороны А.А. Гречко и предложил снять фильм по его книге «Битва за Кавказ»:

— Создадим все условия, только сделайте. Есть тут у нас один сценарий, который нас не устраивает. Сделайте свой. И поставьте фильм! Актер на главную роль у меня есть. Он уже с удовольствием согласился. Это Василий Лановой.

Я отвечаю:

— Но ведь я не сценарист, не получится ничего, наверное.

Он:

— Получится.

И как бы в знак особой любви ко мне, которая, наверное, по его мнению, должна была меня бесконечно вдохновить, берет книгу и пишет на ней очень добрые слова.

Потом я показывал некоторым военным служащим эту книгу, так они вставали по стойке смирно. Но это было потом, а пока я все же настоял на том, что должен подумать. И... принял решение снимать фильм по произведению другого, не менее талантливого автора, Михаила Александровича Шолохова, по книге «Они сражались за Родину». И снял. Гречко об этом узнал, позвонил мне:

— Такого-то, такого-то, в 17.20 ко мне. С новым фильмом.

Я пришел. Вижу: собрали весь генералитет. Чувс-

твую: сейчас меня будут тихо убивать. Ждать пришлось не очень долго. Началась проработка. Каких только я тогда упреков от генералов не выслушал! Они, кстати, прежде чем выступать, очень пристально смотрели на Андрея Антоновича. Обвиняли меня в следующем: «И офицеры не так показаны, и солдаты, и не награждены герои в финале фильма». То есть, претензии предъявляли самые разнообразные и противоречивые, и в итоге Гречко передал мне длинный, убийственный список поправок, которые я обязан был сделать.

Вышел я оттуда черный. И дал себе зарок — никогда больше фильмов о войне не снимать. И вот, вроде, держу слово.

— ***А поправки-то, поправки сделали?***

— Три-четыре от силы. Изловчился как-то. Но фильм все же вышел. Как всегда заступился Шолохов. В итоге фильм вышел не к 30-летию Победы, а к 70-летию Шолохова.

— ***А как появился другой Ваш фильм, по-моему, один из самых Ваших лучших — «Судьба человека»?***

— Это тоже отдельная история. Я ведь не только снялся в этом фильме в главной роли, но и поставил его. Я был первым советским актером, которому позволили снимать. Но опять же — с каким боем! Тогдашний директор «Мосфильма» говорил мне: «Ну, зачем тебе это надо, ты известный актер, какого ляда ты лезешь в режиссуру?!»

Но для меня снять этот фильм было вопросом жизни! ЖИЗНИ! Но когда я все же стал снимать картину, начались чудовищные проработки на худсоветах. Мне, фронтовику, бросали такие упреки: «Этот фильм нельзя показывать, он оскорбляет достоинство тех, кто прошел войну. Где это Вы видели советских безработных?» И т.д. и т.п. Особенно негодовал Столпер, царство ему небесное.

— *А кто заступился?*

— Шолохов, как всегда, и здорово помог замечательный Каплер. Фильм вышел, но с какими поправками, с какими потерями! Теперь этого не восстановить. И подобных примеров я могу привести без счета. Только разве от этого мне станет легче?

— *Сергей Федорович, расскажите о том, как Вы работали над «Тихим Доном». Журнал «Огонек» писал, что Вы хотели пригласить на роли Григория и Аксиньи зарубежных актеров...*

— Знаете, когда я работаю, то замыкаюсь в себе, отключаюсь. Ну а вы, журналисты, народ такой... Вы все время лезете в душу, чего-то спрашиваете. Вот и во время работы над «Тихим Доном» звонили репортеры, спрашивали о главных исполнителях. Я, имея хохляцкий характер, (а мы, украинцы, без юмора жить не можем) отвечал весьма саркастически, с усмешкой. Кажется, меня не поняли. Я, например, говорил, что снимать будем на Миссисипи, в роли Григория — Ричард Бартон (он уже давно умер) в роли Аксиньи — Элизабет Тейлор. Вот и вся история, а кампанию вокруг этого раздули — не приведи Господи!

— *Вам, Сергей Федорович, конечно, очень тяжело и оттого, что Вас обвиняли и обвиняют до сих пор в смерти Василия Шукшина.*

— Я знаю эти отвратительные слухи. Даже Виктор Астафьев у меня недавно спросил: «Правда ли, что во время съемок ты уехал за границу, оставил группу на произвол судьбы, артисты в это время пили? В результате — смерть Шукшина».

Но я никогда не уезжал со съемок фильма «Они сражались за Родину». Мы так были увлечены общей работой, что даже детей своих с Васей не поехали отвести в школу, в первый класс. Хотя очень хотели.

У нас с Васей была такая молчаливая мужская дружба, такое духовное единение, такое понимание, что как только языки у этих негодяев поворачиваются порочить это? Я, как мог, помогал Шукшину. Наше объединение пригласило его на «Мосфильм» снимать «Калину красную», узнав, что у Васи сложности со студией имени Горького. Я договорился с Ермашом. Тот пошел навстречу. Вася сделал фильм. Пошли просмотры, мы должны были показывать фильм в ДК Госплана. Народу скопилось видимо-невидимо, во дворе все спрашивали лишний билет. Но за несколько минут до начала сеанса вышел на сцену какой-то человек и объявил, что премьера отменяется. Вася сидел нервный, желваки ходили на скулах. Аж побелел. Увидев такое дело, я кинулся к директору: «Фильм мы будем показывать в любом случае!» И показали. Фильм зритель принял на «ура». Все поздравляли Шукшина, просили автографы, обнимали его, целовали. После этой премьеры «Калина красная» победоносно пошла в кинотеатрах страны.

В нашем же объединении мы решили, что Шукшин поставит «Степана Разина», включили эту работу в план. Вася стал писать сценарий (потом уже роман), подбирать группу, выбирать натуру. Но мы знали, что у него язва желудка (а с ней шутки плохи, я знаю, сам язвенник), и мы буквально силой отправили его подлечиться в хороший санаторий. На месяц.

— *А на сердце он жаловался?*

— Да в том-то и дело, что никогда в жизни. Я об этом ничего не знал, к несчастью. Жалоб на сердце от него никогда не слышал. Иначе я бы, конечно, добился того, чтобы он подлечился и от сердца. Но я не знал. Перед тем, как он уехал в санаторий, мы даже поговорили на предмет участия его в фильме «Они сражались за Родину» в роли Лопехина. Он очень заинтересовался, оживился,

сказал, что хочет посмотреть, как я работаю и (не считайте за нескромность, он действительно так сказал) поучиться у меня.

Я ответил: «Да чему уж, Вася, учиться?..» Но он объяснил: «Я хочу посмотреть, как ты распоряжаешься с большими формами, с таким огромным количеством людей, это мне пригодится при съемках «Разина».

Как только Вася подлечил язву, мы поехали снимать, много работали. Ездили в гости в Шолохову.

— ***Почему все же, на Ваш взгляд, Шукшин так рано ушел из жизни?***

— Я хочу сказать следующее: Вася жил, не щадя себя, работал на износ. А люди, для которых он работал, очень часто не поддерживали его, а, наоборот, травили. Например, опубликовал он в «Литературке» очень резкую статью о нашей — «самой лучшей в мире»! — медицине. После этого пошли пачки раздраженных писем. Дескать, Шукшин опорочил нашу медицину, а вместе с ней и всю нашу социалистическую Родину. Или такой эпизод: получил Вася письмо от Константина Федина, в котором говорилось, что Шукшину необходимо расстаться с кинематографом, писать и только писать. Очень тяжело Василий переживал это послание. Я успокаивал его: «Поступай, как тебе душа велит, делай что хочешь!»

«Но ведь я должен что-то ответить Федину», — отвечал мне Вася. Он очень переживал. Безусловно, подействовал на ранимое сердце художника и страх, который он испытывал после выхода «Калины красной». Дело в том, что мы снимали в таких местах, где жило много бывших заключенных, и они могли не простить Шукшину и его брату, который в то время находился в заключении, такой правдивой и нелицеприятной картины. И, наконец, я не могу не сказать и о том, что когда заканчивали снимать «Они сражались за Родину», жена Василия, Любовь Фе-

досеева-Шукшина, находилась в Болгарии. Вася часто звонил туда, но никак не мог ее застать, звонил в гостиничный номер и ночью, но опять безрезультатно. Первый день, второй, третий... Его терзали мучительные догадки. Он очень страдал. Мы, как могли, успокаивали его: «Да ничего, успокойся, Вася, может, какие-то там неотложные дела?» Но, конечно, он не успокаивался. Желваки опять ходили ходуном на нервных скулах.

— ***Василий Макарович скончался на съемках «Они сражались за Родину». Расскажите о последнем его дне, об этом практически никто не знает.***

— Да, почти никто не знает. Я рассказывал об этом в документальном фильме Федосеевой, но данный фрагмент вырезали. Я хорошо помню, что в тот день Василий звонил в Болгарию жене, в тот же день он ходил в баню по-черному, а потом пил крепкий чай из трав. Именно там, в бане, он и почувствовал себя плохо, пожаловался на сердце Георгию Буркову, но врача, к несчастью, в экспедиции не было. Да, еще в тот день Василий пил кофе, но, как потом говорил анатомирующий врач, это наоборот стимулировало работу сердца. Утром я начал съемку, в которой Шукшин не должен был участвовать. Вдруг вижу: бежит какой-то человек и кричит: «Вася умер». У меня в глазах так и почернело, земля стала уходить из-под ног.

— ***Вас часто упрекают в том, что Вы никак не отреагировали на смерть Шукшина, не были на его похоронах, не выступили в печати, на ТВ.***

— Во-первых, на похоронах мы с группой были. Во-вторых, когда я узнал, что Шукшина хотят похоронить на обычном кладбище, я поехал в Комитет и из кабинета председателя Госкино позвонил по вертушке Виктору Васильевичу Гришину. Убедил его в том, что Шукшина необходимо похоронить на Новодевичьем кладбище.

Ну, как эти люди не понимают, что я не мог отойти от горя. Я Васю собственными руками привез в самолете. Не хотел потом нигде выступать: ни по ЦТ, ни в печати, отказывал вам, журналистам. Чем больше горе — тем меньше слов.

— ***Вы уверены, что Шукшин умер своей смертью?***

— Ну, у меня были разные догадки... Во всяком случае, мне тогда казалось, что его могли убить, слишком многих он раздражал своим талантом. Бездарностей всегда раздражает, когда рядом с ними самородок. Поначалу вешали на него ярлыки, что он дремучий, чуть ли не из пещеры вышел. Но какой же он дремучий, когда был учителем, директором школы?! Ну да Бог им судья!

Только грустно, что после смерти в друзья к нему стали записываться такие люди, которым он при жизни и руку-то побрезговал бы подать.

— ***С этим ясно. А почему Вы сейчас не снимаете?***

— Знаете, когда я не снимаю, то занимаюсь другими вещами: пишу сценарии, рисую, занимаюсь с детьми, внуками, которых у меня трое и еще одна внучка, возжусь в огороде, сажаю деревья. Еще много лет назад я посадил вокруг своей дачи пятьдесят шесть березок, они уже выросли, красивые такие, я даже не думал, что доживу до их зрелости.

За время, что не снимаю, я довел до ума сценарий «Тараса Бульбы», который мечтаю поставить уже много лет, но и сейчас не могу. Я просил об этом и министра культуры, и секретаря по идеологии ЦК КПСС Медведева, но результатов пока никаких.

— ***Так что пока будете заниматься огородом, да?***

— Я не жалею об этом. Кстати говоря, знаете, какие я странные огурцы посадил в этом году, даже не огурцы вовсе, а патиссоны. Зелени было невпроворот, а плодов — с гулькин нос. Так и в жизни часто бывает.

— *А вообще урожай хороший был?*

— Очень плохой, ничего не выросло. Хотя и работал очень много.

— *Сергей Федорович, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье, это очень интересно, ведь о ней отзываются порой как о могущественном клане Бондарчуков.*

— Да никакого клана нет. Есть просто большая творческая семья, состоящая из нескольких, я надеюсь, одаренных людей. Кстати, я люблю такие слова Толстого: «Если порочные люди связаны между собой и представляют силу, то людям честным надо сделать то же самое. Ведь как просто!» Дочь моя от второго брака, Наташа, режиссер, актер. Она училась, как и я, и ее мать, Инна Макарова, у Сергея Аполинарьевича Герасимова. Сейчас мы живем порознь. У Инны другой муж, Наташа замужем за актером Николаем Бурляевым. Я сейчас живу с женой, Ириной Скобцевой, и двумя нашими детьми, Федей и Аленой. Алена работает в театре имени Моссовета, Федор учится на четвертом курсе ВГИКа, не женат пока.

— *Сергей Федорович, как Вы относитесь к актерским династиям? По-моему, нередко это становится просто обыкновением, как говорят, бластмейстерством. Дети приходят в искусство при помощи пап, мам, а сами ничего из себя не представляют.*

— Что касается моих детей, то я их за ручку в кинематограф не вел. Никого. Наоборот, даже противился этому. Но дети все равно своего добились. Так, например, Алена поступила в Школу-Студию МХАТ под чужой фамилией. Но вместе с тем, я не против актерских династий. Что ж мы будем опять от генетики открещиваться, называть ее продажной девкой империализма? Нет, от генов никуда не скроешься, как и от самого себя. Я считаю: не важно чей ты сын или дочь, главное, чтоб были

способности. И я брал к себе в мастерскую во ВГИКе детей актеров, режиссеров. И не жалею об этом. У меня учились и Андрей Ростоцкий (еще будучи школьником десятого класса), и Даша Шпаликова, и Аня Тихонова, и Сережа Чекан, и Оксана Дупак, и многие другие талантливые ребята, которые сейчас с успехом играют в театре, кино.

— *Сергей Федорович, в «Борисе Годунове» снялась чуть ли не вся Ваша семья, может быть, этот фильм и о ней тоже?*

— Может быть, может быть. Ведь когда снимаешь картину, в нее вкладываешь всю душу. Свою, а не чужую. Это нормально. И я считаю: то, что в фильме участвовали мои дети Алена и Федя — это удача картины. Ведь даже по возрасту они соответствуют своим героям и, конечно, похожи на них, что было крайне важно для воплощения режиссерской идеи. Впрочем, ребят и на роли-то эти пригласил не я, а мои помощники.

— *А с внуками Вы занимаетесь?*

— С Костей, сыном Алены, ему четыре года. Мы же все вместе здесь на улице Горького живем: и Алена с мужем, и Федька, и мы с Ириной Константиновной.

— *Что Вы сейчас читаете?*

— Читаю каждый день, выписываю огромное количество изданий. Это формальный ответ на Ваш вопрос. Если же Вы действительно хотите узнать что я читаю (помимо периодики), то Вы должны зайти в «Ленинку» и посмотреть мой читательский академический абонемент. Вы увидите очень длинный, огромный список. Предмет, о котором снимаю фильм, я изучаю до самых мельчайших, микроскопических подробностей. Иначе нельзя в кинематографе.

— *Я вижу у Вас на полках много книг по истории музыки, много иностранных изданий.*

— Да, музыка — это моя страсть.

— *А языки знаете?*

— Могу объясняться по-итальянски и по-английски, но не очень хорошо.

— *Какому журналу Вы отдаете предпочтение: «Огоньку» или «Нашему современнику»?*

— Ну, конечно, «Нашему современнику». «Огонек» — это желтая пресса, вон их как недавно по ЦТ пропесочил маршал Вахрамеев за лживые материалы о советской армии. Коротич и его команда все сделали для того, чтобы прекрасный писатель и честнейший человек Юрий Бондарев, которого я знаю очень давно, не прошел на выборах.

— *Сергей Федорович, мой репортерский принцип таков: никогда не оспаривать интервьюируемого, главное — показать его взгляды и характер, но сейчас не могу Вам не возразить. Дело в том, что я хорошо помню статью моего товарища Владимира Вигилянского «Гражданская война в литературе», опубликованную в «Огоньке». В этой статье автор на языке математических выкладок, совершенно хладнокровно, без эмоций показал: сколько — очень много! — издавались в эти годы Бондарев, Проскурин и другие высокие начальники, и сколько — до боли мало — издавались книги великих Платонова, Булгакова, Пильняка...*

— Я Вас понимаю, но могу сказать лишь одно: книги Бондарева в это время раскупали в одно мгновение, их было не достать. Я сам тому свидетель, на черном рынке за них платили огромные деньги. А значит, и тиражи такие были оправданы. Другое дело, плохо, что других талантов не печатали, но это уже другой вопрос.

— *Значит, Вы полностью на стороне Бондарева?*

— Да, и не верю клеветническим, грязным статьям о

нем, как не верю и таким же пасквилям о себе самом. А то, что он пишет, мне очень нравится. И как человек он тоже мне симпатичен. Вот сегодня звонил мне, просил пойти вместе с ним к Рыжкову пробивать садовые участки для кинематографистов, больше-то некому хлопотать.

— ***Неужели у Вас и на это времени хватает?***

— Времени в обрез, но и не помочь людям нельзя. А вообще, загрузка, конечно, колоссальная. Я — член разных коллегий, редколлегий, комитета по Ленинским премиям, депутат Верховного Совета РСФСР, это далеко не все.

— ***Расскажите о Вашей депутатской деятельности.***

— Я — депутат со стажем. Пяти созывов. Более двадцати лет занимаюсь этой деятельностью. И сейчас один раз в месяц принимаю своих избирателей, у меня есть специальный кабинет в Тимирязевском РК КПСС. Если б Вы хоть один часок посидели бы там вместе со мной, у Вас, наверное, голова бы опухла — столько тяжелых вопросов приходится решать.

— ***Ну и как, решаете?***

— Процентом на сорок. Пробиваем квартиры, площадки для детей, а зачастую и доказываем, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Так недавно я, кажется, внушил избирателям, жителям одного двора, что если они не построят площадку для игры детей, ее не построит никто. Надежды ни на кого, кроме как на самого себя, нет.

— ***Сколько Вам платят за депутатскую деятельность?***

— Сто рублей, но у меня есть секретарь, ведущий дела. Естественно, я отдаю деньги ему.

— ***Сергей Федорович, сейчас время покаяний. После фильма Тенгиза Абуладзе это слово становится для нас все более и более привычным. Я, конечно, не***

священник, но все же, есть ли и у Вас какие-то грехи, которые Вы признаете сами, а не придумывает за Вас «Москва-молва»?

— Я могу покаяться в том, что очень мало времени и внимания уделял семье, родителям, детям, Ирине. Очень мало. Грешен и в том, что мало уделял внимания себе, не лечился вовремя, запустил свои болячки, а теперь вот расхлебываю. Пожалуй, это и все мои тяжкие грехи. Я никогда не занимался клеветой, интригами, сплетнями, подсиживанием. Даже если бы я захотел сделать кому-нибудь пакость, то на это у меня не было и теперь нет времени и желания. Я много работал и продолжаю работать. Мои роли, мои фильмы — моя жизнь! (Подчеркнутые слова Сергей Федорович Бондарчук написал мне собственноручно. — *Е.С.*)

— Видимо, у Вас перед глазами всегда стоял положительный пример, которому Вы следовали?

— Для меня очень важен пример отца и Михаила Александровича Шолохова. Отец сначала работал шорником (сапожником), потом на кожевенном заводе, делал ремни, увлекся общественной работой, его послали агрономом на село в числе двадцатипяти тысячников. Работал в отстающем колхозе под Ейском, стал председателем колхоза. Это был человек очень порядочный и неуправляемый, терпеть не мог, когда им кто-то понукал, не допускал, чтобы им руководили. Его черты характера передались и мне.

И пример Шолохова всегда перед моими глазами, особенно, когда меня пытаются с головой окунуть в дела кинематографического союза. Я всегда вспоминаю слова Михаила Александровича, которые он говорил Фадееву: «Пиши, Сашка, больше пиши!»

— Но сам-то Михаил Александрович не писал долгие годы.

— А я вот недавно разговаривал с его сыном, Михаилом Михайловичем. Он мне признался, что отец до конца дней своих писал, переписывал «Тихий Дон», роман его не удовлетворял, как всех великих людей не удовлетворяет их творчество.

— ***А Вы не в курсе шумной истории насчет того, что Шолохов якобы лишь переработал чьи-то чужие дневники и на основе их написал «Тихий Дон»?***

— Это грязная ложь, даже американцы на компьютерах это определили. Эта ложь очень угнетала ранимого художника, поэтому, думаю, он и жил вдалеке от столицы — в станице, подальше от сплетен.

— ***Сергей Федорович, Вы приехали в Москву из Украины, никакого блата, знакомств, естественно, у Вас не было. Расскажите о Ваших первых днях в столице, которая, как известно, слезам не верит.***

— Сначала я учился в Ростовском-на-Дону театральном училище, которым в то время руководил непревзойденный Завадский, потом армия, война. После войны я приехал в Москву, и мой друг Евгений Моргунов отвел меня во ВГИК.

— ***Вы мечтали стать киноактером?***

— Нет, просто Моргунов настоял, а я послушал. И теперь, право, не жалею. Впрочем, это был не первый мой приезд в Москву. В самый первый — я хотел поступать в училище при Театре Революции (ныне театр имени В. Маяковского), но я не дождался экзаменов. Жить было негде, три дня я проторчал на вокзале, а потом, не солоно хлебавши, возвратился в Ейск. Еще в те годы я страстно мечтал попасть на учебу во МХАТ, но даже не рискнул туда зайти — оробел. Потом, когда я уже чего-то добился в искусстве, меня приглашали туда работать, предлагали роли Лопахина и молодого Сталина, но я уже расхотел. Так бывает.

— **А как Вы относитесь к кино-театральной критике?**

— Отрицательно. Недавно мне позвонила одна ученая барышня и начала меня укорять за это, приводить длинный список современных критиков. На что я ей ответил: «А Белинский все же лучше!»

— **Какие Ваши творческие планы?**

— Вот планы я люблю с некоторых пор держать при себе. После одного случая. Несколько лет назад я задумал снимать фильм о Джоне Риде. Поехал со сценарием, который был написан мной в соавторстве с Валентином Ершовым, в Штаты, показал его актеру Уорену Бити (его я пригласил на главную роль), он прочитал сценарий и ответил, что сниматься в антиамериканском фильме не намерен. Но какое-то время спустя выпустил картину «Красные» (этот фильм вышел одновременно с «Красными колоколами»), в котором, мягко говоря, позаимствовал у нас с Ершовым целые эпизоды. С тех пор я очень осторожно делюсь с людьми своими замыслами, идеями. Но уж раз у нас сегодня такая откровенная беседа, то скажу, что не так давно Дино де Лаурентис предложил мне снимать фильм о Екатерине Великой. Мы встретились, обсудили план фильма. Но спустя некоторое время из Америки почему-то пришла телеграмма с отказом. Однако сценарист Крис Брайян обратился к другим магнатам кинобизнеса. И вот вроде бы дело налаживается. Поступило также предложение из Югославии снять фильм о драматических событиях в Косове. Тоже сейчас ведутся переговоры. Но, честно говоря, я еще колеблюсь. По ряду причин. Одна из них в том, что опять про меня мои же друзья будут говорить, что я сертифицированный режиссер, то есть — снимающий за валюту, опять грязные сплетни поползут, знаете, как я устал от всего этого!

— *Сергей Федорович, а Вы, видимо, нередко снимались и снимали за рубежом?*

— Я снимался в Югославии в «Битве на Нере» в великолепной компании американских голливудских «звезд»: Орсона Уэллса, Юла Бриннера... Играл вместе с Жозефиной Чаплин, дочерью великого артиста, в фильме «Вершина Зелен Гора», ГДРовском «Эрнст Шпеллер», в некоторых других. Помню, интересный затевался проект: фирма «Понти» предложила мне снять фильм с Софи Лорен в главной роли, но потом по вине, кажется, «Совинфильма» картина не состоялась.

— *Вам сильно вредили?*

— Не то слово. То за меня просили по два миллиона долларов, то отвечали зарубежным компаниям, что я в отпуске, в командировке, долго снимаю, болею, придумывали что хотели. «Совинфильм» старался всюю.

— *Сергей Федорович, ну а друзья у Вас есть?*

— Я по натуре — одиночка. Друзей немного. Пожалуй, это режиссеры Игорь Таланкин, Гия Данелия, Юра Озеров. Раньше был у меня такой друг — Толя Чемадуров, мы вместе с ним учились, снимали «Судьбу человека» (он — вторым режиссером), вместе Сталинскую премию получали, но Толя умер. Дружил и с Мишей Чикиревым — моим гримером, но он тоже умер.

— *О чем я Вас не спросил?*

— О Союзе кинематографистов.

— *Спрашиваю.*

— Я все время в этом Союзе, много лет руководил Всесоюзной комиссией по работе с молодыми кинематографистами. Не буду кривить душой, скажу: многие из секретарей превратили Союз в кормушку. Я же урвать никогда ничего не хотел, да мне и некогда было бы это делать (даже если бы я очень захотел), я практически всегда работал: или снимал или снимался. Ходить же на

всякие заседания стремился как можно меньше. Но меня все загружали новой работой, даже предлагали возглавить этот Союз. Но я всегда отказывался. Впрочем, я по мере сил и возможностей работал, вот мы создали «Дебют», думаю, это большое дело, помогали молодым. Но уже довольно давно я начал отдавать себе отчет в том, что по большому счету Союз не нужен. Сегодня я утвердился в этой мысли. К сожалению, Союз не меняется по сути. Он как был административной системой, так и остался. Но разве может меня какой-нибудь секретарь научить, как снимать? Конечно, нет! А он пытается. Союз и студия «Мосфильм» живут по собственным законам, автономно друг от друга. Тогда зачем такой Союз нужен? Нужен профсоюз, ведающий путевками, помогающий неимущим кинематографистам.

Когда Климов стал первым секретарем, я подошел к нему и сказал: «Зачем тебе все это? У тебя сейчас расцвет, снимай, работай!» Он ответил, что два года надо покорпеть. И, действительно, через два года ушел. Снимает сейчас в объединении у Сережки Соловьева «Мастера и Маргариту». Пришел Смирнов — тоже ничего не изменилось, по-прежнему околкинематографические люди, точно трутни, делают свои дела... Прока от них никакого, дел никаких, одни слова, слова, слова. А сейчас время такое, что надо, засучив рукава, работать, пахать по-черному, чтобы сказать свое слово о нашем сложном, как всегда сложном, времени. Мне думается, что многие люди сейчас забывают: конечная цель искусства — это единение людей в добре. Задача киноискусства — сделать так, чтобы люди полюбили жизнь во всех ее проявлениях.

Сегодня же наше киноискусство отвращает людей друг от друга, дает эрзац вместо настоящей продукции. Союз с этим не борется. А это очень грустно.

— Сергей Федорович, большое Вам спасибо за беседу. Я уверен, что ее прочитают с большим интересом!

1989-2007

P.S. Приходя в гости к Сергею Федоровичу, я познакомился со многими интересными людьми — Олегом Анофриевым, Евгением Моргуновым (царство ему небесное). Это интервью прочитал в рукописи и совсем юный тогда Федор Бондарчук. И печатать его не советовал. Но Сергей Федорович все-таки разрешил.

ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ

Игоря Кио

Этого артиста я любил с детства. Помню, мать водила меня с братом на его представления в старый добрый московский цирк на Цветном бульваре, и мы, затаив дыхание, смотрели как он, любимый наш артист, творил на манеже настоящие чудеса. Прошли годы, мне посчастливилось познакомиться с этим человеком. Игорь Эмильевич предложил мне стать его пресс-секретарем. И шесть лет я выполнял эту работу. Конечно, это была специфическая деятельность. На работу в офис Кио, расположенный на Проспекте мира, я не ходил. Но когда было надо, он звонил мне и говорил, в чем нуждается. В основном потребность во мне возникала накануне очередных гастролей, или после выхода книги и т.д.

Кио был очень интересным человеком. Сибарит, интеллигент, любитель анекдотов...

Работать с ним было интересно. Он не врал, делал то, что говорил. В цирковой среде у него была безупречная репутация, что очень редко. Обычно люди искусства друг друга не жалуют.

От Игоря Кио тянулась цепочка связей. Так он меня познакомил с иллюзионистами Татьяной Кох и Юрой Кукесом, Юра Кукес — с Мстиславом Запашным. Я им всем помогал в плане пиара.

Игорь Эмильевич дружил с художником из театра

имени Рубена Симонова Александром Авербухом — я помогал и этому театру.

Платил Кио неохотно. Всегда торговался. Но когда сходились в цене, рассчитывался пунктуально.

Мы начали сотрудничать очень давно, году в 1992-ом. Цены тогда были смешные. Я размещал сюжет в программе «Время» за 500 долларов с указанием места и времени представления Кио. И, надо сказать, Игорь Эмильевич меня ценил. Все-таки шесть лет подряд он давал мне работу.

* * *

Работали мы четко и отлажено, не подводя друг друга. Правда, как я уже писал, всегда торговались. И любили подшучивать друг над другом...

...1996 год. Шла презентация новой программы Цирка на проспекте Вернадского. Собралось много известных людей — Леонид Костюк, Константин Бесков, Станислав Садальский, толпа журналистов... Садальский, помню, предложил тост «За великого Кио». Все охотно выпили.

Мы стояли на презентации рядом с Кио и его учеником Юрой Кукесом. Потом к нам подошли красивые, длинноногие девушки из танцевального коллектива Юры.

Игорь Эмильевич, помню, приятно пошутил:

— Девчонки, мы с Юрой должны много денег Степанову, придется расплачиваться вами...

Девчонки засмеялись. А я загрустил, потому что знал — Игорь Эмильевич всего лишь пошутил. Увы.

* * *

Кио никогда не хвастался. Не рассказывал о своей семейной жизни с дочкой Сталина.

* * *

Очень дорожил добрым отношением к нему Константина Ивановича Бескова, который был в свое время его тренером.

* * *

В молодости он работал без остановки, давал по 500-600 представлений в месяц.

Когда я с ним познакомился, он уже работал меньше. Вообще, не любил делать лишние телодвижения. Даже офис у него был на первом этаже его дома.

О советской рабской цирковой системе отзывался нелицеприятно — на «дядю» он работать не любил. И сразу после Перестройки у него появилась своя цирковая компания.

* * *

Когда я затеял журнал «Футурум АРТ», Игорь Эмильевич начал его поддерживать. В первом номере вышло его интервью, которое у него взял наш корреспондент Саша Алешин. У меня до сих пор в архиве хранятся фотографии Кио, где он с Аллой Пугачевой.

* * *

Я провел много пресс-конференций Игоря Кио, много раз делал с ним интервью. Сейчас хочу предложить вашему вниманию беседу, которую мы сделали сразу после его гастролей в Японии.

— Игорь Эмильевич, что-то давно о Вас не было никакой информации. Куда Вы пропали?

— Я находился на гастролях в Японии. Они длились шесть месяцев. Гастроли были весьма необычные, несколько непривычные для меня. Расскажу по порядку. Есть в Японии такая фирма «Хонма Когио Ко лтд», которая в течение последних пяти лет постоянно приглашает выступать в Японии двести-двести пятьдесят российских артистов. Это и балетные коллективы, и эстрадные артисты, и мастера оригинального жанра... Фирма «Хонма Когио Ко лтд» очень богатая. У нее десять отелей на острове Хокайдо. В этих отелях есть ночные клубы. В них как раз и выступают русские артисты. Вот и я проработал в таких клубах полгода.

— ***Наверное, вход в такие клубы очень дорогой?***

— Вы не поверите — плата за билеты не взимается вовсе! Артисты повышают престиж отелей! Дело в том, что эти отели расположены на горном курорте. Туда люди приезжают отдохнуть, лечиться. Места действительно очень красивые. Олени ходят, лисы бегают, бьют целебные источники...

— ***Какие зрители японцы?***

— Фантастические. С одной стороны, эти люди творят чудеса науки и техники. С другой стороны, они верят в самые настоящие сказки. Верят на полном серьезе. Точно дети. Все наши иллюзионные представления они воспринимали конкретно, принимая нас за настоящих магов.

— ***А что Вас еще поразило в Японии?***

— То, как японцы работают. Я не могу сказать о всей стране, но видел, как работают служащие в отеле. Регулярных выходных у них нет. Выходных всего два-три в месяц по согласованию с хозяином. Отпусков нет вообще. Работают с пяти утра до двух часов ночи. Как пчелки.

— ***Вы показывали свою программу только в отелях или выступали где-то еще?***

— Еще мы работали в Саппоро, одном из крупнейшем

городов Японии. Этот город меня поразил. Вот мы все ругаем (и справедливо!) наши власти за то, что у нас грязные улицы. Но в Саппоро улицы, по-моему, не убирают вообще никогда.

— ***Много русских артистов работает в Японии?***

— Очень. Мир сейчас открыт. Зачастую артисты договариваются о гастролях самостоятельно. Напрямую. Плохие артисты (они всегда более пробивные) заполнили не только Японию — Запад вообще. Работают наши порой за пять долларов. Сбивают рынок колоссально. В Японии мириады русских артистов, многие из которых в лучшем случае смогли бы выступать в каком-нибудь провинциальном российском Доме культуры.

— ***Что Вы думаете о западных иллюзионистах?***

— Меня поражает шоу Зигфрида и Роя. Это действительно роскошное шоу. Очень дорогостоящее. Программа стоит двадцать миллионов долларов. В такой программе вы увидите белых тигров, слонов, услышите — живьем! — песни Мадонны, Майкла Джексона. Что же касается шоу знаменитого Давида Коперфильда, то, безусловно, это, прежде всего, телевизионное шоу. Давид Коперфильд сделал себе имя благодаря телевидению, видео. По всему миру продаются его кассеты. И на экране он выглядит намного убедительнее, чем на сцене. Между тем, это, конечно, выдающийся мастер. Хороший манипулятор, пластичный танцовщик, просто красивый, обворожительный артист. Кстати говоря, его настоящая фамилия — Коткин. Его родители — выходцы из России, из Одессы.

— ***Большой бум произвели его полеты над сценой. Вы могли бы их повторить?***

— Мог бы. Они меня, надо признаться, «завели» как профессионала. Могу уверенно сказать, что если в мое шоу вложить деньги, я полечу не то что над сценой, полечу вообще над землей, ну, скажем, над останкинским прудом. Поймите, в нашем деле очень многое зависит

именно от денег. Тот же Давид Коперфильд ежегодно отдельной строкой закладывается в бюджет США, он национальное достояние Америки.

— *А среди наших иллюзионистов есть достойные мастера?*

— Конечно, есть. Но прямо скажу, их не много. Я считаю, что сейчас безусловные лидеры в жанре — это Татьяна Кох и Юрий Кукес, заслуженные артисты России. Это молодые талантливые ребята, муж и жена. Прекрасные профессионалы, настоящие артисты. В отличие от других они показывают не просто фокусы, а настоящее шоу. Они обладают огромной культурой и подлинной артистичностью. Кстати говоря, Юрий шесть лет работал в Японии, а до этого выступал на сцене старого цирка на Цветном бульваре.

— *Игорь Эмильевич, как Вы считаете, есть ли нераскрытые трюки?*

— Разгадать нельзя то, что не видел. А то, что увидел, то разгадано. Формула трюка проста — исчезновение, появление, превращение. И каждый трюк ассоциируется с каким-то другим.

— *Приходилось ли Вам пользоваться своим умением творить чудеса?*

— Нет, поскольку я чудес не творю. Но расскажу Вам смешной случай. Мы получали с женой квартиру от кооператива Союза архитекторов. Пришли на жеребьевку — там определяли кому какой этаж достанется. Я спрашиваю жену: «Какой этаж ты хочешь?» Она отвечает почему-то: «Двенадцатый». Я тяну бумажку, сам на нее не смотрю, отдаю супруге и говорю: «Вот тебе, пожалуйста, двенадцатый этаж».

И точно. Понимаете, просто повезло. Случайность. Но разговоров потом было много...

— *А Вы сами верите в чудеса?*

— Верю. Помните, может быть, была знаменитая женщина-экстрасенс Роза Кулешова? Я с ней встречался. Она действительно обладала кожным зрением. Она видела любым участком тела. Она однажды пришла ко мне. Я положил газету «Правда» на стул. Посадил на этот стол Розу. И она мне прочитала всю передовицу.

— ***Может быть, она выучила заранее?***

— Но ведь это я дал ей газету. Она про нее ничего не знала. Она была, конечно, экстравагантной женщиной. Разговаривала только стихами. Понять эти стихи не всегда представлялось возможным, но их форма отличалась безукоризненной строгостью.

— ***Вы применяете в своих шоу элементы парансихологии?***

— Нет. У меня другая профессия. Но знаете, однажды ко мне в Краснодаре после выступления подошла одна женщина. Нервы у нее было явно на пределе. Она стала мне говорить, что соседка ее сглазила. Спросила у меня: «Как Вы считаете, пройдет это у меня?» Я ответил: «Пройдет!» Она: «Правда?» Я: «Правда!» Через три дня она прибежала ко мне опять, принесла бутылку коньяка, корзину закуски и сказала: «Вы знаете, в первый же день, после того, как я у Вас побывала, я почувствовала себя значительно легче. А на второй — проснулась и вообще сглаз как рукой сняло. Огромное Вам спасибо!» Очень сильно благодарила.

— ***Игорь Эмильевич, о Вас написано множество статей в различных газетах мира. Что Вам запомнилось из написанного о Вас?***

— «Нью-Йорк таймс» однажды написала: «Советский иллюзионист Игорь Кио похож на Сталина. Раньше люди пропадали у Сталина, теперь у Кио». Кажется, так там было сказано.

1997-2007

Махмуд ЭСАМБАЕВ:

«Я ТАНЦЕВАЛ ПОД СТРАХОМ БЫТЬ УБИТЫМ!..»

Махмуд Эсамбаев — легенда отечественной культуры. Все звания и титулы этого знаменитого танцовщика можно перечислять до бесконечности. Народный артист, Герой социалистического труда...

Но самое главное — он был удивительно добрым, щедрым, хлебосольным человеком.

В 1996 году мы разговаривали с Махмудом Алисултановичем у него дома, прежде всего, об истоках его творчества, его успеха, о малой Родине, о том, как и когда он впервые почувствовал себя артистом, ощутил невозможность не танцевать.

Этот текст он принял без единой поправки.

— Махмуд Алисултанович, Вы — знаменитый танцовщик. Однако у Вас нет фактически никакого образования. Талант-самоучка. Больше того, Вы не из артистической семьи, то есть никто Вас за руку в большое искусство не привел. Всего добились сами. Не так давно по телевидению показали фильм о великом Рудольфе Нуриеве, я впервые увидел родные баш-

кирские места танцовщика. Знаете, впечатление непростое. Убогие, низенькие хаты, какая-то грязь непролазная, никакой эстетики и вдруг на этом фоне вырастает, точно цветок сквозь асфальт, гений. Что ж, выходит среда — это не самое главное для формирования художника?

— Самое главное — это огонь внутри человека. Всепоглощающая страсть к искусству. У Рудольфа, которого я хорошо знал, это было в полной мере.

Что касается меня, то Вы, Женя, правильно заметили, что я самоучка. Причем, в обучении танцам меня в детстве никто не поощрял. У моих родителей, простых чеченских крестьян, было четверо детей. Я — младший. Нас нужно было кормить. А не думать о чем-то эфемерном. И мой отец к танцам относился, мягко говоря, скептически. Он считал это делом, недостойным мальчика. А у меня страсть к танцам проявилась очень рано. Уже в три года я был популярен у нас в горах и в селах так, как впоследствии я не был популярен никогда, даже когда стал лауреатом многочисленных всесоюзных и международных конкурсов. Если свадьба — к отцу приезжали и просили: «Алисултан, дай мальчика, пусть потанцует». В общем, мне кажется, что не было у нас, в Чечено-Ингушетии, ни одной свадьбы, на которую не приглашали бы маленького сына Алисултана из села Старые Атаги.

Когда мне исполнилось семь лет, мы переехали в Грозный, отец купил маленький скромный домишко. Мы начали новую жизнь. Отец предупредил меня: «Про танцы забудь навсегда. Узнаю, что танцуешь, — убью. На одного в семье будет меньше. Мужчины имеют право танцевать только на праздниках, на свадьбе, например. Танцевать без повода нельзя».

Отец был очень строгим. Он, в самом деле, наверное, мог убить.

Но страсть брала свое. Я танцевал, не ставя отца об этом в известность. И однажды он узнал... Он меня не убил. Но избил очень жестоко. Красными прутиками по спине.

Спас меня случай. В школе уже все знали, что я хорошо танцую. И однажды меня вызвали в кабинет к директору и объявили, что я должен выступить на районной олимпиаде за честь нашей школы. Мне так и сказали: «Займешь первое место, значит, все мы на первом месте. Займешь последнее место — мы самые худшие!»

Я пришел домой и, повесив нос, рассказал обо всем отцу. Неожиданно он сменил гнев на милость: «Если школа посылает тебя на олимпиаду, значит, надо ехать. Станцуете плохо — убью. На одного меньше в семье будет».

Это была его любимая фраза.

Я станцевал лучше всех. Остался жив. Меня даже наградили чемоданчиком из крокодиловой кожи. А школе вручили патефон. Кроме того, во время олимпиады меня досыта кормили, может быть, впервые в жизни. И тогда я уже окончательно понял — танцы бросать нельзя ни в коем случае. Они доставляют мне колоссальную радость, да еще и кормят за них! Что может быть лучше?! Однако отцу я опять не угодил. Он сказал: «Если бы ты танцевал очень хорошо, тогда тебя наградили бы галошами...» Но тон у него постепенно становился несколько мягче. Затем я победил и на городской, и на республиканской олимпиадах.

— *А как Вы учились в школе?*

— Я учился идеально... плохо. Кстати, больше всего знаний я почерпнул на улице, где и русский язык выучил. Хочу Вам заметить, что в ту пору нам, грозненским мальчишкам, и в голову не могло прийти различать людей по национальному признаку. Все мы жили дружно — русские и чеченцы, евреи и татары. Существовало толь-

ко два понятия — плохой и хороший человек. Но, видимо, во дворе я проводил слишком много времени. В шестом классе меня из школы просто выгнали. Я получил следующую справку. «Справка дана М. Эсамбаеву, что он отчислен из шестого класса за неуспеваемость». Подпись директора школы, завуча. Печать. Все было написано по-русски. По счастью, мой отец русского языка не знал.

Я пришел домой, показал справку и соврал: «Папа, видишь, какой мне документ дали. Сказали, чтобы больше я в школу не ходил. Сказали, что надо мне идти танцевать!»

Отец почесал в затылке и грустно согласился: «Если в школе так решили, значит, и впрямь надо идти танцевать».

Я устроился в танцевальный ансамбль. Первую зарплату я принес домой в размере трехсот рублей сорока копеек. Мне было лет тринадцать. Я все до копейки отдал отцу. Он не поверил своим глазам: «Скажи честно, за что тебе дали такие большие деньги?» «За танцы». «Не верю. Пойдем к тем людям, которые тебе дали такие деньги».

Мы пошли к бухгалтеру ансамбля. И он подтвердил отцу, что деньги в самом деле даны за танцы.

Отец парировал со свойственной ему манерой: «Теперь понятно, почему мы все так плохо живем, платите деньги непонятно за что. А настоящим труженикам не платите ничего».

Всю дорогу домой он меня ругал.

Но уже было поздно, я стал артистом. Я твердо знал, что это мое призвание.

С тех пор я сменил множество коллективов, объездил полмира. Я работал в Грозненском цирке, Киргизском оперном театре, Алма-атинском театре, в Пятигорской оперетте, ездил в зарубежные гастролы с труппой Боль-

шого театра, даже в черную годину, когда всех нас, чеченцев, и меня в том числе, сослали в Казахстан, танцевал и там. А ссылку я провел на станции, которая находится недалеко от города Акмолинска.

— Махмуд Алисултанович, за плечами у Вас интереснейшая, яркая жизнь. Какими выводами о ней Вы хотели бы поделиться с читателями?

— Я думаю, главное в жизни — найти свою дорогу. Тогда все будет легко. Ведь если вдуматься, труд балетного артиста — каторжный труд. Если страстно не любить это дело. А если любить, обожать, то это вообще не труд. Праздник.

— Жалко только, что не так много праздников в нашей сегодняшней жизни. Особенно у Вас на Родине.

— Когда я думаю обо всем, что случилось в Чечне, у меня к горлу мгновенно подступают слезы. Для меня это самая большая трагедия в мире. Вы знаете, еще до начала войны я говорил практически всем членам правительства России, что нельзя воевать с чеченцами, ни к чему хорошему это не приведет. Говорил это и президенту. Всем говорил. Никто меня не послушал. Сейчас у меня большая надежда на Александра Ивановича Лебеда. Я уверен, что будущее за ним, за такими, как он. Главное — не затоптать росточки мира. Помнить простую давнюю истину — худой мир лучше хорошей войны!

1996-2007

Представители

других
профессий

Лев Яшин:

«ПРЕДПОЧИТАЮ ПРОСТУЮ УДОЧКУ!»

В 1989 году я познакомился с непревзойденным нашим вратарем, поистине прекрасным человеком — Львом Ивановичем Яшиным. Я делал с ним интервью для газеты «Семья», где тогда работал. Говорили мы в основном о проблемах детства, о благотворительности спортсменов. Но расспрашивал я легендарного голкипера и о многом другом.

Вот некоторые фрагменты нашей беседы.

— Лев Иванович, о Вас ходит много самых разнообразных легенд. Одна из них о том, как Вы в Южной Америке заработали кучу денег, а потом их пожертвовали. Было такое?

— Было. Однажды, в шестидесятые годы, пригласили меня на юбилейное торжество в Бразилию. На телевидении, прямо в студии, установили футбольные ворота. Приехали многие голкиперы. И среди них организовали конкурс: кто меньше пропустит мячей с одиннадцатиметрового удара. Приз — большая денежная сумма. Ну, я и выиграл этот конкурс, а деньги передал одному из местных детских домов.

— *О Ваших спортивных результатах известно, наверное, все. И сколько раз Вы становились чемпионом страны, и сколько голов пропустили... Но вот о Вашей личной жизни информации меньше. По «агентурным» данным нам стало известно, что Вы — страстный садовод-любитель, заядлый огородник...*

— Я?.. (Лев Иванович от души смеется. — *Е.С.*) Я бы Вам посоветовал уволить всех Ваших «агентов». Меня в огород на аркане не затащишь. А вот рыбалка — это дело другое!

— *А где Вы ловите?*

— Чаще всего езжу на Истринское, Можайское водохранилища. Но не только туда. Рыбачу везде, где есть хоть самый небольшой водоем. На донки, спиннинги ловить не люблю. Предпочитаю простую удочку. А на мормышку ловлю зимой. Очень это увлекательное занятие — рыбалка. Мы с моими старыми заводскими друзьями — Мишей Голуновым, Витей Оболиным, Толей Напольновым, которые до сих пор работают на заводе в Тушине, частенько выбираемся на природу, чтобы отдохнуть от нашего суматошного, суетного и, прямо говоря, немножко бестолкового мира.

— *А на газеты, кино у Вас остается время?*

— Времени катастрофически не хватает. Ведь я хоть и на пенсии, но продолжаю работать тренером-консультантом ЦС «Динамо». А это — постоянные встречи с молодежью, футболистами динамовских команд, которых у нас две сотни. Успеваю, пожалуй, только прочитать газеты да телевизор иногда посмотреть.

— *А книги? Какие из последних прочитанных книг Вам запомнились?*

— Если честно, то ничего такого уж шибко потрясающего я в последние годы не прочитал. Отдаю предпочтение классической литературе, очень люблю мемуары.

Особенно воспоминания наших великих маршалов (Жукова, Рокоссовского...) о Великой Отечественной. Может быть, оттого, что я — дитя войны, знаю о ней не понаслышке.

— В Вашей жизни было немало прекрасных мгновений. Какое-то из них наверняка врезалось в память особо. Расскажите?

— Расскажу. В далеком уже 1956 году возвращались мы с победной мельбурнской Олимпиады. До Владивостока доплыли теплоходом, а дальше через всю страну — поездом. И вот на одном из забайкальских полустанков ввалился в наш вагон старик в тулупе с заиндевелой бородой и спрашивает: «А кто здесь Яшин?» Оказалось, что он пешком прошел десятки верст зимней дороги до станции и принес в холщовой торбе большого вяленого омуля. «Отведай, — говорит, — сынок, с ребятами, и спасибо тебе за все!». Я, знаете ли, человек далеко не сентиментальный, но тогда даже прослезился и на всю оставшуюся жизнь запомнил человека, ставшего для меня олицетворением тех, для кого играл в футбол.

1989-1999

Игорь ОЛЬШАНСКИЙ

Я находился в чебоксарской типографии № 1, где печаталась моя книга по заказу Росгосстраха о карманных календарях, когда позвонил один мой старый знакомый и сказал, что его другу, известному московскому бизнесмену, нужен журналист и пиарщик.

Я сказал, что занят. Приятель настаивал, чтобы я срочно вылетел в Москву. Людям надо помочь.

Надо значит надо. Вернулся в Москву и меня познакомили с Игорем Николаевичем Ольшанским, крупным бизнесменом, исполнительным вице-президентом американской компании «IBE Trade Corp.». Это был молодой, красивый, подтянутый человек.

Общий язык нашли быстро. Уже на следующий день я вышел на работу.

Мы вместе работали полтора года. Это был необычный предприниматель. Он не просто зарабатывал деньги — он как крупный промышленник возрождал российскую и украинскую химическую промышленность. Его работа была неразрывно связана с деятельностью ОАО «Минудобрения», г. Россошь и ЗАО «Северодонецкое объединение «Азот». По его инициативе и при его активном участии эти предприятия оснастили современным оборудованием, внедрили новые высокоэффектив-

ные технологии, разрабатывались новые виды продукции. Заводы реально поднялись, стали качественно другими, сумели выйти по производственно-экономическим показателям в число лидеров химической индустрии, упрочили свою репутацию надежных партнеров за рубежом. Производственные интересы связывали Ольшанского со множеством деловых людей в России, Украине, Европе, Америке.

Под его вниманием находились все более или менее значимые региональные, социальные и благотворительные акции — охрана труда, протекция сельхозпроизводителям, отчисления в бюджет, поддержка местной промышленности, возведение жилья и спортивных объектов.

Игорь Николаевич любил жизнь и людей. Он был заботливым сыном и мужем, отцом четверых детей. И его любили и уважали подчиненные, коллеги, друзья и родные, как любят большого и сильного главу семейства в большой крепкой семье. До последних трагических минут он был преисполнен планов, работал над докторской диссертацией, занимался новыми крупными проектами в России и Украине.

Игорь Николаевич был поистине уникальным руководителем. Это не преувеличение. Разбирался до мельчайших нюансов в сложнейшем химическом производстве, умел управлять людьми, в совершенстве владел английским языком. Был блестящим знатоком своего дела. На защите диссертации на звание кандидата экономических наук, он буквально поразил профессоров своими глубокими теоретическими знаниями, помноженными на колоссальный производственный опыт. На все вопросы оппонентов дал исчерпывающий ответ. И еще раз убедительно доказал, что только в развитии отечественного химического производства — будущее отрасли, экономическая безопасность и независимость страны.

Он был требовательным начальником, спрашивал с подчиненных строго. Очень строго. Но если его сотрудников кто-то начинал обижать, всегда их защищал. Вспоминаю такой случай. Мы начали новый экономический проект. Пригласили специалистов, которые должны были усилить то, что мы делали силами собственного коллектива. Началась совместная работа. И не заладилась. Наши сотрудники были недовольны новыми специалистами, они жаловались Игорю Николаевичу на его подчиненных. И так продолжалось почти месяц. Потом Игорь Николаевич собрал совещание и сказал:

— Товарищи, наверное, мы что-то делаем не так. Возможно, я не прав. Но эти сотрудники — н а ш и. И они будут работать. А с вами мы вынуждены расстаться.

Игорь Николаевич был человеком круглосуточного труда. И если работал, то работал на износ. Иногда все мы, его подчиненные, получали задания ночью, рано утром. И нужно было решать вопросы.

Еще очень важная черта Ольшанского — он всегда доверял людям. Не контролировал по мелочам. А спрашивал результат. Он умел расставить правильных людей по своим местам, обрисовать поставленные задачи и спросить. Текучку, как правило, не контролировал.

Он во всем был максималистом. Например, мы начали переделывать сайт «IBE Trade Corp.» Игорь Николаевич курировал эту работу. Он сразу поставил задачу: «Важно, чтобы перевод на английский делал в высшей степени профессиональный человек, носитель языка. Даже если это будет намного дороже, надо сделать так. Экономить на деле нельзя!».

И на деле он никогда не экономил.

Игорь Николаевич любил жизнь во всех ее проявлениях. Интересовался историей, литературой, изучал иностранные языки.

В зрелом возрасте проникся идеями казачества, помогал казакам, спонсировал многие проекты.

Он был уникальным товарищем. Практически никогда не отказывал друзьям. Даже в мелочах.

...Я работал по заданию Игоря Николаевича в Киеве, ко мне прилетела жена. А разъездные машины, как на грех, сломались. Игорь тут же предложил свой бронированный «Мерседес». Поехали вместе с ним встречать мою жену. Наташа тогда изумилась: «Ничего себе у тебя тут машина!»

Игорь был очень тонким, веселым человеком. Знал миллионы анекдотов. Очень любил Киев. Не раз говорил мне, что хотел бы здесь жить (в Киеве, кстати, он познакомился со своей супругой Аленой).

Всегда удивлялся:

— Смотри, как здесь чисто, никто не мусорит! Есть чему поучиться!

Знал толк в поэзии.

Я подарил ему журнал «Дети Ра», издателем и главным редактором которого являюсь. Он с удовольствием стал читать стихи. Особенно стихи русских поэтов, живущих в Нью-Йорке.

Нью-Йорк он любил. Жил там долгие годы.

Игорь Николаевич Ольшанский принял мученическую смерть в авиакатастрофе. Господь взял его к себе в самом расцвете сил. Как известно, лучших он забирает в молодом возрасте.

Президент «IBE Trade Corp.», его друг и партнер Алекс Ровт, на церемонии прощания сравнил жизненный путь Игоря Ольшанского с судьбой Владимира Высоцкого, Джо Дассена. Это во многом справедливо. И не

только потому, что все они ушли в мир иной в 42 года, а потому что Игорь Николаевич тоже был звездой. Звездой в своем деле.

2007

Виталий Савицкий: **«РОССИЯ БУДЕТ ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ!..»**

Мало в моей жизни было таких надежных товарищей, как Виталий Савицкий.

Этот человек меня ни разу в жизни не подвел. Встречал в Питере, где он жил, кормил в уютных забегаловках, давал кров в своем доме.

Именно Виталий Савицкий как сопредседатель Российского христианского демократического союза рекомендовал меня на учебу за границу, в Женевский университет христианского образования.

Когда Савицкий стал народным депутатом, мы, увы, не общались. Рядом оказались другие люди, видимо, более близкие...

Виталий погиб в автокатастрофе. Мне его не хватает до сих пор. В 1992 году в Питере мы сделали с ним интервью, которое было опубликовано в журнале «Столица». Оно тогда имело весьма большой резонанс.

И вот прошло много лет после выхода интервью. Во многом Виталий оказался прав.

— Виталий Викторович, многие весьма уважаемые эксперты не в восторге от реформ кабинета Гайдара, нынешнее положение в российской экономи-

ке оценивают как катастрофическое. Вы, кажется, думаете иначе?

— Естественно! Прежде всего, о кабинете министров. Ельцин, по-моему, подобрал прекрасную команду реформаторов, эдаких «чикагских мальчиков». Эти ребята в силу определенных причин сызмальства с «совком» сталкивались мало или вообще не сталкивались. Они имели возможность получить хорошее образование на Западе, они уже давно жили фактически по западным канонам (даже если и находились изредка на территории Советского Союза). Отсюда — и характер реформы, которую они проводят. Нашу экономику переключают, исходя из хорошо известных западных «образцов».

— Вы имеете в виду реформу Людвиг Эрхарда в Германии?

— Именно. Причем положение Германии в середине века было намного страшнее нашего сегодняшнего. 18 июня 1948 года Эрхард объявил о начале реформы. И что он имел вокруг? Пустые прилавки, тотальный дефицит, обесцененную рейхсмарку, безумные цены на черном рынке. Абсолютный «социализм»; никакой тебе безработицы (люди делают вид, что работают, а правительство делает вид, что платит им). Периодически — партии «гуманитарных» продуктов всем гражданам, небольшая помощь по плану Маршалла, эпизодические денежные вливания из-за рубежа, мгновенное «проедание» этих средств из-за страшного бюджетного дефицита. Мрак! И вот реформа «пошла». В ноябре сорок восьмого года — семьсот шестьдесят тысяч безработных, в январе сорок девятого — девятьсот шестьдесят тысяч, в декабре сорок девятого — больше миллиона, к февралю пятидесятого — почти два миллиона. Тамошние профсоюзы (а они были очень сильны, не то что российские) должны были еще в ноябре сорок восьмого начать всеобщую бессрочную забастовку — до отстранения кабинета министров в полном

составе. Но, слава Богу, забастовка провалилась: общественное мнение поддержало Эрхарда. В первой половине 1950 года безработица перестала расти, цены упали на десять с половиной процентов, были приняты меры, защищающие неимущих, — все это, заметьте, уже через полтора года послало начала реформ.

А российская экономическая реформа идет намного более быстрыми темпами: появляется рынок труда (без него не может быть и речи о повышении производительности), цены на некоторые виды товаров начали падать уже через полгода после «часа пик». Очень показательна динамика курса иностранных валют: к концу прошлого года за доллар давали чуть ли не триста рублей. А сейчас? Курс доллара практически стабилизировался. Причем, те сто двадцать пять рублей, что мы отдаем за один «зеленый» сегодня, — это ведь далеко не «дореформенные» сто двадцать пять рублей, это вообще пшик.

Инфляция продолжается, зарплата «накручивается», а доллар практически стоит. Любопытно, не правда ли? Рубль, видимо, очень скоро станет вполне конвертируемой уважаемой денежной единицей.

Не стоит пугаться падения курса рубля. Эрхард в Германии проводил намного более жесткую монетарную политику, чем Гайдар в России (и правильно делал). Немедленно обменял рейхсмарку на дойчмарку. И, тем не менее, падение курса марки продолжалось еще очень долго.

— *А как немцы поступили с ценами на энергоносители?*

— Цены на энергоносители в Германии удалось «отпустить» лишь в 1951 году, до этого они были строго фиксированными. Так что в этом отношении наш кабинет министров смелее. Ну да, критикуют их, ругают. Так ведь и Эрхард позже вспоминал, что к 1951 году у него в аппарате не осталось ни одного чиновника, который не

держал бы на столе оформленного по всем правилам заявления об отставке.

Еще раз повторяю, российская экономическая реформа продвигается вперед огромными темпами. То, что сделала команда Гайдара, это... Ну, вот представьте, идет поезд по узкоколейке, а его — раз! — и выводят на магистральную линию.

— Так ведь крушение будет, если с узкоколейки — на магистраль.

— А у нас, Вы же видите, не происходит никакого крушения. Все идет прекрасно. Нет ни Госплана, ни Госкомцена, ни Госнаба, ни всех других вредительских ведомств. Рынок «раскачивается». Самое главное — деньги стали деньгами. Вспомните, полгода назад ценность из себя представляли только вещи. А теперь деньги есть — все есть. Да, конечно, падение жизненного уровня ощущается, но дефицита — НЕТ! Впервые за долгие-долгие годы.

— Не кажется ли Вам, что назначение на ключевые посты в кабинет министров таких людей, как Шумейко, Хижа — отнюдь не «гайдаровского» плана, очень скоро сведет на нет все то, чем Вы сейчас восторгаетесь?

— Нет, не кажется. Поверьте, я отнюдь не являюсь пламенным поклонником Бориса Ельцина. Но нужно отдать должное президенту — чутье у него великолепное. Он идеально уловил тот момент, когда нужно было вводить в правительство новых-«старых» работников. Ельцин понял, что «чикагским мальчикам» сейчас нужны для поддержки (именно для поддержки, не для того, чтобы вредить) разумные, расчетливые, приземленные практики, хорошо изучившие изнутри «совковую» экономику. Такой союз, надеюсь, пойдет всей стране на пользу. Уверен: очень скоро Россия станет процветающей страной. Не смейтесь, я серьезно. Именно ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ!

1992-2007

Евгений Викторович Степанов
ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО

Редактор – Евгений Викторов
Корректоры – Тимофей Мефодиев, Евгений Реутов
Автор обложки – Светлана Чернявская
Компьютерная верстка – Анна Романюк

Бумага офсетная
Печать офсетная
Гарнитура PeterburgC
Сдано в набор 08.01.2007
Подписано в печать 15.03.2007
Тираж 300 экземпляров
ISBN 978–5–903321–08–7

Издательство «Вест-Консалтинг»,
109193, г. Москва,
Большой Знаменский переулок, д. 2, строение 3.
тел.: (495) 203-06-41, тел./факс: (495) 203-06-89
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.